

ГРУЗИНСКИЕ
РОМАНТИКИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

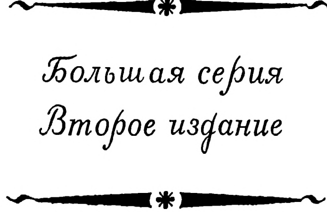
ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ

Вступительная статья
Г. Л. Асатиани и Т. П. Буачидзе

Составление и примечания Т. П. Буачидзе

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1978

В сборник вошли лучшие произведения замечательной плеяды грузинских поэтов-романтиков первой половины XIX века: Александра Чавчавадзе, Николоза Бараташвили, Григола Орбелиани, Вахтанга Орбелиани.

Проникнутое идеями гуманизма, свободолюбия и самоотверженной любви к родине, новаторское по своим художественным устремлениям, творчество названных поэтов оказало воздействие на всю последующую грузинскую литературу, способствовало формированию в ней демократических тенденций и реалистического стиля. Значительное место в общественно-литературной деятельности грузинских поэтов-романтиков занимала пропаганда идеи сближения с прогрессивной русской культурой и литературой.

Переводы стихотворений принадлежат П. Антокольскому, Н. Заболоцкому, Б. Пастернаку и другим известным русским поэтам-переводчикам.

Г $\frac{70403-287}{083(02)-78}$ 381—78

ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ

Эта книга посвящена четырем грузинским романтикам, сыгравшим большую роль в становлении и развитии новейшей грузинской литературы. Их имена: Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили и Вахтанг Орбелиани.

Список грузинских романтиков не исчерпывается этими именами. Можно назвать поэтов и прозаиков — Михаила Туманишвили, Григола Рчеулишвили, Александра Орбелиани, Соломона Размадзе, каждый из которых в той или иной степени был близок к этому литературному направлению.

Но именно в поэзии Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Николоза Бараташвили и Вахтанга Орбелиани нашли наиболее яркое выражение характерные особенности нового литературного направления.

1

Возникновение и расцвет романтизма в грузинской литературе первой половины XIX столетия были закономерной ступенью в ее многовековом развитии. Совокупность особенностей новой исторической эпохи в жизни грузинского народа и своеобразие пройденного литературного пути определили эту закономерность.

Начиная с V века, эпохи своего рождения, грузинская литература прошла сложный путь, отмеченный периодами расцвета, упадка и возрождения. Но во все времена она являлась отражением жизни, выразительницей дум и стремлений народа, который с оружием в руках отстаивал свою независимость в борьбе с арабскими, монгольскими, персидскими, турецкими захватчиками.

В труднейших исторических условиях Грузия создала самобытную национальную культуру, прославленную поэтическим гением Руставели (XII век), и донесла ее до порога XIX столетия, когда,

обескровленная беспрерывными оборонительными войнами и внутренними неурядицами, она присоединилась к России и обрела, наконец, мир и возможность физического существования.

Таким образом, в начале XIX столетия произошел коренной перелом в судьбе грузинского народа, вступившего в новую эпоху общественно-экономического и культурного развития.

Коренная ломка веками складывавшихся традиций — общественно-культурных и бытовых, — углубившийся процесс европеизации, который в Грузии начался с XVIII века, пронизывавший в это время все сферы духовной и государственной жизни, не могли не отразиться прямо или косвенно на литературе как выразительнице общественного самосознания.

Сложный и во многом противоречивый процесс приобщения к непривычным, а порою и чуждым формам социально-политического и культурного уклада, лишь отчасти смягчавшийся имевшей важное в то время значение общностью религии (христианство), проходил в трудных условиях. С одной стороны, были созданы возможности для значительных сдвигов в хозяйственной жизни страны, изменения социальной структуры общества, основа для вступления Грузии на капиталистический путь развития. Сближение видных деятелей грузинской культуры с представителями передовой русской общественной мысли, приобщение к великим достижениям русской литературы, ее высоким гуманистическим, демократическим и вольнолюбивым традициям, возникновение пристального интереса к событиям русской и западноевропейской истории сыграли огромную положительную роль в становлении новой грузинской литературы.

С другой стороны, этот процесс вовлечения Грузии в общий поток мирового культурного и общественного движения, углубления национальной консолидации и обогащения многовековой национальной культуры проходил в условиях проводимой русским царизмом колониальной политики. Экономический и политический гнет, произвол и взяточничество царских чиновников, притеснение населения со стороны военных властей, а также местных помещиков и собственной феодальной верхушки не могли не вызвать волну протеста в народных массах и недовольство передовой части грузинской интеллигенции.

В первой половине XIX столетия в различных частях Грузии происходили массовые крестьянские восстания: в Мтиулетии в 1804 году, в Кахетии в 1812 году, в Имеретии в 1819—1820 годах, в Гурии в 1841 году... Выступления народных масс имели весьма важное политическое значение: они будили национальное и социальное самосознание общества, находили отражение в общественной

мысли, в творчестве грузинских писателей. Видимо, в связи с этими явлениями следует рассматривать вольнолюбивые мотивы в поэзии А. Чавчавадзе, республиканские устремления Г. Орбелиани и все творчество Н. Бараташвили.

В процессе развития общественно-политической мысли в Грузии в первой половине XIX столетия и формирования характерных особенностей творчества грузинских романтиков важное значение имеет событие, известное под названием заговора 1832 года. С ним так или иначе связана судьба многих грузинских романтиков. История его вкратце такова.

В 20-х годах прошлого века в Петербурге возникло тайное грузинское общество. В 1828 году аналогичное общество организовалось в Тбилиси. В его состав вошли: Александр Орбелиани, Соломон Додашвили, Элизбар Эристави, Григол Орбелиани, Георгий Эристави, Вахтанг Орбелиани и многие другие.

Целью общества было освобождение Грузии из-под власти царского самодержавия.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что единства мнений и определенной программы действий общество не имело. Так, например, часть заговорщиков склонялась к реставрации монархической власти грузинской династии Багратионов; большая часть общества поддерживала идею конституционной монархии; наиболее радикальные его члены во главе с Соломоном Додашвили мечтали о республиканском строе. Значительная часть общества воодушевлялась в своей деятельности примером декабристов, равно как и событиями западноевропейского освободительного движения 20—30-х годов.

Заговор был раскрыт. Власти арестовали всех видных членов общества. После расследования и суда они были высланы из Грузии. Некоторые из них так и не вернулись на родину, в том числе и пламенный республиканец, автор ряда исторических и философских сочинений — Соломон Додашвили, погибший от чахотки в Вятской ссылке, где его незадолго до смерти посетил молодой Герцен.[1]

В 1832 году Александру Чавчавадзе было уже 46 лет, он был генералом русской армии, тестем бывшего русского министра-резидента Персии А. С. Грибоедова, признанным поэтом, лидером грузинской дворянской интеллигенции.

Григолу Орбелиани было 28 лет, успешно развивался его оригинальный поэтический талант, шла вверх его военная карьера.

---

[1] См.: А. И. Герцен, Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 2, М., 1954, с. 203.

Вахтангу Орбелиани было 20 лет, он еще только готовился к поэтическому творчеству, отмеченному впоследствии несомненным тяготением к западноевропейской литературной и общественной мысли.

Гениальному юноше Николозу Бараташвили было всего 15 лет, его учителем по гимназии был Соломон Додашвили, дядей (родным братом матери) Григол Орбелиани, и он уже считался первым поэтом в литературном кружке своих соучеников.

Крах заговора 1832 года во многом изменил дальнейшую судьбу грузинской дворянской интеллигенции. Некоторые его участники, смирившись, сделали впоследствии блестящую военную карьеру, верой и правдой служа российскому престолу; часть постепенно сошла с общественной арены, разорилась, земельные угодья и фамильные богатства перекочевали в руки буржуазии и купечества; многие стали чиновниками администрации Закавказского края, по мере сил и возможности подвизаясь на ниве культуры и просвещения родного народа.

Заговор 1832 года — последнее звено в той цепи событий, которые определяют историю позднефеодальной Грузии и связаны с непрерывными поисками новой социальной, политической, философской программы, особенно характерными для XVIII века.

Разумеется, в Грузии XVIII столетия, истощенной в неравной борьбе против восточных поработителей, не существовало в развитом виде тех конкретных социально-экономических условий, которые послужили опорой для европейского Просвещения, но вера в просветительские идеалы, в прогресс, в благодатные силы творческого разума звучит лейтмотивом во всей грузинской литературе той эпохи.

Век, ознаменованный в истории Грузии деятельностью царя-законодателя, писателя и историка Вахтанга VI и С.-С. Орбелиани, выдающегося грузинского писателя, ученого и политика, по существу, подготовил почву для того своеобразного направления, которое возникло на рубеже двух столетий — грузинского вольтерьянства.

В скептической улыбке Вольтера молодые просвещенные дворяне увидели знак новой веры и бодрости. В том сражении, к которому они готовились, оружие холодного рассудка было единственным и потому драгоценным средством.

За поражением заговора 1832 года последовал глубокий перелом в сознании передовых представителей грузинской общественности. Людьми такого душевного строя, как Н. Бараташвили, поражение заговора воспринималось не только как безуспешная попытка изменить существующее положение вещей. Личная судьба человека, об-

щественное развитие, перспективы национальной жизни — вся история человечества стала представляться ареной действия слепой необходимости.

Таковы те настроения, тот идейный фундамент, на котором возник грузинский романтизм XIX века.

Это была своеобразная переходная эпоха сомнений, пессимизма, болезненного ощущения безвременья и острого недовольства. Но в недрах грузинского романтизма рождалось новое мироощущение, определяемое идеей коренной переделки существующей действительности, зрел дух непримиримого протеста, намечался новый путь действия — бескомпромиссный максимализм, который должен был оказать глубокое влияние на сознание грядущих поколений.

Несомненно, что родная действительность определяла формирование взглядов передовой грузинской интеллигенции, в том числе и поэтов-романтиков, но нельзя забывать и о том влиянии, которое оказывали на них передовое русское общество, русская прогрессивная культура и литература, европейские социально-утопические идеалы.

В первых десятилетиях XIX века многие грузинские деятели оказались в гуще событий, происходящих в русском обществе. Они были свидетелями и участниками Отечественной войны 1812 года, всколыхнувшей всю Россию. Многие грузинские генералы и офицеры прославились в этой войне, прошли с русской армией весь боевой путь от Москвы до Парижа, прониклись вольнолюбивыми настроениями и ощущением необходимости коренных общественных перемен.

Грузинские деятели были свидетелями такого важнейшего революционного события в жизни русского народа, как выступление декабристов на Сенатской площади в 1825 году.

Большое значение имела та духовная общность, которая установилась в 20—30-х годах XIX столетия между Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым и передовыми представителями грузинского общества. Их творчество, так же как и поэзия К. Ф. Рылеева, оказало большое влияние на развитие грузинской литературы и общественной мысли первой половины XIX века. Это обстоятельство ярко проявилось, в частности, в творчестве грузинских романтиков. Лучшие произведения русской литературы, идеи декабризма обогащали их поэзию, вносили в нее новые мотивы и образы.

Для многих русских писателей первой трети XIX века Грузия явилась неиссякаемым источником вдохновения. Недаром отмечал В. Г. Белинский: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном

их музы, поэтическою их родиною! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» ⟨«Гасуб»⟩ — тоже посвящена Кавказу... Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»... И вот является новый великий талант ⟨Лермонтов⟩ — и Кавказ делается его поэтическою родиною, пламенно любимою им...»[1]

Со своей стороны, грузинские поэты-романтики с любовью переводили произведения русских поэтов, печатали эти переводы, а народ подхватывал их в виде песен, романсов, пользующихся огромной популярностью, о чем свидетельствуют и русские и грузинские источники.

Великий грузинский писатель, признанный глава национально-освободительной борьбы родного народа Илья Чавчавадзе глубоко и убедительно охарактеризовал значение русской литературы, русской общественной мысли для развития грузинской культуры. «Ясно, — писал он, — что русская культура оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направление... Нет среди нас ни одного общественного и литературного деятеля, не носящего в себе следов воздействия русской литературы. И не удивительно: русская школа, русская наука открыли нам врата просвещения, и русской литературой высечена мысль наша и направлена на путь движения. Каждый из нас должен был припасть к этому источнику, дабы утолить духовную жажду свою, другого пути не было. Поэтому мы имеем основание говорить, что каждого из нас взрастила русская литература, каждый из нас на выводах ее обосновал свои убеждения и предмет на поприще своей общественной деятельности выбрал согласно выводам ее».[2]

Таким образом, несмотря на все попытки царизма держать грузинский народ, как и народы других национальных окраин, в невежестве, несмотря на все стеснения, чинившиеся развитию просветительных учреждений, в грузинском обществе никогда не переставала работать прогрессивная мысль, ставившая своей задачей дальнейшее развитие национальной культуры.

Начиная с 20-х годов XIX века грузинская культурная жизнь развивается под непрерывным воздействием русской общественной и эстетической мысли.

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1954, с. 543—544.

[2] И. Чавчавадзе, Соч., т. IV, Тбилиси, 1955, с. 369 (на грузинском языке).

В 20-х годах XIX века появляются первые грузинские периодические издания. В 1819 году начинает выходить «Газета Грузии», впоследствии — «Грузинская газета». В 1829 году вместе с газетой «Тифлисские ведомости» на русском языке стало выпускаться и грузинское издание этой газеты. Двухнедельное приложение к ней, первый номер которого вышел в 1832 году («Литературная часть Тифлисских ведомостей»), можно считать первым грузинским журналом. В нем печатались оригинальные и переводные художественные произведения, исторические очерки и др.

2

Итак, первый этап развития новой грузинской литературы начинается с романтизма.

Романтизм, по определению Маркса, был естественной реакцией на предшествовавшие сдвиги и идеологические движения. «Первая реакция на французскую революцию и связанное с ней Просвещение, естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свете. . .» [1]

Это суждение Маркса важно в нескольких аспектах. Внимание привлекает в первую очередь то обстоятельство, что слова «средневековый» и «романтический» здесь выступают почти как синонимы, то есть указывают те истоки, к которым обратился европейский романтизм XIX века.

Европейский романтизм XIX века вырос на почве острой неудовлетворенности и сомнения. Это было сомнение не только в возможностях человеческого разума, но и в разумности мира, жизни, объективной реальности.

Действительность предстала взору романтиков со всеми своими противоречиями, дисгармоничным, неупорядоченным содержанием. И так как обожествленный просветителями разум оказался бессильным перед этими противоречиями, в глазах романтиков они обрели значение абсолютное, вечное, непреходящее.

Но в то же время романтизм был и попыткой преодоления этих противоречий. Нужно было обнаружить новые пути, новые средства, мобилизовать скрытые силы человеческого духа, неизвестные или недооцененные в предыдущие времена его возможности для восстановления той гармонии, разрушение которой особенно болезненно переживали именно романтики.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 32, М., 1964, с. 44.

Естественно, что ощущение бесплодности, беспомощности разума вызвало обращение к тем духовным ценностям, которые служили главным предметом беспощадного критицизма просветителей. Вот в чем была естественная причина возродившегося в те времена живого интереса к духовной культуре средневековья, которая противопоставлялась романтиками не только рационализму просветителей и холодному искусству классицизма, но и культурному наследию античности.

Романтическое течение прошло через острейшие внутренние противоречия, особую сложность которым придавали конкретные исторические обстоятельства, национальное своеобразие, обусловленное культурными традициями и реальным содержанием общественной борьбы в той или иной стране.

Главным и основным пунктом, который единодушно штурмовали европейские романтики, была условность классицистического искусства, условность, выразившаяся как в известных драматургических единствах, так и вообще в жанровом и тематическом консерватизме, в строго означенном, узаконенном круге литературных мотивов, в традиционной схеме психологических коллизий. Что касается лирики, то романтизм здесь восстал против традиционного поэтического мышления, против условных метафорических образов и средств и — что не менее важно — против незыблемости версификационных форм.

Романтизм как новый художественный метод воспроизведения действительности был для своего времени явлением жизнеспособным и перспективным, ибо он отверг застывшую поэтику классицизма, и в первую очередь его условный поэтический язык, поставил во главу угла личность и восстал против уз, сковывающих ее свободное развитие. Вместе с тем условность как существенный принцип отображения действительности составляла также основу и самой романтической эстетики.

Не случайно Гегель связывал эстетическую суть романтизма с той ступенью развития искусства, главной особенностью которой ему представлялась символическая форма выражения. Символ — неотъемлемый элемент романтической поэтики, так как объективный материал, предметная реальность образа интересуют романтика в первую очередь как средство для выражения собственного внутреннего мира.

Как известно, в грузинской поэзии романтизм не оформился в литературную школу. Он не создал своей теоретической программы, не выработал определенных эстетических норм. Творчество А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, В. Орбелиани глубоко на-

ционально и самобытно. И каждый из этих поэтов самобытен по-своему. Их поэзия — это определенная историческая ступень в развитии грузинской литературы и в то же время весьма своеобразное проявление различного творческого дара, личного темперамента и художественного мировосприятия.

Поэтому необходимо рассматривать романтические идеи и соответствующие им поэтические формы во всей совокупности их внутренних противоречий и конкретного многообразия. Грузинский романтизм — это процесс становления и развития, а не замкнутый круг в литературной панораме XIX века.

Опираясь на богатые традиции многовековой национальной культуры, лучшие представители грузинского романтизма отказались в то же время от использования устоявшихся художественных форм и нашли адекватный времени высокохудожественный способ воплощения своих идеалов, неразрывно связанных с мечтой о лучшем будущем родного народа, опираясь при этом на величайшие достижения европейского романтизма.

Сама историческая ситуация, связанная с ломкой привычного уклада и становлением новых жизненных форм, создавала благодатную почву для романтических устремлений. С другой стороны, традиции нерегламентированного демократического потока грузинской литературы XVII—XVIII веков не препятствовали возникновению в новых социально-политических условиях новой художественной системы.

Следует отметить и то обстоятельство, что, хотя предшествующая литература подготовила плодородную почву для возникновения романтической литературы, все же эта последняя возникла именно как новая художественная система, сформировавшаяся в борьбе со старыми литературными формами, как отрицание традиционной поэтики «розы и соловья», метафорической выспренности «восточного стиля», как литература не только новых эстетических идеалов, но и новых социальных идей и устремлений.

Грузинский романтизм, особенно в высшей стадии своего развития, утверждал полный «европеизм» в литературе, отразив в романтических образах духовный мир и интеллектуальные запросы нового поколения.

Анализ развития грузинского романтизма убеждает нас в том, что он еще не сложился окончательно даже в 20-е годы XIX века. Его родоначальник Александр Чавчавадзе как поэт сформировался под влиянием двух литературно-культурных традиций: с одной стороны, под влиянием господствовавшей в начале его творческой деятельности поэтической школы Бесики, выдающегося грузинского

поэта XVIII века, тяготевшего к некоторой словесной изощренности и чрезмерному увлечению внешней отделкой стиха в ущерб его смыслу, и с другой — под воздействием целого мира новых не только эстетических, но и социально-политических идей и устремлений современной ему европейской литературы. Вместе с тем он глубоко проникся национальными и социальными чаяниями родного народа в новую историческую эпоху, что и определило в целом и характер и форму его поэтического творчества.

Его творчество замыкало круг развития большой древнегрузинской литературы и дало толчок новому литературному движению. Поэтому понятно, что в его стихах эта новая художественная система представлена еще в незрелом виде. А. Чавчавадзе не смог полностью освободить грузинский стих от традиций старой поэтической формы.

С его именем связаны истоки грузинского романтизма, дальнейшие пути развития и становления которого определились в творчестве Г. Орбелиани. Свое художественное завершение грузинский романтизм обрел в поэзии Н. Бараташвили.

Хронологически возникновение грузинского романтизма как литературного направления и творческого метода относится к 20-м годам, а формирование в окончательном виде — к 30—40-м годам XIX века.

Если говорить о предшествующей романтизму эпохе, то творчество, например, грузинских царевичей, окрашенное сентиментально-романтическими тонами, замкнуто в скорлупу феодально-аристократического содержания. В их крайнем пессимизме отразился кризис феодальной идеологии, разлад между политическими идеалами и реальной действительностью. Их «романтизм» как путь ухода от реального мира лишен прогрессивного содержания. Для них чуждо понимание прогрессивных тенденций общественного развития, столь характерное для А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили и — в меньшей степени — В. Орбелиани.

Эта вера в лучшее будущее опиралась на внутренние закономерности развития страны, на несгибаемую волю народа.

Разумеется, это не значит, что грузинский прогрессивный романтизм развивался прямолинейно, без противоречий. Сложная историческая обстановка, разные несообразности роста и развития общества, естественно, находили отражение и в творчестве поэтов-романтиков.

Тем не менее грузинский романтизм в лице своих выдающихся представителей в основном развивался в русле мирового прогрессивного романтизма.

Большую положительную роль сыграли в этом поступательном движении и те сильные и здоровые традиции, которые по исторической инерции сопровождали развитие многовековой грузинской литературы и наследственно передавались новому художественному направлению. Первостепенное значение имели также общий дух эпохи и органическая связь грузинской романтической школы с русским и западноевропейским прогрессивным романтизмом.

Как было отмечено, грузинские романтики не оставили никаких теоретико-эстетических трактатов, но анализ особенностей их поэзии, а также ряда их высказываний дает нам возможность уверенно судить об их эстетических взглядах.

Грузинская романтическая поэзия глубоко раскрыла духовный мир человека, его стремление к полному раскрепощению, разнообразную гамму и мощный размах человеческих переживаний. Идеал прекрасного у поэтов-романтиков тесно связан с проблемой свободы личности. Н. Бараташвили в своем «Мерани» прямо называет прекрасным неудержимое стремление вперед, к свободе, в борьбе человека с судьбой он видит воплощение высшего идеала прекрасного.

Грузинский романтизм отразил социальные противоречия своего времени, патриотическую настроенность и гуманистические идеалы передового общества. Он возвел на высшую ступень лучшие традиции древнегрузинской литературы, связав их с передовыми идеями своей эпохи. Грузинские романтики не просто протестовали против уродливой действительности, не просто отрицали ее, но в этом протесте и отрицании видели необходимый залог достижения лучшего будущего. Вся прогрессивная грузинская романтическая поэзия посвящена поискам истины и стремлению утвердить новые общественные идеалы.

Прогрессивный грузинский романтизм является вершиной грузинской национальной культуры того времени. Своими передовыми общественными идеалами он противостоял культуре реакционного дворянства, так же как и творчество Пушкина, декабристов, Лермонтова противостояло реакционным устремлениям русского консервативного дворянства.

Грузинские романтики прекрасно были осведомлены о русском, французском, немецком, английском, польском романтизме. Идейный арсенал грузинского романтизма следует искать не только в национальной действительности, но вместе с тем и в мировом романтическом движении. Кроме всего прочего, об этом свидетельствуют и переводы, и отдельные реминисценции произведений русских и западноевропейских романтиков в стихах грузинских поэтов.

В начале XIX века процесс национальной консолидации в Грузии не прекращался; зарождалось национально-освободительное движение, все более углублялось национальное самосознание народа.

Эти процессы находят широкое отражение в творчестве романтиков. Со своей стороны, грузинские поэты-романтики оказали сильное влияние на активизацию самосознания общества.

Пафос борьбы, которым проникнуты лучшие произведения родоначальника грузинского романтизма А. Чавчавадзе, свидетельствует о его органической связи с традициями революционно-романтического искусства. В творчестве Г. Орбелиани первостепенное значение имеют взгляды на республиканское правление, идеи истинного гуманизма и патриотизма. Активность и динамизм отличают всю поэзию Н. Бараташвили. Высшее воплощение в ней находит идея социального освобождения личности. Сила и проникновенность философско-критической мысли, вера в исторический прогресс и гуманизм — главные особенности творчества поэта.

Большое внимание грузинские романтики уделяли исторической теме, разрабатывая ее в разных жанрах. Если в творчестве поэтов старшего поколения (А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили) это главным образом лирика и поэтический эпос, то в дальнейшем она широко проникает в прозу и драматургию (Г. Рчеулишвили, А. Орбелиани). Но творческое осмысление и решение исторических проблем у этих писателей совершенно различны.

Если Н. Бараташвили рассматривает исторические проблемы с точки зрения современных и будущих общественно-исторических задач, то С. Размадзе, Г. Рчеулишвили, А. Орбелиани идеализируют прошлое Грузии и мечтают об его возврате. Им чужды также те здоровые реалистические тенденции, которыми отличается творчество прогрессивных романтиков.

Своеобразие позиции грузинских поэтов-романтиков проявилось и в освещении морально-этических проблем.

В творчестве Г. Орбелиани ярко выражена концепция идеальной любви, любовь у него органически связана с идеей бессмертия. Это понимание любви, как известно, противостоит традициям «восточной поэзии». В основе романтической концепции любви Н. Бараташвили лежит его нравственная философия. Любовь поэт рассматривает в аспекте высших эстетических ценностей, как духовный союз прекрасных и благородных личностей. Как истинный романтик, Н. Бараташвили видит в любви проявление духовной гармонии и вечности. Поэзия А. Чавчавадзе в этом плане более традиционна.

А. Чавчавадзе является первым писателем в грузинской литературе XIX века, в лирических пейзажах которого заметна авторская попытка художественного осмысления и отображения явлений конкретной действительности в их связи с духовным миром человека. Г. Орбелиани еще более углубил романтическое осмысление природы (см., например, «Вечер разлуки»), а Н. Бараташвили с проникновенной силой воплотил великолепные картины родной природы в их внутреннем созвучии с миром переживаний романтического героя. Следует отметить также характерную черту грузинского романтизма — отрицательное отношение ко всяким проявлениям религиозно-мистического догматизма.

В недрах грузинского романтизма возникают и реалистические тенденции. Наиболее ярко проявились они в творчестве Н. Бараташвили и Г. Орбелиани. В грузинской литературе последующего периода критический реализм станет мощным, господствующим направлением.

В жанровом отношении наивысшего расцвета в грузинском романтизме достигла лирика. Традиции прозы развиты в творчестве Г. Орбелиани («Мое путешествие из Тбилиси до Петербурга», 1831—1832 гг.).

В более поздний период романтическую прозу на историческую тематику создавал Г. Рчеулишвили. Ряд произведений в жанре романтической драмы, идеализирующих прошлое Грузии, был создан А. Орбелиани. Но романтическая проза и драма далеко не достигли того уровня, на который поднялась грузинская романтическая поэзия.

3

Вся жизнь Александра Чавчавадзе (1786—1846) прошла в гуще политических, общественных, военных и культурных событий, столь ярко характеризующих первую половину XIX столетия.

Он был широко образованным человеком. В совершенстве владел русским, французским, немецким и персидским языками. Дом его в Тбилиси был культурным центром, где кроме передового грузинского общества собирались все более или менее выдающиеся деятели, по разным причинам попадавшие в Закавказье, — русские, французы, поляки, англичане, испанцы, немцы. Среди них были поэты и политики, дипломаты и революционеры, философы и военные... Особенно сблизило А. Чавчавадзе с представителями передового русского общества родство с А. С. Грибоедовым, женившимся на его старшей дочери.

В семье А. Чавчавадзе зародились идеи основания первого грузинского журнала и новогс грузинского театра.

Настроения поэта, глубоко опечаленного судьбой родной страны, его ненависть к рабству и насилию были созвучны прогрессивным устремлениям русских декабристов. Как мыслитель, А. Чавчавадзе многим обязан и французскому Просвещению, особенно Вольтеру и Руссо. Руссоистскими идеями о естественных правах человека навеян, в частности, его философский трактат «Человек, рассмотренный вблизи». О широте исторических познаний А. Чавчавадзе свидетельствует составленный им «Краткий исторический очерк Грузии и положение ее с 1801 по 1831 г.», в котором поэт смело критикует колониальную политику царского самодержавия.

Первым в грузинской поэзии прошлого века А. Чавчавадзе выдвигает острые общественные вопросы, осуждая грабителей, притеснителей, набивших себе карманы хищничеством («Горе миру, где злодей владыка. . .»). Поэт уверен в будущей победе угнетенных и обездоленных, обращаясь к поработителям, он предвещает им неминуемую гибель:

Но найдется для неправых кара,
Не уйдут злодеи от удара.
Месть заполыхает яро
Вплоть до небосвода!
Горе вам, насильники народа!

Национальная тема не только прозвучала в целом ряде патриотических стихотворений А. Чавчавадзе, но придала своеобразный оттенок и его интимным переживаниям. Однако тоска, вызванная неприятием существующей действительности, не оказалась стимулом идейных и общественных исканий широкого значения, поэт не осознал той неопровержимой истины, что поиски положительных идеалов возможны были лишь в новом направлении.

Патриотическая лирика А. Чавчавадзе — яркое выражение общественных настроений периода, предшествующего событиям 1832 года. Даже для более его позднего творчества, пронизанного острым ощущением неблагополучия этого мира, не характерно то осознание решительного перелома в судьбах Грузии, которое так явственно проявилось в творчестве Н. Бараташвили.

Инерция старых традиционных образов и представлений вызвала у А. Чавчавадзе настоятельную потребность приобщиться к классическому миру грузинской поэзии. Главные мотивы его творчества

почерпнуты из поэтического мира эпохи Руставели и грузинского Возрождения. Правда, в его лирике, особенно в поздних стихах, уже есть предощущение новых духовных потребностей, но в основах своей поэтики А. Чавчавадзе на протяжении долгого времени остается верным последователем мастеров древнегрузинской поэзии. Подобно выдающимся представителям французского классицизма, опиравшимся в творчестве своем на сюжеты, мотивы и образы античности, А. Чавчавадзе основной источник вдохновения видит в грузинской классике — в творчестве Руставели, Теймураза I и Бесики.

По-своему закономерно и то обстоятельство, что А. Чавчавадзе, вообще хорошо знавший французскую поэзию, особое внимание как переводчик уделял именно творчеству классицистов (его перу принадлежат переводы трагедий Корнеля и Расина, басен Лафонтена). А. Чавчавадзе перевел также стихотворения и пьесы Вольтера.

Творчество А. Чавчавадзе представляет собой последнюю ступень развития старой грузинской лирики. Традиционная поэтика здесь шлифуется до предела и в то же время до конца исчерпывает свои внутренние возможности.

Блестящие поэтические украшения, сковывающая сила которых чувствуется уже в лирике Бесики, здесь постепенно превращаются в «прекрасные» оковы для нового содержания и рождают естественную потребность избавиться от них окончательно. В этом отношении поэзия А. Чавчавадзе предстает перед нами как конец долгого пути — завершение определенного этапа. Только коренной переворот мог спасти грузинское поэтическое слово от эпигонства и бесплодного формотворчества.

А. Чавчавадзе был последним «языческим» по мироощущению поэтом Грузии. Многие его стихотворения являются своеобразным этическим кодексом гедонизма. Наслаждения земными, преходящими, плотскими радостями, по мнению автора, не только мудрость, но и своего рода мастерство. Чувственность — дар земного наслаждения — ставится поэтом выше «всех благ, явленных с неба».

Сенсуализм А. Чавчавадзе — пессимистического происхождения, он находит почву в осознании беспомощности человека перед жестокими силами равнодушной к нему природы. Культ наслаждения преходящим, следование мудрому совету Горация: «Лови мгновение!» — в любовной лирике А. Чавчавадзе становятся своего рода искусством и в то же время единственной возможностью уйти от суровой действительности.

В лирике А. Чавчавадзе личное, интимное переживание еще не приобрело характера исключительности, неповторимости. Любовь

у поэта, несмотря на то что он изображает ее в разных вариациях, в разных эмоциональных аспектах, — по сути своей однообразное, простое чувство, доступное каждому. Ему чуждо ощущение необычности, особенности, «сверхъестественности» чувства, чуждо то душевное состояние, которое мы встречаем в лирике его младшего современника Н. Бараташвили.

С этой стороны мир его эмоций по внутренней своей сути куда теснее связан с грузинской классической лирикой, чем с теми настроениями, которые романтики внесли в европейскую поэзию XIX века. Это обстоятельство определяет и своеобразие художественных средств, к которым поэт обращается в своей интимной лирике. Здесь мы редко встречаем новые образы, отмеченные печатью поэтической индивидуальности.

Куртуазный, рыцарский дух грузинской классической лирики в его поэзии словно справляет свой последний праздник и поэтому выступает в своем самом богатом наряде со всеми старинными украшениями и драгоценностями.

Стихотворение «Гокча» — как определенный этап творческой эволюции А. Чавчавадзе — явно содержит элементы самоотрицания, то есть преодоления и переосмысления собственной поэтики.

Поздние стихи поэта, в которых преобладают философские темы, окрашены глубоким драматизмом. Страстная попытка разгадать тайный смысл бытия, определить место человека в вечном коловращении времени, тщетные усилия постичь суть истории вызывают романтическое томление в душе поэта. Стихотворение «Гокча» пронизано также мучительным сознанием несовершенства существующего миропорядка, ощущением трагического противоречия между высокими устремлениями человеческого духа и действительностью.

Толчок к поэтическому обобщению в «Гокче» дают живые впечатления реальности. Но движение авторской мысли прежде всего обусловлено внутренним эмоциональным состоянием.

Это чувственно-предметное опосредствование поэтической мысли резко отличает «Гокчу» от других образцов грузинской классической философской лирики. Особенно наглядно это различие при сравнении «Гокчи» с ранними стихами А. Чавчавадзе («Человек в разные периоды жизни», «О, этот мир!»). В отличие от этих стихотворений, где авторская концепция как бы заранее сформулирована и предстает в виде законченных выводов и сентенций, в «Гокче» прослеживается само движение мысли поэта. Поэтическое обобщение здесь возникает как следствие конкретного эмоционального опыта. Новый

взгляд на природу, глубокое желание проникнуть в суть вещей, в их сокровенное значение, роднят стихи автора «Гокчи» с лирикой Н. Бараташвили.

С точки зрения формальной новизны это стихотворение примечательно тем, что А. Чавчавадзе здесь порывает как с традиционной метафоричностью, так и со сложной версификацией (рефренной структурой, внутренней рифмой, маджамой, то есть рифмой-омонимом, и другими традиционными украшениями) и обращается к излюбленному грузинскими романтиками четырнадцатисложному стиху с перекрестными рифмами.

Эта, по существу, новая форма оказалась более вместительной, эластичной, удобной для передачи естественного течения поэтических ассоциаций, мыслей, переживаний, духовного состояния автора.

«Гокча» — лирическое стихотворение нового типа, поскольку здесь налицо новое отношение к художественному материалу и оригинальные формы его воплощения. С этой точки зрения это произведение, так же как «Вечер разлуки» Г. Орбелиани и «Сумерки на Мтацминде» Н. Бараташвили, — одна из значительных вех в истории романтической поэзии.

4

Если в последних стихотворениях А. Чавчавадзе явственно чувствуется «самоотрицание», то есть тенденция к преодолению классического миропонимания и поэтики, то с еще большей остротой этот процесс проявляется в творчестве его младшего соратника по перу — Г. Орбелиани.

Творчество Г. Орбелиани — переходный этап в истории грузинского романтизма. Именно это обстоятельство определяет своеобразные полюсы его поэзии — сосуществование «языческого» сенсуализма и христианского мистицизма, мухамбази (застольных песен) и псалмов, эротических дифирамбов и патриотических элегий.

Если у А. Чавчавадзе каждое чувство имело свое название, всякое эмоциональное движение было четко классифицировано и находило выражение в твердой, устоявшейся форме, то Г. Орбелиани уже не хватает существующего поэтического словаря для передачи своих интимных переживаний, и он, как поэт нового духовного склада, особенно болезненно ощущает разлад между истинным содержанием субъективного переживания и объективной формой его выражения.

Г. Орбелиани был одним из первых поэтов XIX века, который примерно в то же время, когда писалось тютчевское «Silentium!», в своем «Прощании» четко выразил романтическую неудовлетворенность словом, как несовершенным средством выражения внутреннего мира личности:

Я слез не лью, и страшной немотою
Опять окован бедный мой язык.
Пустым словам, затверженным толпою,
Моей любви вверять я не привык. . .

. . .Вот почему так страшно сердце гложет
Пылание бестрепетных страстей:
Оно наружу вырваться не может,
Но тело прожигает до костей.

Нетрудно установить внутреннюю близость этого стихотворения известному признанию Бараташвили: «Смертному языку не дано выразить бессмертные чувства». Острая неудовлетворенность, выразившаяся в «Прощании» Г. Орбелиани, для автора «Мерани» стала главным стимулом творческих поисков.

Стихотворение «Моей сестре Евфимии», созданное после поражения заговора 1832 года и отражающее тогдашнее душевное состояние поэта, — своеобразная поэтическая исповедь. Здесь интимный мир личности проявляется гораздо богаче и многообразнее, чем в ранних стихотворениях поэта. «Моей сестре Евфимии» — произведение новаторское не только по форме (например, по композиции, основывающейся на свободном течении ассоциаций), но и по содержанию, выражающему тончайшие оттенки эмоционального состояния автора. Мотивы духовного одиночества, «недоверие» к земным красотам и наслаждениям делают это стихотворение одним из самых типичных образцов грузинской романтической поэзии XIX века.

Следует подчеркнуть, что недовольство объективной реальностью у Г. Орбелиани никогда не переходило в полное от нее отчуждение. По натуре своей Г. Орбелиани был слишком земным, страстным, темпераментным человеком, чтобы променять свое земное бытие на какой-нибудь отвлеченный идеал.

Правда, иногда он осмысливает реальную действительность как временную обитель томящегося духа, но как поэт он всем существом упивается сладкой, пьянящей, многоцветной красотой этой земной обители.

По сравнению с произведениями грузинской классической лирики, у Г. Орбелиани окружающий вещественный мир изображен непо-

средственнее, живее и рельефнее. Правда, природа и здесь, как правило, облагорожена, возвышена, но все-таки она предстает в более ярких, красочных, богатых образах, и, что самое главное, картины, взятые из реальной действительности, сохраняют свой живой аромат и сочные тона.

В творческой эволюции поэта особое значение имела тема старого Тбилиси. Этот колоритный мир со своими оригинальными обычаями и бытом, со своим плебейским, незатейливым, но искренним артистизмом и удивительной жизнеспособностью для Г. Орбелиани стал своеобразным «островом спасения».

Как известно, тема древней Иверии, вообще тема прошлого занимает в творчестве грузинских романтиков значительнейшее место. Прошлое Г. Орбелиани осмысливает как неотъемлемую часть настоящего, современную и историческую реальность.

Творчество Г. Орбелиани, особенно его интимная лирика, пронизано внутренним конфликтом между языческой чувственностью и романтическими представлениями о любви. Это внутреннее противоречие иногда ощутимо проявляется в самой художественной ткани стиха, хотя второй поток все усиливается и занимает постепенно доминирующее место в интимном мире поэта.

Лирика Григола Орбелиани сыграла решающую роль в обновлении грузинской поэзии первой половины XIX века.

Нужен был именно этот сильный, упрямый, неукротимый темперамент, чтобы освободить грузинский стих от многовековой гегемонии старой формы. Г. Орбелиани не только сумел преодолеть колоссальную инерцию классической поэтики, он частично нащупал новые пути, новые поэтические средства и формы.

Как мастер поэтического слова, он в значительной степени подготовил ту почву, ту основу, которые способствовали становлению неповторимой творческой индивидуальности Н. Бараташвили.

Но, прежде чем обратиться к анализу поэтического мира Бараташвили — вершины грузинского романтизма, — несколько слов о творчестве Вахтанга Орбелиани, наиболее яркого и типичного представителя грузинской романтической школы периода ее упадка.

Родившись в семье, принадлежавшей к высшим кругам грузинской аристократии, В. Орбелиани воспитывался в атмосфере, насыщенной общественно-политическими и культурно-литературными интересами времени. Однако вся его духовная жизнь прошла под знаком элегической тоски по безвозвратно ушедшему прошлому. Наиболее типичные для творчества Вахтанга Орбелиани стихотворения — «Лампада среди руин», «Надежда», «Дманиси» — пронизаны глубоким чувством безысходности. Лишь древние руины, памятники бы-

лой славы, волнуют воображение поэта. Мир, созданный по образу и подобию минувших «идеальных» времен, мир воспоминаний и мифов близок и дорог ему гораздо больше, чем мир реальный.

В своем неприятии действительности В. Орбелиани доходит до полного скептицизма. Негативный дух его поэзии, особенно ощутимо проявившийся в последний период его творчества, на фоне нового общественного и литературного движения, возглавляемого грузинскими шестидесятниками, красноречиво свидетельствовал об упадке грузинского романтизма.

Великолепным памятником его расцвета, увенчавшим в середине XIX столетия славный путь грузинской литературы, явилось творчество Николоза Бараташвили.

3

Творчество Бараташвили требует крайне скрупулезных аналитических исследований. Каждое отдельное произведение, каждый оттенок формы или содержания имеет огромное значение, ибо поэзия его представляет собою сложную художественную систему, окончательное раскрытие которой возможно только при учете ее единства и цельности, познаваемых через детали и частности.

В поэзии Бараташвили идея и материя, мечта и действительность пребывают в безысходном, трагическом противоречии. Субъективный мир художника — в полном несогласии с уродливой реальностью. Неусыпная мысль его все время возвращается к вечным, «проклятым» вопросам истории человечества. Трагическая неустроенность вселенной наполняет душу поэта невыносимой болью. Его творчество во многом перекликается с поэзией «мировой скорби».

Своеобразный ключ к объяснению сложного содержания мировоззренческих поисков Бараташвили — его поэма «Судьба Грузии». Специальная литература, посвященная этой поэме, достаточно богата. Существуют три основных соображения, три взаимоисключающие интерпретации содержания поэмы, базирующиеся прежде всего на политической концепции поэмы. Сторонники первой из них считают, что автор поэмы всецело разделяет политическую ориентацию Ираклия II:

Требуется некий перелом.
Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.

Сторонники противоположного мнения считают проводником авторской идеи Соломона Леонидзе, для которого интересы национальной независимости стоят выше сиюминутных политических соображений:

Не стерпел советник. «Господин, —
Молвил он, — твой план ни с чем не сходен.
Презирает трудности грузин
До тех пор, покамест он свободен».

И, наконец, представители третьей точки зрения видят в поэме раздвоение авторских взглядов. По их мнению, Бараташвили оставляет проблему открытой или впадает в явное противоречие.

Такое радикальное расхождение во взглядах вызвано художественной спецификой самой поэмы — сложностью замысла и необычной формой его реализации.

«Судьба Грузии» по своей структуре диалогическое произведение. Внутреннее противоречие ощущается не только в беседе царя с советником, но и в композиции поэмы. Впечатление внутренней борьбы здесь достигается изменчивостью ритма и интонации, резкими контрастами художественных красок, внезапной сменой минорных и мажорных тональностей...

В этой поэме две основные темы, два лейтмотива. Их противопоставлением, пересечением передается борьба двух враждебных начал — судьбы и счастья, необходимости и свободы. Есть моменты, когда второе начало так усиливается, звучит так интенсивно, что почти несомненным кажется его преимущество.

Можно сказать, что спор Ираклия и Соломона Леонидзе в эмоциональном плане решается в пользу советника. Такое ощущение усиливается и последующим эпизодом, в котором описана встреча советника с женой Софией. Это кульминационный момент поэмы. В откровенных речах Софии обнаженно, неприкрыто, во всей своей природной непосредственности звучит романтическая тема свободы.

Бараташвили писал «Судьбу Грузии» двадцатидвухлетним юношей.

Поистине удивительна та философская глубина, зрелость мысли и чувств, которую обнаруживает ее автор в разрешении сложнейших проблем эпохи: в борьбе противоположных мнений, взаимоисключающих исторических концепций в конце концов объективно побеждает решение Ираклия.

Поэма «Судьба Грузии» — своеобразная прелюдия к лирике Бараташвили. Ею начинаются напряженные поиски истины, пронизы-

вающие всю философскую лирику поэта, прошедшего сложный путь духовного становления и развития.

Вопрос, поставленный в «Судьбе Грузии», как основная философская альтернатива всего творчества поэта, окончательный ответ находит в «Мерани», основная идея которого — бескомпромиссная борьба творческого духа и свободной воли с силами слепой необходимости.

В душевной драме Бараташвили «Мерани» играет роль развязки. Здесь окончательно разорван тот замкнутый круг, то «проклятое кольцо», из которого поэт стремился вырваться с юных лет. Вопрос о судьбе родины в этом произведении разрешен в ряду универсальных проблем и именно потому приобретает ценность и значительность общечеловеческую.

Творческая биография Николоза Бараташвили занимает сравнительно небольшой отрезок времени (1833—1845), но на протяжении этого периода он проделал значительный путь художественного и идейного развития. По словам известного грузинского психолога Дмитрия Узнадзе, все литературное творчество Бараташвили было одиссеей его духа, стремившегося к самопознанию. В то же время это был сложнейший путь становления нового эстетического миропонимания, новой поэтической манеры.

Первым по-настоящему ярким проявлением поэтического гения Бараташвили следует считать «Сумерки на Мтацминде» (1833—1836).

Ни один грузинский лирик до Бараташвили не передавал так непосредственно, с таким живым биением сердца интимные движения своей души.

Картины природы в «Сумерках на Мтацминде» глубоко созвучны движениям души поэта. Внешняя, материальная реальность — только фон для настроений, бледный, окутанный тайной, как будто сознательно затуманенный. Ни один конкретный штрих не нарушает общее впечатление. Одно переходит в другое, теряет свои очертания и словно растворяется в общем настроении.

В пейзаже «Сумерек» значительное место занимает небо. Небо, как предмет поэтического изображения, здесь открыто заново; оно появляется почти в самом начале стихотворения, но не для создания условной образности (традиционная символика светил и т. п.), как это было в классической грузинской лирике, а как важнейший существенный компонент внешнего мира, наиболее близкий и созвучный сердцу поэта.

У Бараташвили-художника, в отличие от его предшественников,

необычайно развито чувство воздуха; реальные предметы он видит в той особенной окраске, которую придает им воздух сумерек: в тумане, в свечении, в настое ночных цветов...

В настроении «Сумерек» главное — романтическая возвышенность, освобождение от земных тягот, духовная сопричастность к вечным тайным силам мира. Здесь отброшено все конкретное, минутное, эмпирическое. Остаются Поэт и Пространство, Поэт и Вселенная, Поэт и Вечность. Переживания автора «нетороpливы», мягки, «истомлены» пылкой исповедью: «облегчение», «покой», сливаясь, приносят умиротворение его душе.

«Сумерки» — первое стихотворение Бараташвили, где форма как бы теряет свое самостоятельное значение и абсолютно растворяется в содержании. Каждая поэтическая фраза, слово, ритм, рифмы, интонационные повороты здесь предельно органичны, ибо все подчинено единственно внутренним движениям души поэта, воспроизводит ход его мыслей и сложную эмоциональную гамму. Язык Бараташвили свободен от внешних эффектов. Но речь его удивительно благозвучна, словно чуть приглушенная органная музыка или строгая полифоничность древнегрузинских хоралов.

По непосредственной передаче внутренней динамики души Бараташвили предстает перед нами как предтеча грузинских лириков новейших времен.

С другой стороны, в истории грузинской литературы творчество Бараташвили — ступень, венчающая многовековой процесс той эволюции, которая началась еще в эпоху древней духовной поэзии. Его лирика с удивительной восприимчивостью сохраняет лексику и некоторые особенности стиля этой поэзии.

Не менее примечательно то внутреннее родство, которое проявляется в интересе поэта к некоторым религиозно-философским мотивам и в своеобразном подходе к ним.

«Достойные, вы поднялись на гору высокую, благодатную и... бога узрели. Взором мирским, отцы, одолели мирское и тьму, мир угнетающую, и вняли заповедям господним...» — эта часть песнопения грузинского одописца раннего средневековья Иоанна Мтбевари вдохновлена псалмами Давида-пророка: «Господи, кто возведет чертог твой, кто поселится на горе святой твоей!..»

Восхождение на Мтацминду для юноши-поэта — символический акт. Стоящий на Святой горе, окутанный таинственностью сумерек, поэт старается усмирить душу и обращает взор к светлому «дому небесному». Но его попытка узреть бога, проникнуть к всевышнему мыслью и сердцем — уже тщетна.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесной твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Для Бараташвили уже невозможно то ощущение внутренней гармонии, которое давало возможность его предшественнику, презревшему мир, взойдя на «гору благодати», почувствовать непосредственную близость к богу и созерцать «мирским оком» его невидимую суть. Этот привычный путь к спасению навечно закрыт для разъедаемого сомнениями поэта. Вот почему так напряженно ищет он новую веру, новые надежды.

В отдельных стихах Бараташвили мы встречаем некоторые понятия и образы, своеобразное звучание которых в контексте позволяет с точностью, почти не вызывающей сомнений, установить их литературное происхождение.

Особенно четко прослеживается библейский первоисточник («Книга Экклесиаста»), лежащий в основе лирической медитации поэта в «Раздумьях на берегу Куры». Ведущий мотив стихотворения — глубокая неудовлетворенность мудростью Экклесиаста. Все его содержание — принципиальная полемика с идеей «суеты сует». Мысль поэта некоторое время течет по руслу, определенному лейтмотивом из Экклесиаста: «. . .И ополчаются из-за той земли, в которую сегодня или завтра сами обратятся. . .»

Но в эту традиционную рамку заключен новый вопрос о сущности души человеческой, о свойственной ей неудовлетворенности, о ее вечных «волнениях и страстях». Поэтому речь здесь может идти не о заимствовании, а о споре, не о «лирической проповеди» (Экклесиаст), а о драматическом внутреннем диалоге.

Основной стимул человеческой деятельности, смысл его «трудов и забот» Бараташвили видит в духовной жажде, в сильных страстях, в неисчерпаемости желаний человека. Этот романтический взгляд выражен следующей метафорой:

Наш бренный мир — худое решето,
Которое хотят долить до края.
Чего б ни достигали мы, никто
Не удовлетворялся, умирая.

Бараташвили уже не удовлетворяет гедонистическое миропонимание А. Чавчавадзе, видевшего порою смысл человеческого существования в наслаждении земным. Здесь мы имеем дело с совершен-

но иной потребностью, с желаниями души гораздо более сложной и требовательной.

Если А. Чавчавадзе был противником «безмерности» и именно в ее преодолении видел главное условие достижения земного счастья, то для Бараташвили жажда души беспредельна, необозрима и именно потому ощущение полноты жизни — истинного счастья — для нее предмет вечных исканий.

В «Раздумьях» главное — не идея примирения с действительностью, сформулированная в постскриптуме, а тема «вечного волнения», которая неуклонно развивается в творчестве поэта и достигает апогея в «Мерани».

Необходимо отметить, что глубоко субъективное видение мира в творчестве Бараташвили никогда не перерастает в замкнутый эгоцентризм. Правда, любовь для поэта — особенное интимное свойство души и не имеет почти ничего общего с обычным, тривиальным толкованием этого чувства, но не случайно для поэтического ее воплощения поэт обращается к наиболее емким, выразительным предметным образам, почерпнутым из объективной действительности, и именно этим путем пытается раскрыть универсальный характер личного переживания.

В стихотворении «Что странного, что я пишу стихи? . .» настроение, вызванное любовью, определяет всемогущую и всеобъемлющую духовную активность и последняя, как энергия грандиозных вспышек на поверхности солнца, обращена не к глубинам интимного мира поэта, а распространяется вширь, как бы в бесконечном «космическом» пространстве. Любовь здесь преображается в жажду безмерного, всеобщего добра, приобретая характер деятельной, животворящей силы.

Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованьем вдалеке.

Стихотворение это значительно и тем, что в нем своеобразно поставлена проблема формы, поэтического выражения. То, что поэт пытается поведать нам о своем чувстве, необычно, поразительно непохоже на обычное решение любовной темы, и он всем своим существом переживает эту необычность:

Любви не понимаю я иначе. . .

И в самом деле, что общего между чувством, раскрытым в этом стихотворении, и чисто эротическими переживаниями, отраженными в поздних образцах грузинской классической лирики, находящими свое воплощение в традиционном «восточном» метафоризме?

Новизна и необычность эмоционального содержания влекут за собой недовольство существующими поэтическими формами и средствами. Как и Г. Орбелиани, Бараташвили сетует на явную несоразмерность содержания и формы его выражения: «Смертный язык не в силах выразить бессмертных чувств». Но, в отличие от Орбелиани, Н. Бараташвили уже открывает новые возможности поэтического языка, соответствующие его внутреннему состоянию. Он окончательно отбрасывает традиционно-условное украшательство старой поэзии (от чего не сумел освободиться полностью Г. Орбелиани) и, что самое главное, с гениальной «легкостью» создает новые монументальные и одновременно точные и емкие образы.

В личности Бараташвили мы наблюдаем трагическое раздвоение, которое характеризуется типичными для романтизма особенностями. На первый взгляд это, казалось бы, старое раздвоение между добром и злом, но в основе его лежит новый психологический конфликт. Детские сны и иллюзии, возвышенное настроение, стремление к светлым идеалам впадают в роковое противоречие не только с земными, обычными для живого человека чувствами, но и с постоянной трезвой работой могучего и острого интеллекта. Так рождаются два противоположных мотива, две несогласуемые темы в лирике Н. Бараташвили. Если стихотворение «Цвет небесный, синий цвет. . .» — это выражение естественного порыва свободной, вольной, младенчески безгрешной души, то в стихотворении «Злобный дух» отражен внутренний кризис, наступивший в сознании поэта, убившего в себе слепую юношескую веру и не способного ослепить себя вторично. Стихотворение «Злобный дух» вводит нас в самые сокровенные глубины души поэта. Характерно, что во всем стихотворении нет ни одного упоминания о цвете, но нас не покидает ощущение кромешной, непроглядной тьмы. Такое чувство усиливается, когда мы сравниваем это стихотворение с «Цветом небесным. . .», где все сияет солнцем и лазурью.

В 1847 году Г. Орбелиани перевел известное стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный. . .». Надо заметить, что мотивы ума, взволнованного сомнением, акцентированные в оригинале, в этом вольном переводе усилены. Выбор переводчиком именно этого пушкинского стихотворения не был случайным. За четыре года до этого перевода Н. Бараташвили написал стихотворение «Злобный дух», выражающее трагедию «умом изверившейся личности». Разум,

дар трезвого мышления, предстает здесь как злое начало: он похищает душевный мир, внутреннюю гармонию, отравляет чистые стремления поэта и ничего не дает душе взамен.

Бараташвилиевский Злобный дух — образ универсального содержания. Этот поэтический символ относится к тому ряду бессмертных образов, которым романтики придали особый смысл и значение. Первоисточник его восходит к библейской легенде. Образ изгнанного из рая ангела европейская литература нового времени превратила в символ мятежа и возмущения.

Для осмысления Злобного духа у Бараташвили особенно важна своеобразная романтическая интерпретация, которую этот образ получил в «Каине» Байрона. Байроновский Люцифер признан поэтическим воплощением воззрений просветителей XVIII века, объявивших символом своей веры всемогущество человеческого разума. Характерно, что в мистерии английского поэта Злой дух по красоте и могуществу превосходит херувимов. Но еще важнее, что бессмертию его сопутствует «великая тоска».

Бараташвилиевский Злобный дух — также дух печали. Его завораживающая сила только разрушает, уничтожает все, что создавало иллюзию покоя, внутренней гармонии. Дать взамен их счастье он не в силах, а свобода, которую он сулит своей жертве, остается пустым словом. В трактовке Злобного духа Бараташвили идет несколько иным путем, чем Байрон. Та исторически определенная форма деятельности человеческого разума, которую романтики, начиная с Байрона, вкладывали в этот символический образ — рационалистические идеалы предшествующей эпохи, трезвый критицизм, культ строгого логического мышления, — в глазах Бараташвили становится тщетным, бесплодным свойством человеческого сознания. И действительно, в тех конкретных условиях, в которых создавалось это стихотворение, просветительский скептицизм, ум взволнованный, изверившийся мог исполнить только миссию отрицания. Нужен был дар иного характера, иной склад мысли, который сумел бы возродить человека для борьбы за новые идеалы, для деятельности позитивной.

Автор «Мерани» сумел из глубины своего времени разглядеть будущую победу и торжество человека. Он сумел объединить веру и разум и в их самоотверженной борьбе со слепой необходимостью увидел высочайший смысл и оправдание человеческого существования.

В «Мерани» деятельность рассудка приобретает новое качество. Это уже не «изверившийся ум», но всемогущий разум, вдохновленный на героический подвиг, сознательное самопожертвование, окры-

ленное живой верой, очищенное от пассивного скептицизма (не случайно первая просьба поэта к своему Мерани — развеять «печаль и мрачную думу»).

Все духовные силы поэта здесь подчинены внутреннему ритму движения интеллекта. Происходит полная мобилизация воли, схватившейся с роком «обреченной души». Этот ритм безостановочного, неукротимого, не признающего предела стремления выражен в беге сказочного коня Мерани.

Разум очищен от холодного безверия, но не остается места и для наивных иллюзий. Бег Мерани обречен на поражение, идеал его всадника недосягаем, но:

> . . .не исчезнет душевный трепет того,
> кто ведал, что обречен,
> И в диких высях твой след, Мерани,
> пребудет вечно для всех времен:
> Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет, смелый,
> быстрей меня
> И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь,
> обгонит ее коня.

Действенное, активное, оптимистическое миропонимание в «Мерани» определяется не уверенностью в осуществлении идеала. Его движущей силой является сознание того, что человек создан и всем своим существом призван к самоотверженной, героической борьбе во имя достижения этой цели. Это оптимизм трагический.

В «Мерани» своего апогея достигает и полемика с идеей «суеты сует». Ибо трагический оптимизм этого стихотворения основывается прежде всего на непреодолимом стремлении вперед, к будущему.

«И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем; потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это — суета!» Этому разоружающему, подавляющему скепсису Экклесиаста автор «Мерани» противопоставляет реальную перспективу — «грядущего собрата», веру в обновление, вечное стремление вперед, в завтра.

Такой была новая декларация гуманизма, любви к ближнему, прорицателем и проповедником которой явился автор «Мерани» в новой Грузии.

Во взволнованной, «обреченной и утомленной» интонации стихотворения словно слышится тоска далеких дорог и перекрестков, гнетущая безутешность путей, пройденных предками.

Одна из параллелей, связывающих содержание «Мерани» с образцами мировой поэзии его эпохи, была установлена уже в XIX веке. Мы имеем в виду стихотворение Адама Мицкевича «Фарис», которое было известно Бараташвили в русском переводе. Идейная устремленность поэзии Мицкевича, безусловно, была близка Бараташвили.

В мировой поэзии XIX века у автора «Мерани» есть еще один далекий собрат, которого он, видимо, не знал, быть может, даже имени его не слышал, — Джакомо Леопарди. И все-таки их духовное родство несомненно.

Литературное наследие Леопарди получило широкое признание за пределами его родины сравнительно поздно. В России первое полное собрание его стихотворений было издано лишь в 1908 году в переводах И. Тхоржевского. Интересно, что поэт, открывший для русского читателя творчество величайшего представителя итальянского романтизма, был вместе с тем первым русским переводчиком «Мерани».

Можно сказать, что духовная одиссея Леопарди и Бараташвили развивалась в одном и том же направлении. Паруса их кораблей трепали одни и те же ветры. Но в конце пути их ожидали разные берега.

Конечный философский вывод всего творчества итальянского поэта заключен в его знаменитом стихотворении «Ночная песнь азиатского пастуха». Это произведение своим символическим осмыслением главного образа и структурой обнаруживает удивительное сходство с образным содержанием «Мерани». Но лишь до определенного момента.

...Седой, больной старик, полуодетый и босой, с тяжелым грузом на плечах стремительно бежит через горы и долины, по острым камням и глубоким пескам, и в ветер, и в бурю, и в жару, и в мороз, бежит, задыхаясь, переходя через потоки и болота, падает, встает и все ускоряет свой бег, без отдыха и покоя, оборванный, окровавленный, для того чтобы прийти к страшной бездонной пропасти и, низвергшись в нее, забыть все.

Такова конечная точка сложной и болезненной эволюции миропонимания Леопарди. Такой приговор вынес он человеку, его земным порывам и призванию.

Сознание иллюзорности высоких гуманистических идеалов привело поэта к отрицанию разумности и целесообразности всякого действия, всякой борьбы, всякого сопротивления неразумным силам вселенной.

Удивительно, как хватило сил младшему современнику Джакомо Леопарди, также рано разочаровавшемуся в жизни, одинокому, безвестному юноше, как хватило автору «Мерани» душевных сил для того, чтобы предвидеть будущее торжество человеческого духа, для того, чтобы не утратить гордой веры в свое высокое назначение!

«Мерани» представляет собою такую же вершину грузинской поэзии, как и «Витязь в тигровой шкуре» Руставели. Если в поэме Руставели свое совершенное выражение нашло классическое эпическое мышление, то «Мерани» — блистательнейший образец лирического самовыражения, характерного для романтической поэзии.

Внутренняя потенция человеческого духа, приведенного в действие жгучей тревогой, здесь раскрыта с поразительной художественной экспрессией. В ритмическом строе «Мерани» находит свое совершеннейшее выражение неутихающая жажда движения, стремления вперед, преодоления «границы рока».

Вот какими средствами, например, Николоз Бараташвили передает бесконечную длительность скачки Мерани:

Рассеки ветер, прорви воды, пронесись над скалами и кручами,
Несись вперед, мчись и сократи мне, нетерпеливому, странствия дни.
Не укрывайся, мой летящий, ни от зноя, ни от непогоды,
Не щади за усталость твоего самоотверженного всадника!

(Подстрочный перевод)

Здесь ряд однородных членов предложения, выражающих действие, преодоление, порыв, своим настойчиво монотонным чередованием в нашем воображении создает впечатление вечного, непрекращающегося движения.

Несмотря на то что автор «Мерани» часто обращается к тавтологическим и усиливающим поэтическим средствам, по существу язык его предельно точен. Здесь найдены те единственные слова, те единственные краски и художественные штрихи, которые выражают внутреннюю суть стихотворения.

Органное благозвучие «Сумерек» здесь сменяет подчеркнуто драматизированная оркестровка стиха, воспроизводящая «вой вьюги», тревожный «крик беркутов» и умноженное «скалами» и «кручами» эхо символической «скачки».

В последней же строфе «Мерани» (перед рефреном, где поэт говорит о собрате, следующем по его стопам, и полон предощущения необозримой широты раскрывающегося перед ним простора) он мастерски обновляет звучание стиха путем обильного внесения в его

звуковую ткань слов и словосочетаний с преобладающими гласными.

«Мерани» относится к тем поэтическим произведениям, в которых содержание, идея, эмоциональный настрой полно и исчерпывающе выражены редкой полифоничностью формальных средств поэзии.

Вместе с тем это — одно из наиболее ярких проявлений «романтического духа» в его активной, жизнеутверждающей, революционной устремленности, которая, несмотря на внешнюю камерность выбранной для воплощения формы (лирическое стихотворение), реализуется в величественно-многообъемлющем, внутренне монументальном стиле.

Образный строй и живописно-звуковая структура «Мерани» такую (внутренне монументальную) окрашенность приобретают благодаря одной примечательной особенности: речь идет о присущей этому строю тенденции разомкнутости, пространственной растяженности, стремлении к преодолению собственных предметно осязаемых рамок.

Почти все главные художественные компоненты стихотворения отмечены признаком повторяемости, градационного развития, нарастания. Образно-смысловое содержание каждой строфы тяготеет к переходу, переливу в последующие строфы. Такое тяготение все время нарастает и в финале стихотворения не прерывается, а, наоборот, достигает зенита, оставляя в нас ощущение тревожной неудовлетворенности, нестихающего, продолжающегося в бесконечности порыва.

Чеканной завершенности руставелиевской строфы, которая, как правило, содержит в себе и обрамляет конкретную образно-смысловую единицу (завершенную и замкнутую в себе идею или картину), здесь противостоит подчеркнутая ее раскованность (так называемая «открытая форма»), рассчитанная на обязательное сопереживание читателя, подразумевающая за каждым образом многоточие, его потенциально бесконечную протяженность, проецируемую на новые и новые внеположные (от данной образно-смысловой реальности) пространства.

В этом смысле «Мерани» нам представляется произведением вершинного значения как в философско-этическом развитии, так и в художественной эволюции грузинского романтизма. Романтическое поэтическое мышление здесь реализовано с самоисчерпывающей, абсолютной полнотой.

Глубокая оценка исторической роли Николоза Бараташвили и других грузинских поэтов-романтиков была впервые дана выдающимся представителем нового этапа грузинской общественной мысли и культуры Ильей Чавчавадзе. Характеризуя неоценимые заслуги Николоза Бараташвили перед родной литературой, он указал также и на мировое значение его поэтического наследия.

Проникновенность и правота этих оценок были подтверждены всем дальнейшим ходом литературного движения.

Г. Асатиани, Т. Буачидзе

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ

Александр Гарсеванович Чавчавадзе родился в Петербурге в 1786 году. Отец поэта князь Гарсеван Чавчавадзе — видный политический деятель своего времени, в течение 18 лет был послом грузинских царей Ираклия II и Георгия XII при русском дворе. Он умер в 1811 году и похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре. Мать поэта Мария (Майя) Авалишвили славилась редкой красотой и начитанностью. Прожила она до 1836 года, похоронена в монастыре Шуамта (Кахетия).

Александр был их единственным сыном. Учился он в одном из лучших частных пансионов Петербурга (1795—1799). Родному языку и литературе обучала его мать, позднее учителем его был дядя Георгий Авалишвили, известный географ, драматург и переводчик. С возвращением семьи на родину (1799) Александр продолжал образование дома под присмотром родителей и иностранных гувернеров.

В 1804 году восемнадцатилетним юношей Александр бежал из дому и присоединился к грузинскому царевичу Парнаозу, который организовал в Мтиулетии восстание с целью восстановления грузинского престола. Участники восстания, а с ними и Александр Чавчавадзе, были арестованы. Юношу привезли в Тбилиси, судили и выслали в Тамбов на поселение. Однако он не долго оставался в Тамбове: по просьбе отца император Александр I освободил юношу от наказания. Он был отозван в Петербург и зачислен в Пажеский корпус. В 1809 году он получил чин подпоручика и был определен в лейб-гвардии гусарский полк.

С этого момента начинается блестящая военная карьера А. Чавчавадзе. В 1811 году поэт возвращается в Грузию в чине поручика и участвует в военных действиях на Кавказе. В 1813—1814 годах он принимает участие в сражениях против наполеоновских войск и во взятии Парижа. В это время он был адъютантом главнокомандую-

щего М. Б. Барклая де Толли. В битве под Лейпцигом он удостоился золотого оружия с надписью «За храбрость», был награжден многими боевыми орденами, а также французским орденом «Почетного легиона». Поручик, а затем ротмистр, он некоторое время служил в том же лейб-гвардии гусарском полку, в котором служили П. Я. Чаадаев, Н. Н. Раевский и П. П. Каверин.

В 1817 году А. Чавчавадзе вернулся в Грузию в чине полковника, в 1821—1822 годах он командир знаменитого Нижегородского драгунского полка. Активный участник русско-персидской и русско-турецкой войн, поэт отличился в ряде решающих сражений, в частности при взятии крепостей Диадин, Топрах-кале и Баязет. Дослужился он до звания генерал-лейтенанта.

А. Чавчавадзе был одним из образованнейших людей своей эпохи. Помимо грузинского и русского, он хорошо знал французский, немецкий, турецкий, персидский языки и литературы. Дом А. Чавчавадзе в Тбилиси и имение в Цинандали стали центрами знакомства и сближения передовых деятелей русской и грузинской культур. Заслуга поэта, по словам К. А. Бороздина, «заключалась в том, что он успел дом свой сделать прочным звеном между обществом грузинским и русскими людьми, ехавшими служить на Кавказ... Князь Александр довершал в полной мере дело, начатое его отцом. Гарсеван политически приурочил Грузию к России, а сын его, благодаря своему личному характеру, сблизил грузин с русскими. Всякий русский, занесенный на дальнюю чужбину, дышал у него родным воздухом; всякий грузин шел к нему с душою нараспашку; тут они встречались и научались понимать и любить друг друга». [1]

Вскоре после окончания следствия по делу о заговоре 1832 года А. Чавчавадзе был выслан в Тамбов, но пробыл там недолго и был вызван в Петербург. Через несколько лет он вернулся на родину.

Он умер в расцвете творческих сил, 6 ноября 1846 года, став жертвой несчастного случая: стараясь помочь кучеру сдержать испуганных коней, он упал с коляски, ударившись головой о камни мостовой, почти перед самым своим домом.

Похоронен он в Кахетии, в древнем монастыре Шуамта, в фамильном некрополе.

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1929, с. 303.

1

О далекие, полные света года!
Отлетела, как сон, ваших дней череда.
Я же, верно, не стану иным никогда,
Не гонюсь я за сменой времен.
Я всё тот же всегда.

Я ушел от людей, суетой утомлен.
Вы дивитесь, что жив я, как встарь, как тогда?
Я всё тот же всегда.

Я печальной судьбою своей заклеймен,
О, да будет щитом мне надежды звезда!
Я всё тот же всегда.

Убегает надежда, напрасен мой стон...
Лучше смерть, если нет упований следа.
Я всё тот же всегда.

Я единой единожды отдан в полон,
Я служу ей, не ведая рабства стыда.
Я всё тот же всегда.

Жаль мне тех, кто за верность, как я, осужден.
Эта преданность наша не стоит труда.
Я всё тот же всегда.

А она обо мне и не помнит, горда.
Всё же, где бы я ни был, я с ней навсегда.
Я всё тот же, пусть годы бегут, как вода.
Не гонюсь я за сменой времен.
Я всё тот же всегда.

2

Открылся порог благодатного лета —
Так хочет времен круговое движенье.
И радостью вновь осветилось мгновенье,
И счастьем душа милосердно согрета.

Кто властвовал гордо над сердцем своим,
Пусть любит он снова — и будет любим!

Сердца, что гордились величьем суровым,
Какое томленье вам крылья связало?
На юную жизнь вы глядите устало.
О, пусть опахнет вас дождем лепестковым
Цветущей поры золотое начало!

Кто властвовал гордо над сердцем своим,
Пусть любит он снова — и будет любим!

Цветы умирают в сугробе глубоком,
Спадает с деревьев убранство живое,
Но ветви воскреснут в живительном зное,
Нальются плоды ароматом и соком —
Так хочет движенье времен круговое.

Кто властвовал гордо над сердцем своим,
Пусть любит он снова — и будет любим!

О, верьте! Желанное сбудется с вами,
И счастье придет к вам стопой неуклонной,
И розы увидите лик благовонный,
От смелого взора не скрытый шипами, —
И бодрость вдохнете душой исцеленной!

Кто властвовал гордо над сердцем своим,
Пусть любит он снова — и будет любим!

Идущие вольно дорогой свободной!
Зачем вы томитесь, вкруг розы блуждая?
Приблизьтесь к порогу зовущего рая!
Не минет бесплодно порыв благородный,
Отважных не ранит беда роковая!

Кто властвовал гордо над сердцем своим,
Пусть любит он снова — и будет любим!

3. МУХАМБАЗИ

(Застольная песня)

За здравие всех нас, кутил!
Наш праздник теперь наступил!
В давильне — осенний божок —
В права свои Бахус вступил.

Пусть будет зима холодна,
Пусть галок морозит она,
Коль бродит вино в голове —
Суровость зимы не страшна!

Пусть жажду вино утолит;
Сам батюшка пить разрешит:
Потоп доказал, что вода
Для тех создана, кто грешит!

Как только изволил сам Ной
Отведать сок, данный лозой,
Он слабость к вину возымел,
Оставив скотам водопой.

Давайте ж, ребята, кутнем!
Вино, как врага, разобьем!..
Оно обратится нам в кровь,
А кровь ту в бою мы прольем!

Как только война закипит,
Всем трезвым погибель грозит;
А пьяный в задоре своем
Умрет иль врага победит!

Не мудрствуй лукаво, мудрец,
Иль будешь плохой ты боец:
Ты дух свой убьешь до войны,
Предвидя печальный конец!..

Попрячемте книги в карман,
Научит нас лучше стакан:
О смерти твердит — кто учен,
Победою бредит — кто пьян!

Эй, доктор, прими мой совет:
Когда излечения нет,
Вино помогает и там,
Где твой бесполезен ланцет!

Святоши должны подтвердить,
Что долг христианский — кутить:
Вино Магомет запретил,
Назло ему будемте пить!

Восторг наслаждений земных
Не купишь за горсть золотых:
Есть много богатых людей, —
А есть ли в том польза для них?

Так лучше уж мы за вином,
Пируя, всю жизнь проведем:
На дне мы кувшина с вином
Веселье наверно найдем!

Весною, в честь радужных грез,
Прибегнем мы к соку из лоз,
И пусть соловей лишь один
Упьется дыханием роз!

Не тот покоряет сердца,
Кто только грустит без конца...
А вслушайтесь в песнь молодца,
Который отведал винца!..

Всех летом томит здесь жара,
И даже ночная пора
Прохлады и сна не дает;
А пьяные — спят до утра!

4. МУСТАЗАДИ

О прекраснейшей розы бутон, посмотри на того,
Кто, проклятью подпав, глаз не сводит с лица твоего.
Ты возьми меня в рабство, приди, обними. Одного
Я лекарства прошу — сделай вечным любви торжество.
Чувства рвут меня, и без тебя мое сердце мертво.

Рук сверкающих взмах, трепет кос, глаз подвижная тьма
Дань взимают. Прострелено сердце и сходит с ума.
Дай обнять мне колени твои, посоветуй сама,
Как спастись мне от войска ресниц? Их — черна бахрома.
Хрусталям твоих глаз дважды светлым служу; оттого
Чувства рвут меня и без тебя мое сердце мертво.

Ждал тебя я у тесных в долину ведущих ворот.
Но напрасно кричал я и стонами полон мой рот.
Ночь проходит, я стражду, и вот уж ко дню поворот;
Хоть себя не щажу я, твой взгляд не меня изберет.
Слово любящих помня, в слезах повторяю его:
Чувства рвут меня, и без тебя мое сердце мертво.

5. ЛЮБОВЬ

Любовь могучая! Какого не одолеешь ты бойца?
Тебе оброками — стенанья, тебе престолами — сердца.
Рабом ты делаешь владыку, предав безумью мудреца,
И соловей, поющий розу, тебе покорен до конца.

Монах, мирянин, и невольник, и повелители племен —
Подвластны все твоей державе и признают ее закон.
Самодержавная царица, везде находишь ты свой трон,
И люди — подданные страсти, и я, как все, тобой пленен.

Неужто кто-нибудь захочет избегнуть радостных цепей?
Пускай любовь несет страданья — отрада сладостная в ней.
Благословенна эта нега, да разгорается сильней!
И грустно, если в ней не будет хотя бы отблеска скорбей.

6

Красоте твоей завидуют жены — она нежна.
Говорят: о, если б глаза такие иметь и нам!

Ты легким станом, как гибкий тополь, вознесена,
Тростник опишет тот, кто расскажет, как ты стройна,
Мягки твои губы, прекрасны руки, коса черна,
Хрусталь и мрамор затмить способна щек белизна.

Когда скажу я, с чем ты сравнима и как мила,
Другие звезды мне станут врагами, желая зла,
Стрелу направят, чтоб кровью сердце мое зажгла.
И Марс воскликнет: «Есть ли такое, чего б она
не могла?
Пусть не увидят наши очи, как хороша она».

Строен твой стан, нежны твои щеки — в саду цветы,
Агатовых прядей пышные волны в косы до пят свиты,
Груди твои, как почки розы, нежностью налиты,
Сердца кахетинцев, сердца картвельцев давно покорила
ты —
Молчу о прочих, иначе вспыхнет и вся страна.

Прохладный тополь, ты тихо веешь у каждого на пути,
Для того надолго прояснится небо, к кому твоя свежесть
слетит,
Стан кипариса, с тобой и раю скажу прости,
Окаменею, коль мне не будет твоя сладкая речь
слышна...

7

Я пришел воспеть твои края,
Благодатный ветерок полдневный,
Призови ты солнца луч безгневный,
Чтоб дышал он, блеска не тая,
Чтоб весь мир он растопил, как льдину,
Чтоб цветы вернулись к нам в долину,
Раньше всех — фиалочка моя!

Радость! Дай сердцам благословенье!
Дай любовное воспламененье!

И фиалка, вспыхнув под росой,
Обретет зиждительную силу —
И хвалу воздаст она светилу,
Опустив глазок лиловый свой:
«За любовь тебя благодарю я!
Ты взошло, дыханье нам даруя.
Дай же нам побольше светлых дней —
Ароматом слаще поцелуя
Мы пьяним земных твоих детей».

Радость! Дай сердцам благословенье!
Дай любовное воспламененье!

Соловьиный цокот, птичий гром.
За подругу бьется тварь лесная,
Когти в грудь соперника вонзая.

Всё звенит, всё буйствует кругом,
Всё поет в тоске самозабвенной.
Нынче страсть владеет всей вселенной,
Побежденный в муках ждет конца.
Грозной тайны трепет сокровенный
Пусть пронзит нежнейшие сердца!

Радость! Дай сердцам благословенье!
Дай любовное воспламененье!

В сад цветущий, девушка, войди,
Под фатой укрыв лицо и плечи!
Ждет в саду благословенной встречи
Юноша с пыланием в груди.
Быстрый луч взлетит над черной тучей —
И раздастся голос неминучий:
«О, пойдем! желанье кличет нас.
Не противься, не томи, не мучай!
Посмотри, как сладок свод дремучий,
Как блаженно жгучий день погас!»

Радость! Дай сердцам благословенье!
Дай любовное воспламененье!

8

Горе мне! Душе бескрылой
Не вернуть твой образ милый.
Расстаюсь с последней силой,
Весь во власти мук своих.

Близ тебя, луна земная,
Я дышал, скорбей не зная,
Ныне изгнан я из рая,
Безутешен скорбный стих.

Сладкий голос твой когда-то
В вечной страсти клялся свято.
Нынче всё судьбою взято:
Сладкий голос твой затих.

Коль объятий тщетно жду я,
Тщетно жажду поцелуя, —
Исцеленье мне даруя,
Дай мне смерть, моя Марих!

Иль смири огонь разлуки,
Чтоб, вздымая к небу руки,
Позабыл я эти муки
Ради радостей былых!

9

Распустившаяся весною
Роза, скрыта листвой сквозною,
Соловья пьянит ароматом.
Плачет он, хмельной: «Что со мною?

Чем гордишься ты — неужели
Сердцем каменным в милом теле?
Горе взваливаешь на горе
И безумишь меня без цели.

Ты алеешь моею кровью,
Шлю за то тебе славословье.
Где награда? Иль незнакома
Роза с жалостью и любовью?

Эти иглы не для того ли,
Чтобы сердцу умножить боли?
Плачем тешишься ты, как песней,
Слезы буду я лить доколе?»

Улыбается роза мая:
«Нет, я боль твою понимаю,
Но рыданья и песнопенья —
У влюбленных судьба такая.

Всё же плач ты сдержи и пенье,
Не костер твое опьяненье,
И развеет такое пламя
Ветра легкое дуновенье».

10

Багряною зарей освещенная,
Окраской роз сияешь ты, светлая,
Стократ сердца гнетешь отягченные,
Перед тобой их вздох как дым, светлая.

Ты глаз людских утеха сладчайшая,
Ты пытка нам огнем жесточайшая.
Не устоять перед тобой, сладчайшая,
Предстанешь ты — воспрянет дух, светлая.

Зачем господь создал светозарную?
Питает враг твой зависть коварную.
Завистлив Феб: тебя, светозарную,
Увидел он — зарю взметнул светлую.

Я страстью к ней живу, одурманенный,
Она ушла — остался я раненый,
Как ночью — днем теперь отуманенный.
Приди, заря, согрей меня, светлая.

11

Маджаму слагать начну.
Сладкий труд — напрягать струну.
Дай, Геба, мне нектара,
Я к чаше богов прильну.
Вы очи откройте мне,
Вы лиру настройте мне
И песню в честь Грации,
О музы, пропойте мне.
Баяти я — песнь мою —
О пальме из пальм спою,
Стрелой Купидоновой
Пронзит она грудь мою.
Вещает мне рок о том
Громами и рокотом.
О сердце, ты к гибели
Готово без ропота.
Ты страстью раздавлено,
Ты скорбью отравлено,
Лишь горестный след любви —
Слеза мне оставлена.

12. ДВОРЦУ ПАВЛА ПЕРВОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

Сокровищ не щадя, какой монарх-гордец,
Преграды серебром преодолев спесиво,
На удивленье всем такой взрастил дворец?
Так солнце в долах взращивает нивы.

Он сообщил тебе величественный вид.
Искусною рукой он подобрал каменья
Снаружи, а внутри всё золотом горит.
На что потребен год, он сделал во мгновенье.

И между гулких плит струенье робких вод
Со всех сторон звучит. И пышность озарила
Тот горделивый храм, возросший в небосвод.
«Храм», — думал государь. Но этот храм — могила.

Когда же солнца лик восходит, осеня
Постройку мощную, то через воды эти,
О, сколько стрел скользит, отлитых из огня,
И падает на дно, не умеряясь в свете.

Смотрите, как хотят каналы вдоль дворца
О злодеянии поведать небывалом,
Свершенном близкими; как тешились сердца
Убийц, когда тоска и смерть прошли по залам.

13. БЬЕТСЯ ГОРЬКОЕ СЕРДЦЕ

Бьется горькое сердце, томясь, отбивает мгновенья.
Кто желанья поймет, кто подслушает сердцебиенье?
Сторожу у дороги. Виденья меня искушают, —
Это листья шуршат, и пугает меня шелестенье.
То волос из агата во тьме померещатся пряди, —
На хрустальной небесной доске это молний паденье.
Ветер легкий скользит. Я твое представляю дыханье,
Радость дарит оно, когда в сердце рубинов горенье.
Помнишь, в жертву взяла мою душу, и поднялось к небу
Из бесценных коралловых губ твоих благодаренье.
Жертва соединила два тела единою жизнью,
Разве отдал я душу, чтоб быть от тебя в отдаленье?
Иль презрела ты пленника, чувств упоенных не хочешь?
Знай, с холодною речью не схоже влюбленного пенье.

14

Горе я скрывать устал,
Но боюсь открыть уста,
Безумны глаза мои:
Как тополь девичий стан.

Родинки, радость глаз,
Гибну вдали от вас!

Лалы нежных уст люблю,
Взоры милых глаз ловлю —
И в сердце не скрыть огня.
Жестокую боль терплю!

Родинки, радость глаз,
Мука мне видеть вас!

Окружила мгла ночей
Солнце яркое очей,
Пронзит оно сердце мне
Стрелою своих лучей.

Родинки, радость глаз,
Гибну вдали от вас!

Как рубин, уста горят,
Скрыт меж них жемчужный ряд.
О сердце, за верность им
К смерти нас приговорят.

Родинки, радость глаз,
Проклят, кто любит вас!

Вслед за солнцем я иду,
Исцеленья в муках жду:
Лекарства не даст, — клянусь! —
В могиле покой найду!

Родинки, радость глаз,
Стоит ли жить без вас?

15

Горе миру, где злодей владыка,
Где лжецов разгуливает клика,
    Где, загубленная дико,
    Слезы льет свобода.
Горе вам, душители народа!

Горе лицемерам, всюду сущим,
Горе торгашам, мошной трясущим,
    Важно голову несущим, —
    Весь товар распродан.
Горе вам, грабители народа!

Государства борются друг с другом,
Убивать приказывают слугам.
    Злым охвачена недугом
    Мирная природа.
Горе вам, властители народа!

Торжествует победитель сильный,
Вянет цвет весенний изобильный,
    Всё глушит сорняк могильный,
    Жалкая порода...
Горе вам, обидчики народа!

Но найдется для неправых кара,
Не уйдут злодеи от удара.
    Месть заполыхает яро
    Вплоть до небосвода!
Горе вам, насильники народа!

Царь земной, чьи повеленья святы,
Царедворцы, что пришли в палаты,
    Вам не избежать расплаты,
    Не найти прохода!
Горе вам, обманщики народа!

Горе вам, хотевшим жить беспечно,
Отгулявшим в славе скоротечной!
    Ваша жизнь не длится вечно,
    Вянет год от года.
Будет время — смерть врагам народа!

16

О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Ты певцу изранила сердце вдохновенное.
Ах, зачем увидел я прелесть совершенную!
Лик, рожденный властвовать, покорил вселенную.
Лук бровей изогнутых подняла надменная,
Прямо в грудь нацелилась мне стрела мгновенная.
О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Ты зачем мне ранила сердце вдохновенное?
Дрожь ресниц отточенных — взмах мечей губительных,
Острием пронзенные стонут в муках длительных,
Но опять бросаются в сонм клинков язвительных,
Алчут новой близости, ищут ран целительных.
Горе мне, безумному! Гибнет сердце пленное.
О любовь разящая, о любовь бесценная,
Как жестоко ранишь ты сердце вдохновенное!
Вижу очи недруга, жажду крови мщения,
Но сильней, чем ненависть, тайное влечение.
Как безумцу вымолвить слово отречения?
Гибну в тонком пламени, славлю яд мучения,
В горьких стонах слышится радость сокровенная.
О любовь коварная, о любовь священная,
Вот как ты мне ранила сердце вдохновенное.
А вдали от гибели и в разлуке с милою
Целый мир мне кажется черною могилою.
Как беглец безрадостный, жизнь кляну унылую,
Новой тайной близости жажду с новой силою,
Тщетно ждет свидания сердце неизменное.

О любовь жестокая, о любовь надменная,
Слышишь, ждет свидания сердце вдохновенное?
Бойтесь стройных тополей, юноши влюбленные,
Бойтесь роз, что прячутся в заросли зеленые,
Как бы, нежной розою насмерть уязвленные,
В рабство вас не продали очи ослепленные.
Слышите, нерадостна песнь моя бессменная:
О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Как ты больно ранила сердце вдохновенное!

17. ЧЕЛОВЕК В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

Да, горестную жизнь мы в мире этом видим!
Рождаясь, плачем мы, как будто всё предвидим.
Растем, и наших слез наставник не уймет,
И время к мудрости сурово нас зовет.

А станешь юношей — сильнее мучит горе:
Нас унижает страсть и разум с сердцем в споре,
Лицо прекрасное нежданно нас пленит
И в жалкого раба навеки превратит.

И в зрелом возрасте всё новые страданья, —
Всё мало нам, гнетут нас новые желанья:
Похвал, и почестей, и славы мы хотим
И, не достигнув их, от зависти горим.

Когда ж под грузом лет спина дугой согнется,
Угаснут чувства все, лишь злоба остается,
Придут болезни к нам, предупреждая нас:
«С улыбкой зачатый — заплачешь в смертный час!»

18

Вы проходите дорогою,
Девы, взор и сердце трогая.
Косы — цепи. Страсть жестокая
Заплела их. Вижу сам:
Я теперь привязан к вам.

Кто вы? Как светила в облаке,
Мимо реют ваши облики.
Узников услышьте оклики,
Оглянитесь на меня.
Я томлюсь, судьбу кляня.

Светочи, где вас не встречу я?
Вас возносят все наречия.
О, не надо бессердечия,
Мрачную целите плоть,
Дайте горе побороть.

Юноши, вы дом мой видели?
Тьма и траур — в доме жители,
В сумрачной томлюсь обители.
Пожалейте, хоть сейчас
Я совсем покину вас.

Ах, представьте те мгновения
(Что их было драгоценнее?).
Сами вы несли служение
И гордились госпожой,
В честь которой шли на бой.

Или верности пылание
Гаснет? Воля вам желаннее.
Но не радуйтесь заранее:
    Ваш удел, настанет срок,
    Будет, как и мой, жесток.

Пониманьем не согретая,
Звезды пой, душа: я этою
Песней о рабах поведаю,
    Звездам вверивших сердца.
    Участь горестна певца.

19

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастье до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О, тоска, как давит она!

Тот, кому я отдал покорно
Сердце в жертву, — заперт в плену.
Беды к бедам нижу, как зерна.
Рана мучает. Не вздохну.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастье до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О, тоска, как давит она!

Охраняют нас часовые,
И не вольны ни ты, ни я.
Завтра выйдут на пост другие,
Всё змеей осталась змея.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастье до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О, тоска, как давит она!

Я за каждым слежу прохожим:
Дева ль, отрок или старик —
Всё я чувством странным тревожим.
Слез горячих в сердце родник.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастье до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О, тоска, как давит она!

Трудно в горе. Но удивите ль
Разве им кого? Знаю я:
И великий и малый — зритель
Переменного бытия.

20

Я дивлюсь: отчего порицать покоренных красою?
Власть ее без границ. Страсть безумною манит мечтою.
Деве скажет влюбленный: «Я всё напоследок открою.
Этна в сердце потухла. Засыпано сердце золою».
Бедный житель земли, где сверкание страсти над нами
Не смирит увлечений и чувств непокорное пламя,
Если щедро природа ее наградила дарами,
Сердцу как не пылать, с красотою встречаясь глазами?
Пусть напрасен огонь, что с собою приносит горенье.
Смерть подходит поспешней; стремительней жизни движенье.
Но скажу, принимая как радость часов сокращенье:
«Я любви непокорной покорно приемлю веленья».
Разум гневно внушает: «О, будь осторожен, доколе
Эти неизлечимые будут томить тебя боли?»
Но ответствует вкрадчиво сердце: «О, не всё ли равно ли?
Наслаждайся любовью, покуда любовь в нашей воле».
Разум, мудрствовать брось! Или сам ты не видишь воочью —
Сердце властвует гордо, проникнув в твое средоточье,
Но само, хоть владыка желаний, сложив полномочья,
Служит страсти, и днем от нее не отходит и ночью.

21

О любимая! Безумен я. Мой удел жесток,
Нет таких стихов, в которых страсть я излить бы мог!
Как мне выплакать, как мне в сердце скрыть тайных слез поток,
Яд желаний, скорбь неудач моих и моих тревог?
В горе вверг меня, разлучив с тобой, беспощадный рок!

Прежде слушал я, закрыв глаза, неземную речь.
Взор очей твоих блистал порой, как разящий меч,
Пламень радости от их огня я хотел зажечь,
Видел нежный лик — бесценный дар наших кратких встреч.
А теперь? Лишь память их я храню в залог.
В горе вверг меня, разлучив с тобой, беспощадный рок!

Нежным ирисом украшен твой горделивый стан.
Не увянуть ни розам ланит твоих, ни твоим устам.
Сердца страстный стук в груди моей я считать устал.
Пряди длинных кос, мгла волос твоих, — я рабом их стал.
Сквозь узор чадры слепит глаза мне живой цветок.
В горе вверг меня, разлучив с тобой, безрассудный рок.

Ветви тополя — ветви рук твоих, далеки, горды.
Светят издали грудей твоих две ночных звезды.
Кипарис мой стройный, готов лобзать я твои следы,
Пролил море слез, и горечь их — соль морской воды.
Кровью залит мозг, туманит ум вечный вихрь тревог.
Как безжалостен разлучивший нас безрассудный рок!

22

В небе на радость мне взойди, луна,
Негою, милою бессонным, полна!
Роем, влюбленные, сюда, ко мне!
Славьте и радуйтесь — светла она!

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я.

Светом пронизана ночная мгла.
Вижу, что радость вокруг меня легла,
Скорби во взоре моем места нет, —
Давнее горе навсегда ушло.

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я.

Взгляда чернильное озеро бурлит,
Сердце, пронзенное стрелами, болит,
Лик исцеленного от смертных мук
Сладостной влагою слез залит.

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я.

23. КИПАРИС ЭДЕМА

Я изгнан судьбою жестокой из рая,
В тени кипариса побыть не успел.
Я с ним разлучен. От желаний сгорая,
В безумье я свой проклинаю удел.

О, смесь хрусталя, и жемчужин, и лала,
Прибавлен рубин, пламенеющий ало.
Когда ты свой рот, говоря, размыкала,
Я, полный хвалами, был нем и несмел.

Прочерчены гнутые брови, а взгляды —
Озера чернильные, море прохлады,
И войско ресниц поразит без пощады
Меня остриями всевидящих стрел.

Двугранный хрусталь — обиталище света.
В тяжелые локоны шея одета.
Соперник, ты рядом? Как вынести это?
Тьма сердце связала. Где мукам предел?

Ты держишь копье, поразить им готова.
Не спасся и я от копья золотого,
И мне исцеленье — рассказывать снова
О ране, о том, как был меток прицел.

24

Просьбы множу я: пощади,
Ты любовь воздвигла в груди.
    Пусть голос милый
    Спасет от могилы.
    Сердце давно
    Тебе вручено,
    В ранах оно.

Ты — светило, но почему
Не всегда озаряешь тьму?
    Пусть голос милый
    Спасет от могилы.
    Сердце давно
    Тебе вручено,
    В ранах оно.

Сердце ты опалила вдруг,
Но не вылечила недуг.
    Пусть голос милый
    Спасет от могилы.
    Сердце давно
    Тебе вручено,
    В ранах оно.

Я увидел тебя, был рад,
После горечь вкусил и ад.
    Пусть голос милый
    Спасет от могилы.

Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Солнце, что ты светишь в мой склеп?
Я, следив за тобой, ослеп.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Кто создал тебя, солнце, тот
Этим кару мне воздает.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

25

О роза, сердце влюблено,
Рассудок помутнен давно,
И рощей сделалось оно,
Где древо страсти взращено.

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Коралл улыбкой рассечен,
Дарил мне одобренье он,
Но замкнут он. Ни звук, ни стон
Не слышны. Или клятвы — сон?

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Твой лик — тень облака на нем.
Готовы слезы пасть дождем.
Гляжу в чернильный водоем.
Мне слышен стонов мрачных гром.

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Что означает скорбь твоя?
Она мне — острие копья.
Ты страждешь, слезы не тая,
Росу на розах вижу я.

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Ответишь: «Жребий мой жесток.
Тебя не вижу. Ты далек».
О, подожди, настанет срок,
К нам будет благосклонен рок.

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

26

Огнем любовным охвачен ныне я.
Всем сердцем твой.
Взят в плен тобой.
За что же ввергла меня в уныние?

Лей, солнца лик, свет ослепленному!
Агат волос,
Ночь черных кос,
Прохладой вейте в сердце влюбленному.

Лук напряженный, не будь губителен.
О, не томи,
Мой бред уйми.
Явись, как прежде, светлым целителем!

Озер чернильных стражи грозящие,
Ресниц лучи,
Любви мечи,
Не убивайте, насмерть разящие.

Не прерывайте трель соловьиную,
Розы ланит!
Вам он звенит,
Радостно славит любовь единую.

Розовых уст цепи жемчужные,
Вас горячей
Наших речей
Нежная страсть, отзвуки дружные.

Груди твои — чета голубиная.
Как восхвалю
Ту, что люблю?
Ты как кристалл сияешь, любимая.

Ствол кипариса! Твое колыханье
В крови шумит,
Огнем томит,
В груди горячей сжало дыханье.

О, не губи меня, волоокая,
Плачу, любя.
Дай мне себя.
Я умираю! Сжалься, жестокая!

27

Как завидел взор красу твою,
Проклял я слепую судьбу мою.
Опустив глаза, пред тобой стою.
О звезда, пошли мне отрадный луч!

Снизойди, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная!

Прядью темных кос вяжешь сердце мне.
В душной тьме волос на живой волне
Хрустали и лалы горят в огне.
Как воспеть мне их? Стих тяжел, тягуч.

Покорись, непреклонная!
Страждет сердце влюбленное,
Дай мне счастье бессонное!

Вот чернильный блеск двух больших озер,
Темный лес ресниц окаймляет взор.
Тонкий лук бровей целит в грудь, в упор.
Что ж, рази стрелой, убивай, не мучь.

Не томи, непреклонная!
Видишь, сердце пронзенное
Жжет стрела раскаленная.

Лепестки ланит — алой розы куст,
Стройной шеи ствол, легкой ткани хруст,
Жемчуга зубов меж рубинов уст —
Их целящий сок ядовит и жгуч.

Исцели, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная.

Стебель шеи скрыл кружевной убор,
Нежной груди блеск — как живой фарфор,
Двух птенцов ее жадно ищет взор,
Как рубины, их клювы горят. Не мучь!

Заступись, непреклонная,
Гонит сердце влюбленное
Добродетель бессонная.

Ветви тополя надо мной сомкни.
Счастлив тот, кого осенят они,
Вдалеке от них безотрадны дни.
Меркнет взгляд очей, как вечерний луч.

Пощади, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная.

Горе тем, кто вступает в неравный бой.
Разлучен я с негой, гоним судьбой.
Но не плачу, нет! Я пленен тобой,
Пусть же бог меня поразит из туч!

Как мне жить, непреклонная,
Если сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная?

28

Хотелось в безмолвии скрыть свой стон,
Чтоб жалобой сердца не тревожил он,
Но скрыть я не сумел, так был дух смущен.

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Горе! Тяжкий гнет тоски жесток.
О, горе мне, о, горе мне — врач далек,
Одну оставил надежду злобный рок.

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Лишен всего, что мило, судьбой забыт,
Сижу и горько плачу я, тоской убит,
Так жалоба порою моя звучит:

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Смертью грозите мне, но к чему грозить:
Я, обездоленный, мертв, довольно жить,
Я труп, и всё равно мне, где буду гнить.

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Я, уходя, рыдал, и в слезах она,
Мне расставанья боль не была страшна,
В жертву отчаянью жизнь давно дана.

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Прощай, земля, вода и весь белый свет,
Слезы мои текут, и числа им нет.
Глухо взываю я — где найду ответ?

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

Жестокая метнула меня судьба,
Лечу как из пращи, но к тебе мольба:
Помни, что верность живет в груди раба.

К веселию, любовь, ты дала мне сил —
Я голову теперь за тебя сложил.

29

Не терзай, не мучь сердца мне.
Горький яд не лей в сердце мне,
Покажи на миг светлый лик,
Озари на миг очи мне.

Врачевали мне сердце от ран мудрецы,
Говорили: «Пируй — исцелишься». Льстецы!
Вы же сами заставили радость забыть.
Вот — бальзам сумасшедших! Безумцы, глупцы!

Отзовись, верни сердце мне,
Успокой, утешь сердце мне.
Покажи на миг чистый лик,
Озари очи мне.

Запретили мне, радость, тебя лицезреть.
Проклял я их лукавство. Рвался умереть:
Каждый день без тебя умножает тоску.
Разве эти слепые умеют смотреть?

Появись, открой сердце мне,
Исцели лаской сердце мне,
Хоть на миг яви гордый лик,
Услади очи мне.

Не свеча ты, тебя ль со свечою сравню:
Разве я мотылек, чтоб сгорать, подлетевши к огню?
Нет, ты солнце — источник палящих лучей,
А зайдешь — я иссохну, как дуб на корню.

Воротись, вернись в дом ко мне.
Не терзай разлукою сердца мне.
В сладкий миг незабвенный лик
Покажи, утешь сердце мне.

О, довольно разлуки, вернись и пребудем вдвоем.
Мы рубинами губ сочетаемся, души сольем!
Сладкий голос вдохни в мой безжизненный слух.
Исцели! Эти раны твои — раны в сердце моем.

Воротись, вернись в дом ко мне,
Сладкий яд пролей в сердце мне.
Хоть на миг яви нежный лик,
Услади очи мне.

30

Ужасный бой, смешалися мечи вокруг и выстрелы,
И пуля раскаленная, всю тяжесть потерявшая,
Летит в сверканье пламени, за нею вслед незримая
Пространство пролетает смерть, от жизни отделяет нас.

31

Одарен тремя он дарами был, чтоб согнуть хребет всем врагам своим:
Прозорливый ум и испытанный, сердце смелое и бесстрашное,
И рука его необорная, на врагов мечом ополченная.
Замышляет он, и дерзает он, совершает он, что замышлено.

32. ГАЗЕЛА

Как мечом, рассечен я тоскою,
Тело чуть не рассталось с душою.

Нет надежд. Через стекла бинокля
В солнце всматриваюсь золотое.

Ах, не нежиться больше нам вместе,
Хоть я разум оставил с тобою.

Путь утрачен, напрасны желанья,
Не идти мне дорогой прямою.

Львом вгрызаясь в несчастное сердце,
Стала дикой любовь моя, злою.

«Душу мне возврати, заклинаю!» —
Побледнев, обращаюсь с мольбою.

Вздохи вызвав, ты вздохов не слышишь.
Двери слуха ужель не открою?

Если ты не даешь исцеленья,
Значит, вправду я проклят судьбою.

Жизнь, как нить, обрываешь мне гневом.
Нить своею порву я рукою.

33

Зачем ты явилась вновь,
Мечта вдохновенная,
Чтоб роем знакомых грез
Душа озаренная,
Надежды ушедший лик
Узрев на мгновение,
Припомнила дней былых
Живые видения?
Судьбою повергнут в прах,
Я знал лишь страдания,
И ею лишен был я
Навек упования.

Останься со мной, мечта, верни мне видения
И прежние слезы ты и вздохи томления,
Пахни ветерком былым, мое ты лицо обвей,
Усталой душе на миг дай сладость прошедших
дней.
Будь, радость, со мною ты, пусть длятся
мгновения,
И сердцу больному дай усладу забвения.

34

И лилии душистые, и розы благовонные
Ограбили румянец твой, красой твоей смущенные,
И я сорвал врагов твоих — цветы, в полях взращенные,
Принес твоих грабителей, взглянув в глаза бездонные.

Тот блажен, кто вблизи тебя, кто живет для тебя одной,
Если радует голос твой, если сердце полно тобой,
И, пылая, рубины губ улыбнутся ему порой,
То пьяня ароматом роз, то вонзая шипы иглой.

Но в роще, где поблизости луга цветут зеленые,
Покрытые пахучими и нежными бутонами,
Кто сердце бережет свое, чтоб не томилось стонами,
Боится пусть в кустарниках встречаться с купидонами.

35. КАВКАЗ

Став гордым теменем — понтийских волн пределом
И в Каспий врезавшись своим прекрасным телом,
Суровый Голиаф меж двух морей возник —
Кавказ, величием исполненный тайник!
Край дикой прелести таинственной природы,
Как непрерывный пот, твои струятся воды —
То реки грозные, срываясь с мощных плеч,
В долины дальние к полям стремятся течь.
Он горы на хребте своем вознес на горы.
Тысячелетний снег грозит покрыть просторы,
И если скатится одна из тех громад,
Услышишь ты тогда, увидишь белый ад,
Ты обезумеешь, коль в бешеной погоне
Промчатся груды льда, как скачущие кони,
Взметая до небес густую пыль снегов,
Им путь оврагами до пропасти готов.
Но буря зимняя свистящими ветрами
День превращает в ночь, в туманы над горами, —
То вновь идет потоп менять лицо земли.
Здесь рухнула гора, там нивы полегли,
Сосновые леса в песчаный прах поникли,
Здесь сушей стал ручей, там скалы вдруг возникли,
А повелитель гор — себе лишь верен он,
Он рушит и роднит — таков его закон!
Но солнце мирное восходит над Кавказом,
Окружено венцом, оно сверкнет алмазом
В тысячегранных льдах и водяной пыли,
Чтоб брызги золотом и радугой цвели,

И капля каждая стоцветным переливом
В природной красоте горит великим дивом.
Благоуханные на пастбищах цветы
Зовут к себе зверей спуститься с высоты.
Выходит медленно олень из темной чащи,
И, встречи не страшась с охотником разящим,
Он вниз глядит, склонив ветвистые рога
Над родиной громов, где тают облака.
И кто ж быстрей его? Лишь тур высокогорный,
Чьи острые рога копыт его упорней.
Он устремляет взор на неприступный лед
И от бессилия проклятие ревет.
Там скован Прометей был волею недоброй
И мучим вороном, ему терзавшим ребра,
И той горы утес, бесплодный и нагой,
От века человек не попирал ногой.
Лишь тот, кого труды военные вскормили,
Горою овладел — бесстрашный Цицишвили.
И Терек наконец познал себе предел,
И скалы двинулись — ворота славных дел,
И северных коней тяжелые копыта
Дробили ложе рек и высоту гранита.
От всадников огонь летел, тысячерук,
Стальные молнии пожарами вокруг
Гремели, падали, Кавказа грудь разили,
И, стонущий от ран, он покорился силе.
Поверили тогда Иверии сыны,
Что будут тем путем они просвещены.

36. ОПЬЯНЕННОЙ

Нарцисс полей, в свой гордый лик невыразимо влюблена,
Не в лоно вод глядишься ты — ты смотришь в зеркало вина.
Подобно розе, глубиной пурпурных струй отражена,
Ты упиваешься собой, собой одной опьянена.

37

Не верь, когда в тиши ночной, в тени задумчивых ветвей,
Возвысив голос, о любви поет влюбленный соловей.
Томиться — тоже ремесло. О чем и петь, как не о ней?
Ведь он — болтлив. Моя любовь и молчаливей и нежней!

38

Слушай, луна, страстным оплот, заступница строгая!
Светом своим нас облеки, ризою млечною,
Сколько бы ты в небе ни шла синей дорогою —
Наша любовь будет звездой верной и вечною.

39

Твой ясный разум светится звездою несравненною:
Лишись ты нежной прелести — сиял бы он денницею;
А красотой возвышенной поработив вселенную,
Ты вправе стать безумною и всё же быть царицею.

Но отвечай: к чему тебе достоинства чудесные,
Покуда пылкость юную ты гонишь прочь, красавица?
Ведь пламя чувства сладостней, чем все дары небесные:
И ум и прелесть мертвенны, пока любовь не явится.

40. НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ДЕВУШКИ

Ты была так прекрасна. Но что ж? В мире этом
Недолговечна, увы, и сама красота.
Что прекрасней цветения розы под утренним светом?
Но уж вечером роза померкла, и роза — не та.

Кровожадная смерть жестока и непреодолима,
Сколько б ты ни просил — остается глухою к мольбам.
Она реет над миром, и в руке ее неотвратимый
Острый меч — выполняя свой долг и не внемля слезам.

41

С восторгом и радостью сегодня надену я
Подарок, мне присланный, нежданный, — кольцо твое
Целую с волнением, и образ Камены я
Рисую в мечтах моих, и сердце стучит мое.

О, если желанное кольцо я смогу забыть,
А также сковавшее нас чувство сердечное,
То в то же мгновенье отмщенным я должен быть:
Ты, счастье пославшая, дай горе мне вечное!

Тебя, недоступную и к стонам привычную,
Красавицу гордую, любовью манящую,
Но с грудью из мрамора, люблю безгранично я,
Камену прекрасную, надежду дарящую.

Когда же, главу мою к тебе на колена я
Склоняя, блаженствовал, владея судьбой вполне,
И взорами счастлив был твоими, Камена, я,
И чудной улыбкою ты душу живила мне!

Ужели спокойное лицо твое светлое
Пленило одно меня и в цепи сковало? Нет,
Как память далекая, кольцо то заветное,
Все чувства пленившее, связало на много лет.

42

Не мни, что во своей ты власти.
Как я, и ты однажды будешь
Рабом неумолимой страсти.

Был дерзок я в младые годы,
Кичился я своей свободой,
Не ведал я влюбленных горя,
Любви томительной невзгоды.

Встречался ль мне безумец бедный,
Всевластных чар невольник бледный, —
Я молвил: «Жалок жребий мужа,
Чье скрылось мужество бесследно».

Но гордый мир души надменной
Во прах развеялся мгновенно.
Твой лик чарующий увидел —
И сил в душе не стало пленной.

Меня настигнул рой печалей,
Густые сумерки объяли,
И, узам рабства не противясь,
Уста покорно замолчали.

И от страстей внезапно милых,
Как пламя, кровь зажглася в жилах,
И, изойдя в слезах и стонах,
Себя узнать я был не в силах.

43

Ты любила меня, и тогда этот мир
Мне сокровищницею казался.
Близ тебя были будни — как праздничный пир,
Так я сладостью дней упивался.

Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

Ты любила меня, и с открытой душой
Жил я, всё на земле принимая.
Ветерок по утрам благовонной струей
От тебя нес дыхание мая.

Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

Ты любила меня, и в ночных небесах
Даже звезды иначе мерцали.
Неизменно весна ликовала в лесах,
Ни фиалки, ни розы не вяли.

Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

Ты любила меня, и поэтом я был,
Посещаемым верною музой,
И в чеканную форму вливался мой пыл,
Лишь любовь была милой обузой.

Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

Ты любила меня, и тогда даже сон
Не лишил меня радостей бденья:
На закрытые веки, бывало, мне он
Навевал о тебе сновиденья.

Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

44. ГОКЧА

Есть озеро Гокча — подобье широкого моря:
То бурные волны с угрозой вздымает оно,
То зыблет в струях, с хрусталем светозарностью споря,
Зеленые горы и воздуха синее дно.

Но траурны толпы его прибережных развалин.
Где в давние годы могуче цвели города,
Там нынче всё пусто, и край бездыханный печален,
Повсюду лишь соль да камней почернелых гряда.

Как всё здесь застыло в своем отрешенном покое!
Пустынность, безгласность, владычество смерти кругом.
Здесь в темный покров одевается сердце людское,
И горькое чувство со стоном вздымается в нем.

Так вот она — камни, дворцов величавых руины,
Так вот она — участь прекрасных творений тщеты,
Вот истинный образ и нашей грядущей судьбины!
Зачем же, мой взор, лишь к мгновенному тянешься ты?

Развалины эти — останки забытого храма,
Где царь преклонялся, к мольбе покаянной готов,
Где к богу неслись славословья и дым фимиама,
Где к небу стремились гремящие звуки псалмов;

Развалины эти — камней бездыханная груда:
Здесь в свежей тени преклоняют колени стада,
Здесь звери ночуют, и странник, ведущий верблюда,
В полуденный зной поспешает укрыться сюда.

Вот в этом строенье — в руине без стен и без кровли —
Ютился когда-то богатый купеческий ряд,
Где предок армянский, исконный искусник торговли,
Считал свое злато, неслыханной прибыли рад.

И были здесь люди, богатые честью и славой,
Ценившие доблесть превыше слепящих сует.
В безжизненный прах обратился их род величавый,
Их мощи былой затерялся прославленный след.

Взгляни на равнины, одетые в щебень унылый,
Взгляни на арену, где кони летали порой,
Где юноши-львята сходились помериться силой,
Где копья сверкали, где лук трепетал тетивой!

Угрюмые камни припаяны были друг к другу,
И своды вздымались, легко устремленные ввысь.
Под ними их зодчий дремал, предаваясь досугу,
В довольстве и неге беспечные годы неслись.

И здесь, во дворце, восседала могучая сила,
Вершившая судьбы, дарившая милость и гнев.
И здесь человека незримая злоба точила,
И здесь в человеке любовь пробуждалась, прозрев!

О, скольких красавиц, пленительно юных когда-то,
Глухое прибрежье своим затянуло песком!
О, сколько гвоздик, и лилей, и очей из агата
Спокойная гладь отражала в зерцале своем!

Увы! Сколько раз погружалась луна молодая
В широкую зыбь, в одиночество, мглу и печаль!
Но шествует время, косу беспощадно вздымая,
Ему красоты — ни земной, ни небесной — не жаль!

45

О владычица красоты,
Убивает меня разлука,
Ноет сердце до дурноты,
Смертоносная это мука.

Исцелительница моя,
Без тебя где души отрада?
Не зовите меня, друзья,
Заместительницы не надо.

Гонит краску с моих ланит
Красоты твоей злой избыток.
Лучше был бы я впрямь убит
Палачом — властелином пыток.

Сколько сердцу ты ни грози,
Мы с ним издали дышим милой,
А завидим ее вблизи —
Загораются все светила.

Миг с тобою — свет с высоты.
Без тебя — не видно ни зги мне.
Почему же не внемлешь ты
Этим стонам в любовном гимне?

46—48. ДВУСТИШИЯ

1

Как ни владело бы нами трезвое благоразумье —
Юность с любовью всегда сделают, что захотят.

2

Нем язык мой, изранено сердце, и тоски оглушителен
бред.
Говори же, любовь, что еще у тебя остается,
что еще ты хранишь мне во вред?!

3

Тебя испытавшие ропщут: «О, горе, лишились мы разума
с нею!»
Безумным — но лишь бы с тобою! Убей — если я
пожалею!

49

О полная луна,
Один я, ночь темна,
Взойди, светла, ясна,
Весь мир мне озаряя;

Ты, уходящий ввысь,
Сын неги, кипарис,
Склонись ко мне, склонись,
От зноя укрывая;

О милая, твоя
Краса — вся жизнь моя,
Чтоб исцелился я,
Врачуй, не промедляя;

Владычица цветов,
Ты, роза, от врагов
Стеречь тебя готов
Я, грудью защищая;

Ты разум отняла,
Ты сердце в плен взяла.
Молю, чтоб приняла
И душу ты, родная;

Сирень, твой аромат
Собой наполнил сад.
О, дай мне миг отрад,
Другим предпочитая;

По правде рассуди,
Услышь мой стон, приди
И муки услади,
В уста меня лобзая.

50. РОЖДЕНИЕ СЫНА

Музы, покиньте вашу обитель,
Музы, спешите, музы, летите.
Струны настроя, строфы сплетите,
Лютни игрою, песней звените.
Солнце-ребенка, юного львенка
Оберегите и одарите!
Солнце, войди к нам в дом!

Детству к лицу он, цвет этот нежный:
Розовый — щек, чела — белоснежный,
Маленький ротик — словно подснежник.
Всё же заметен облик мятежный!
Да, это львенок, голос так звонок.
Солнце луну родит неизбежно.
Солнце, войди к нам в дом!

Мать возлежит, опущены шторы.
Сын ясноликий — свет ее взора,
Смотрят с любовью очи-озера,
А от ресничных теней узоры,
И над ручонкой, хрупкою, тонкой,
Нам ветерков слышны разговоры:
Солнце, войди к нам в дом!

Счастлив и горд отец хлебосольный,
Всех веселит беседой застольной,
Славы отцовской ему довольно:

Сын ему дан судьбой своевольной, —
Благо земное, сердце родное
Будет отрадою в жизни дольной...
Солнце, войди к нам в дом!

Я в честь Георгия, солнца-сына,
Песню спою в его именины.
Пусть он не знает вовек кручины,
Жатву Давида сберет с долины.
Дружбу с любовью, годы здоровья
Дай ему, боже! Солнце, свети нам.
Солнце, войди к нам в дом!

51

К уродам приязнь и доверье ужели возможны?
Я выплачу горе, что вынес от дружбы их ложной.

Ребенком еще, расцветая под кровлей чужою,
Обид не сносил я и, юный, гордился собою,
Луне в полнолунье подобный, сверкал красотою,
Тем жил я — и в жизни не ведал унынья мгновений.

Но миром превратным душа моя выжжена ныне.
Он льстивою речью проникнул мне в сердца твердыню,
В отчаянья плен заточил, где один, как в пустыне,
Я жалостно кличу, — не слышит никто моих пеней.

Кто людям, беспечный, доверится, горестно станет
Судьбу проклинать — и судьба ему мстить не устанет.
Поймет он в тот миг, когда жизнь его веру обманет,
Сколь много я мук перенес и терпел поражений.

52

Я в долину спустился, чтоб сердце утешить в печали,
Встретил милую там. «Вот фиалка твоя», — мне сказали.
Я ей подал стихи — всё богатство они заключали,
Но — таков этот мир — я покинут был девой жестокой.

И опутало горе меня, и померкнул мой разум, —
Все богатства мои и сокровища сгинули разом,
И, отвергнутый раб, я безжалостно ею наказан;
Я в темнице глухой, где темней, чем в могиле глубокой.

Обезумев, воскликнул: «О, чем согрешил я — не знаю!»
Отравила она мое сердце тоскою без края,
Не жалея меня, и теперь я лишь смерть призываю, —
Умереть лучше мне, чем страдать так душой одинокой!

53

О струящийся в благоговенье
Ветерок, опускайся сюда,
Солнце вызови для услажденья,
Чтоб разрушить кров снега и льда,
Чтобы вызвало солнце растенья,
Словно мать, чтоб фиалка, горда,
Встала первой под солнечной сенью.

И любовь принесла упоенье
И веселье влюбленным тогда.

И потом, когда фиалки толпою
Выйдут, головы склонит их рать,
Солнце благодаря золотое,
Породившее их, словно мать,
Скажет каждая: «Вот я живою,
Долговечною стала опять,
Я окрепну от солнца и зноя,
Люди будут мой запах вдыхать
Для веселия, для ободренья,

И любовь принесет упоенье
И веселье влюбленным тогда».

Видишь, всюду идет ликованье;
Торжествуя, явилась весна.
И любовь прилетает за данью,
Ароматами озарена.

Александр Чавчавадзе

Преклоняясь, любое созданье
Власть ее принимает сполна.
Тут излечит былое страданье,
Тут изранит внезапно она.
Иль красавицу даст во владенье,

И любовь принесет упоенье
И веселье влюбленным тогда.

Воробьи расчирикались. Градом
Соловьиная песнь упадет.
Нет числа столкновеньям, засадам,
Бой, царапанье, быстрый полет.
Похититель стремится к наградам,
Поцелуям кто ведает счет?
Побежденный скрывается рядом,
Порицанье ему, не почет.
Нет в веселье отдохновенья,

И любовь принесет упоенье
И веселье влюбленным тогда.

Темным садом, чадрою одета,
Бродит дева, заботам чужда.
Сердце юноши страстью согрето,
К ней навстречу он вышел сюда.
Солнце стрелами яркого света
Ранит, облак уходит гряда.
Дева молвила слово привета.
Жаждем мы. Где от жажды вода?
Видишь — куполом ветви. Под тенью

Нам любовь принесет упоенье,
И веселье мы вкусим тогда.

54. ПАХАРЬ

Прощай, хорошая моя, добротная землица,
Тебя я не смогу пахать, — придется разлучиться.
Взгляни: мой старый конь лежит и вдаль глядит уныло,
Лежит, уставши плуг тащить, — подняться нету силы.
Бывало, ухом не ведет: шагая терпеливо,
Он чуть не за день обойдет свою родную ниву.
А ныне ни одной гряды не вспашет, ни единой.
Хоть десять палок обломай о старенькую спину.
Где та счастливая пора, когда он, выгнув шею,
Как в битву, рвался на поля, в работе хорошея?
Мой бедный друг, тебе теперь и тоненькой веревки
Не разорвать, как привяжу: не хватит сил, сноровки.
Бывало, я не разбирал: мягка ль земля, кремниста,
Что взгорье мне, что чернозем, что низкий лог росистый.
Придет охота, и тебя я тотчас запрягаю
И с громкой песней целину любую поднимаю.
Земля на свете не равна: тверда, суха бывает,
Бывает, глина или топь округу подмывает.
Не в этом дело: вспашешь всё — пускай мокра рубаха, —
Лишь был бы добрый конь-дружок да не плошал бы пахарь.
Бывало в терниях сплошных, в густом бурьяне поле,
А урожаю соберешь — так до другого вволю.
Подкралась старость и ко мне, глушит меня недугом,
Заросшей почвы не пробить мне больше верным плугом.
Когда земля не по душе — я сетую, робею,
А если ты, земля, добра, могу служить тебе я.
С травой, пожалуй, помирюсь, когда пробьется робко...
Увы, узка, узка теперь моя земная тропка.

Чего уж выбирать места, коль больше сил не стало
Не только сеять и пахать, а жить — душа устала.
Гляжу на пахарей-юнцов: точь-в-точь как я когда-то...
Поплачьте же над стариком, веселые внучата.
Луга, луга, густой травы немало вы растите,
Утешьте старого коня и травкой угостите!
Мы оба с ним, поотдохнув, пройдемся снова с плугом
И раны сердца исцелим, любуясь вешним лугом.

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ

Григол (Григорий) Дмитриевич Орбелиани родился в Тбилиси 2 (14) октября 1804 года в знатной княжеской семье. Мать поэта была внучкой царя Ираклия II. Отец его после присоединения Грузии к России был на военной службе, а затем заседателем в верховном суде края. Сестра поэта — Евфимия — мать Н. Бараташвили.

После окончания Тбилисского благородного училища и артиллерийской школы Г. Орбелиани стал офицером русской армии. Получив первое боевое крещение в 1822 году и участвуя впоследствии в русско-персидской и русско-турецкой войнах (1826—1829), он приобрел славу храброго офицера.

По распоряжению военных властей в 1831 году Г. Орбелиани направляется в Новгород, чтобы доставить в тамошний пехотный полк солдат, задержавшихся в кавказском корпусе. По пути в Новгород он посетил Москву и Петербург, Царское Село и Петергоф, описав подробно свои впечатления в путевом дневнике «Мое путешествие из Тбилиси до Петербурга», содержание которого ярко свидетельствует о прогрессивных настроениях и взглядах поэта. Осуждая деспотизм, он прославляет республиканский строй. Сообщая, например, о своем прибытии в Новгород, поэт записывает: «Мысли о Новгороде долго не давали мне спать. Моему воображению представились: их прежнее республиканское правление, богатство, торговля и бодрость его граждан, вечевой колокол, по зову которого собирался народ для решения трудных дел, распри Новгорода с московскими царями и далее покорение его царем Иваном Грозным. Пока Новгород был республикой, он расцветал торговлей, бодростью, богатством, был просвещеннее других частей России и уцелел даже от рабства татар; теперь же не видно и тени его прежнего могущества. Железная рука завладела им и уничтожила все его величие».

В связи с раскрытием заговора 1832 года Г. Орбелиани в марте 1833 года был арестован в Новгороде и препровожден в Тбилиси.

Его активное участие в заговоре следствием не было подтверждено. Г. Орбелиани был отнесен к седьмой категории обвиняемых, как и Александр Чавчавадзе, его не разжаловали, а направили на военную службу в Россию без права проживания в Грузии.

На протяжении нескольких лет поэт жил вдали от родины, на Балтийском побережье. Там были созданы некоторые из лучших его стихотворений. В последующие годы Г. Орбелиани был полностью прощен, принимал активное участие в военных действиях на Кавказе и в административном управлении Кавказским краем.

В 30—60-х годах Г. Орбелиани занимает ряд высоких административных и военных постов: в 1852 году он назначается главнокомандующим войсками и начальником гражданской части Прикаспийского края, в 1858 году переводится в Тбилиси и получает назначение на пост председателя совета главноначальствующего на Кавказе. Свою карьеру он завершил в качестве генерал-адъютанта, заместителя царского наместника на Кавказе и члена Государственного совета империи.

Последние годы своей жизни Г. Орбелиани провел в Грузии, в основном — в Тбилиси. Интерес к общественным делам, к литературе не остызал в нем и в старости. В 1881 году он был председателем комиссии по установлению окончательного текста поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», принимал активное участие в литературно-общественной полемике.

Скончался Г. Орбелиани 21 марта (2 апреля) 1883 года. Похоронен он в Тбилиси, в Кашветском храме. Над гробом поэта произнесли речи крупнейшие представители грузинской литературы — Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. И. Чавчавадзе охарактеризовал его как «властелина грузинского слова, поэта, отмеченного высоким талантом».

55

Желанна мне лишь только ты одна.
Одной тебе скажу я, умирая:
«Моя душа с тобой. Не надобно ей рая.
Пусть в локонах твоих найдет приют она!»

7 мая 1829
Тбилиси

56

В блаженный миг, когда, мое светило,
С улыбкою ты смотришь на меня,
Всё то, чем жизнь меня обременила,
У ног твоих позабываю я.
И не грущу о прошлом я нимало,
И сердце, вновь надеждою полно,
Так горько сожалеет, что оно
Свою судьбу когда-то проклинало.

7 мая 1829
Тбилиси

57. КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ЧА⟨ВЧАВА⟩ДЗЕ

Краса Цинандали!
Не зная печали,
Как горный источник, ты сердцем чиста!
Румяней рассвета
Улыбку привета
Твои нам волшебные дарят уста.

Дитя дорогое,
Будь счастлива вдвое,
Сплетай свои дни, как живые цветы,
Пока с небосклона
Горит благосклонно
Звезда твоей юности и красоты!

Покуда на розы
Не грянули грозы,
Пока не случился несчастий обвал
И ветер холодный
В душе беззаботной,
Оставив шипы, лепестков не сорвал!

22 июля 1829
Цинандали

58. АНТОНУ

Ты, юноша, беспечен был доселе,
Пирам веселым не было конца...
Молю тебя: цени свое веселье,
Гони унынье с юного лица.

Не заблуждайся: молодость мгновенна,
Ее уносит времени полет,
Пройдут года — наступит перемена,
А там, глядишь, и старость подойдет.

И в цвете розы есть непостоянство,
И так же сновидение летит,
Как исчезает юности убранство —
Улыбка уст и нежный жар ланит.

Блажен, кто в жизни всё свое дыханье
Умел отдать веселью и любви,
Кто не хотел ценить существованье,
Пока волненья не было в крови.

Отдай же сердце дружбе и любови,
Они для нас — неоценимый клад.
Печален ты? Не хмурь напрасно брови —
Любовь и дружба горе исцелят.

И я любим когда-то был судьбою...
Но, милый друг, ты помнишь ли тот миг,
Когда навек расстался я с тобою
И смерть души в самом себе постиг?

1829
Мухровани

59. ПЛАЧУЩЕЙ Н⟨ИН⟩Е

Если, друг мой, в час свиданья
Ты полна изнеможенья,
Если впрямь твои страданья
Не каприз воображенья, —
О, приди ко мне, светило,
Ляг на грудь мою, рыдая,
Чтоб душа моя изныла,
Скорбь твою перенимая.

Если ж, друг мой, эти слезы —
Только плод мечты чудесной,
Если жемчуг пал на розы,
Чтоб сиять росой небесной, —
О, продли мое блаженство,
Плачь еще! На целом свете
Нет такого совершенства,
Как живые слезы эти.

1829
Тбилиси

60. МУХАМБАЗИ

Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
Опьянен я твоей красотой!
Если выпью вина, мне изменит язык,
Посмеется судьба надо мной.
Он расскажет тебе, как я молча страдал
Бесконечное множество дней,
Он расскажет тебе о печали моей,
О любви безнадежной моей,
О великом и жалком несчастье моем,
Помутившем рассудок больной.
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
Опьянен я твоей красотой!

Если голос рассудка над сердцем моим
Потерял свою власть не вполне,
Даже эту почти безнадежную власть
Уничтожить ты хочешь во мне.
Ты ведь знаешь, как мало мне нужно, чтоб я
Обезумел, любовью объят, —
Только малую долю вниманья ко мне,
Лишь один твой приветливый взгляд.
Всё ты знаешь, но чашу, но чашу вина
Ты даешь мне, смеясь надо мной. . .
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
Опьянен я твоей красотой!

Ах, на гибель мою, на погибель мою
На своем ты стоишь, на своем!

Как безумец, я пью эту чашу мою:
Я не знаю, что будет потом.
Ты мне розу даешь — что мне роза твоя,
Если вижу я розу ланит?
О, склони ко мне чистую розу ланит,
Пусть я буду тобою убит.
Ах, зачем мне вино, если сердце полно
Лишь одною, одною тобой!
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
Опьянен я твоей красотой!

Если, полный любви, я гляжу на тебя, —
Вся кругом замолкает земля.
Расцветает на дивных ланитах твоих
Благовонный цветок миндаля.
О, позволь мне прижаться к его лепесткам, —
Изнемог я в напрасной борьбе,
Сам себя я на смертные муки предам,
Но откроюсь, откроюсь тебе.
Слушай, всё я скажу. Гаснет сердце мое,
Помутился мой разум больной...
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
Опьянен я твоей красотой!

1829
Тбилиси

61

О, как ты, мир, прекрасен и велик!
Ты род людской чаруешь неизменно,
Но человек живет лишь только миг,
И счастье наше — сколь оно мгновенно!

Оно мгновенно, как любви цветок:
Забудь о счастье, если он поблек!

3 июня 1830
Мухровани

62

Любовь моя, без помощи твоей
Мне не понять, что сделалось со мною, —
Зачем один в толпе чужих людей
Я пред тобой терзаюсь немотою?
Хочу сказать — слова нейдут на ум,
Хочу уйти — не в силах оторваться. . .
Не странно ли, что, бледен и угрюм,
Лишь вздохами могу я изъясняться?

О, сколько раз я сердцу говорил,
Что не найти ему дороги к раю!
Зачем же снова, бледен и уныл,
Я сам тебя, глупец, подстерегаю?
Зачем же, власть утратив над собой,
Не в силах больше сердце обуздать я,
Зачем, испепеленный красотой,
Я посылаю ей свои проклятья?

Рассудок прав: он мне твердит свое.
Но что мне голос трезвых размышлений,
Коль пред тобой всё существо мое
Бессильно упадает на колени;
Коль сердце, этот маленький сатрап,
Летит к тебе, всесильная царица,
И сам рассудок, как последний раб,
Вослед ему, безмолвствуя, стремится!

7 ноября 1830
Закатала

63

Когда толпою бабочек ночных
Поклонники влекутся за тобою,
Зачем ты хочешь каждого из них
Очаровать мгновенной красотою?
Зачем сквозь гул восторженных речей
Ты слушаешь нескромные признанья,
Зачем стыдливой прелестью очей
Немыслимые сеешь упованья?

Среди толпы холодной и чужой,
Стрелою черной ревности ужален,
Издалека слежу я за тобой —
И взор мой тих, и голос мой печален.
Ни словом, ни вниманием своим
Ты здесь меня, мой друг, не удостоишь,
Не скажешь мне, что я тобой любим,
Волненье чувств моих не успокоишь.

Не знаешь ты, как в пламени любви
Сгорает сердце, как душа живая
Ревниво ловит возгласы твои,
Под бременем тоски изнемогая.
Но я — я знаю, милая, тебя!
Я верю в час, назначенный судьбою.
Вот отчего, ревнуя и любя,
Я так любуюсь издали тобою...

9 декабря 1831
Пулково

64

Тебя любовь на свет произвела,
И, в чем она действительно повинна, —
Одной тебе все прелести дала,
И так сказала: «Будь прекрасна, Нина!»
И Купидон, сей маленький стрелок,
Принес стрелу, исполненную яда.
И ранен я, и я у милых ног,
И я в плену, и плен — моя отрада!

⟨1832⟩

65

И ты меня предал, мой разум,
И ты покоряешься той,
С которой окончились разом
И счастье мое и покой.
Чей образ, немой и прекрасный,
Смутил мои ранние сны,
Пред кем мои слезы напрасны,
Кому мои стоны смешны!

⟨1832⟩

66

Когда кистины, персы и османы,
Как звери лютые, терзают край родной,
Когда кровоточат бесчисленные раны,
Враждебной нанесенные рукой,
Когда молчит закон и справедливость дремлет,
Когда никто врагу не в силах дать отпор,
Когда народ зовет, когда никто не внемлет
Его отчаянью,— о, как я с давних пор
Всей силою души мечтаю о возмездье!
Какие замыслы таит мой скорбный ум!
С какою жаждою неутоленной мести
Брожу я по земле, печален и угрюм!

О, как душа моя тоскует по свободе!
Придет ли ночь или настанет день —
Мысль о моем истерзанном народе
Преследует меня, как горестная тень.
Сижу ли я в семье моей любимой,
Молюсь ли в храме, — всюду вслед за мной
Она как спутник следует незримый,
Чтоб возмутить душевный мой покой.
И тайный голос, сумрачный и страстный,
Не устает мое сознанье жечь:
«Пора, пора! Иди на бой опасный!
За родину свою вздыми кровавый меч!»

К чему скрывать: безвременной могилой
Свой смелый подвиг увенчает тот,

Кто в яростной борьбе померяется силой
С безжалостным врагом, терзающим народ.
Но, боже мой, хоть ты открой народу —
Кто до сих пор, когда, в какой стране
Без жертвы и без ран свою купил свободу
И от врагов своих избавился вполне?
И, если я в расцвете юной жизни
Теперь стою на грани бытия, —
Клянусь моей возлюбленной отчизне:
Такую смерть благословляю я!

⟨1832⟩

67—70. ЛЮБОВНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Что есть любовь? Высокое забвенье!
Кто, полюбив, не умолял творца,
Чтоб ни тоска души, ни сожаленье
Не омрачали милого лица?

2

Поверьте мне: кто недоступен страсти, —
Вся жизнь того — пустой, бесплодный сон
И ни блаженства, ни любви, ни счастья
В печальном мире не познает он.

3

Внемли, любовь, последнему стенанью:
Добыча исступленного огня,
Я вечно предан страстному желанью,
Я вечно пьян... не отрезвляй меня!

4

О, если б мне тебя услышать снова!
О, если б я тебя увидеть мог!
Блаженства не изведали такого
Ни царь земной, ни всемогущий бог!

⟨*1832*⟩

71. К ЯРАЛИ

Ярали, друг мой, когда ж мы с тобою
Сядем опять под чинарой густою,
Светлые чаши наполнив вином,
Старую песню затянем вдвоем:
Яри-арали!
Чтобы шашлык серебристый из лани
Снова вертелся, шипя на огне,
Чтобы дразнил он мое обонянье,
Ноздри опять щекотал бы он мне;
Чтоб кахетинского полную чашу
Подняли мы высоко над землей,
Чтобы украсили трапезу нашу
Рыба, и зелень, и сыр молодой;
Чтобы блестел,
Поднимаясь над нами,
Залитый светом родной небосвод;
Чтобы летел
Над горячими лбами
Сладостный ветер Коджорских высот,
Чтоб, не смыкая до вечера глаз,
Снова я слушал знакомый рассказ,
Как иверийцы с отвагою львиною
В годы старинные бились за нас.
Ты рассказал бы мне, Ярали мой,
Как, поднимаясь на зов боевой,
Дети картвелов, венчанные славою,
В битву кровавую шли чередой.

Горе врагу, если в чаще дремучей
Он не укрылся от сотен мечей, —
Яростный сокол, срываясь из тучи,
Молнией врежется в стан голубей!
О, как завиден мне жребий желанный
Тех, кто за родину пал бездыханный!
Где они — дни, когда сердце картвела
Жаркой любовью к отчизне кипело
И, провожая героев, страна
Радостно славила их имена?

Всё бы я слушал, как в старые праздники
По бесконечным дорогам ристалища
Вихрем летели отважные всадники,
Чтоб обогнать в состязанье товарища.[1]
Вросшие в седла, стройны словно тополи,
Все они знали искусство великое:
На два отряда рассыпавшись по полю,
Вот они мчатся, ликуя и гикая.
Конское ржанье,
Жужжание стрел,
Копий сверканье —
Желаний предел.
Мчатся стрелой —
С седел долой!
Время пришло —
Снова в седло!
Бьются копыта,
Звенят стремена,
Шашка над шапкою
Занесена!
Лук поднимая рукою уверенной,
Эти — стреляют в орла одинокого,
Эти, — прицелившись в кубок серебряный,
Сбить его с камня стремятся высокого.
И, наслаждаясь веселой забавою
В этот поистине радостный час,
Смотрит с улыбкой на них величавою
Тот, кто когда-то был счастьем для нас.[2]

---

[1] Там, где теперь Александровский сад для гуляния, находилась большая площадь для джирити, называвшаяся Кабахи.
[2] Царь Ираклий.

Славные годы, счастливые дни!
О, как давно миновали они.
Здесь, на далекой холодной чужбине,
Вижу я ныне могилы одни.
Стоит ли дальше бороться с судьбою?
Спи, азарпеша, под купами роз!
Вместо вина — только квас предо мною,
Вместо полдневного зноя — мороз.
Север холодный угрюм и тревожен,
Где он — небес ослепительный жар?
Ты — в Петербурге, я — в Новгород брошен,
Холод на улице, дома — угар.
Только припомню утехи былого —
Сердце заплачет, печали полно...
Так, вдалеке от родимого крова,
Ищет в слезах утешенья оно...

8 марта 1832
Новгород
Штаб наследника принца Прусского

72. ВЕСНА

Когда откроется весной
Душа для радости земной,
Для счастья и забав;
Когда над розою своей
Опять влюбленный соловей
Воспрянет, зарыдав, —
Уж не пойдем мы, милый друг,
Туда, где всё цветет вокруг,
Откуда шлет веселый луг
Благоуханье трав.

Пускай блаженствуют сердца
На лоне вешних дней —
Душе истерзанной певца
Не сладок соловей.
Увы, не для моих очей
Цветет волшебный луг,
Не для меня звенит ручей
И лес шумит вокруг!

К иным, нездешним берегам
Стремлюсь я, наг и сир,
Когда лишь бурям и громам
Смятенный внемлет мир.
О, как я жду, когда с высот
На мой последний путь
Смертельный пламень упадет
И поразит мне грудь!

Когда за дверью гробовой,
Свой подвиг заверша,
Сойдет в приют последний свой
Печальная душа;
Когда за дверью гробовой,
Согбенная от мук,
Она обнимется с тобой,
Мой незабвенный друг!

О, как тебя я не сберег?
Глаза твои закрыв,
Не понимаю, видит бог,
Как я остался жив;
Не понимаю, видит бог,
Как я безумье превозмог,
Как я живым остаться мог,
Себя переломив?

И я возненавидел свет,
Где людям счастья нет,
Где всё цветет — и всё умрет,
Увянет в цвете лет.
И равнодушно я молчу,
Когда цветет весна,
И горевать не захочу,
Когда уйдет она.

28 марта 1832

73. ПРОЩАНИЕ

На лепестках едва открытой розы
Роса небес сверкает и горит.
Не так ли, друг мой, медленные слезы
С твоих печальных катятся ланит?
Мой милый друг, в минуту расставанья,
О, как ты мне безмерно дорога!
И как умерю я твои страданья,
Как осушу печали жемчуга?

Я слез не лью, и страшной немотою
Опять окован бедный мой язык.
Пустым словам, затверженным толпою,
Моей любви вверять я не привык.
Ведь только призрак чувства многословен,
Язык любви не есть язык глупца,
И не найдется в нем таких диковин,
Чтоб всю любовь исчерпать до конца.

Вот почему так страшно сердце гложет
Пылание бестрепетных страстей:
Оно наружу вырваться не может,
Но тело прожигает до костей.
Лишь слабый сердцем любит по-иному,
Его любовь — упавший с гор поток.
Упавший с гор поток подобен грому,
Но средь долин он мал и неглубок.

Такое сердце стоном и разлукой
Свою любовь развеет без труда
И, не знакомо с длительною мукой,
Вернется к жизни, легкой, как всегда.

Но есть сердца, подобные граниту,
И, если чувство врезалось в гранит,
Не властно время дать его в обиду,
Как и скалу оно не раздробит.
Пока восходит солнце над землею,
Пока луна не остановит бег,
Пока живу я жизнию живою, —
Мой милый друг, я твой, я твой навек!

15 июля 1832
Петербург

74

Кто жемчуг добывал, не погружаясь в море?
Кто вздохом погашал пылание страстей?
Ты захотел любви? Бросайся в волны горя —
Узнаешь, какова цена любви твоей!

7 августа 1832
Петербург

75. ЭПИТАФИЯ МИРЗАДЖАНА

Ты счастья захотел? Оно недолговечно.
Люби и пей, как я, чтоб затопить беспечно
Любовью и вином печали бытия;
Чтоб пред лицом судьбы, как некогда и я,
Блаженствовать и петь, не поддаваясь страхам...
Хоть целый мир познай, — как я, ты станешь прахом!

2 октября 1832
Петербург

76

Быстрей, чем ласточки полет,
Твой взор скользит по небосклону;
Твой улыбающийся рот
Подобен нежному бутону;
Вино и снег твоих ланит
Хранит благоуханный локон;
Твой стан о счастье говорит,
Как кипарис у милых окон.
И я, увидев милый лик,
То слезы горькие глотаю,
То, как безумец, через миг
Опять блаженство постигаю.

18 октября 1832
Петербург

77

Дни прошлого, я вспоминаю вас,
Но нет душе моей успокоенья!
И еле-еле различает глаз
Звезду судьбы — мерцающий алмаз,
Окутанный туманом сновиденья.
Блаженства миг пропал, как смутный сон.
Зачем же сердце мне смущает он?

1832

78. НОЧЬ

Луна, пособница влюбленных,
Сияла в небе, как кристалл;
Витая в листьях благовонных,
Крылами ветер помавал.
Укрытый сумраком растенья,
Рыдал над розой соловей.
Какое сладкое томленье
Он пробуждал в душе моей!

Раскрыв листы, меня манила
Деревьев сладостная мгла.
В сиянье бледного светила
Моя душа изнемогла.
О, как медлительно струился
Неторопливый ход минут,
Когда к тебе мой взор стремился,
Когда к тебе я рвался тут!

Но чу! Трава прошелестела,
Мгновенный свет прорезал тьму.
Зачем душа моя запела
И сердце сжалось почему?
Услышав розы трепетанье,
Душа узнала — это ты,
И я ловил твои лобзанья,
Едва признав твои черты!

Григол Орбелиани

И две души в тот миг чудесный
Единой сделались душой
И охватил восторг небесный
Меня незримою волной.
Слились сердца, закрылись очи,
Замолкли разум и язык,
И под покровом темной ночи
Мы обо всем забыли вмиг.

О, где тогда с тобой мы были,
В какой волшебной стороне?
Пусть обо всем мы позабыли,
Но рай познали мы вполне.
Летело время час за часом,
Уж срок свиданья истекал,
Но, покорен любовью, разум
Часов любви не наблюдал.

И понял я — на этом свете
Есть исцеление от мук.
Но почему мгновенья эти
Столь мимолетны, милый друг?
Зачем короткий миг блаженства
Не утолил нас до конца?
Зачем, вкусив от совершенства,
Всё так же горестны сердца?

Заря вставала над землею,
Виденья сна летели прочь. . .
Лишь тут познали мы с тобою,
Как коротка бывает ночь.
И проклял я рассвет печальный —
Блаженства горестный предел,
И поцелуй любви прощальный
Союз сердец запечатлел.

1832
Новгород

79. РУСТАВЕЛИ

(Фрагмент)

Его творенья время пощадило,
И так была их сила велика,
Что, загоревшись в небе, как светило,
Они прошли, блистая, сквозь века.
Блажен певец, чей труд потомству нужен,
Чьи песни озаряют наши дни!
Открой тетрадь. Перед тобой они —
Как тысячи сверкающих жемчужин!

1832

80. ПИР

(Подражание Пушкину)

Люблю я пир, где царствует свобода,
Где слово «пей!» с заката до восхода
Над беззаботной слышится толпой,
Где, веселясь за чашей круговой,
Мы пьяный рог сменяем азарпешей,
Где на исходе ночи догоревшей,
Когда заря над городом встает,
Ко мне моя красавица идет,
Свой легкий стан в объятия склоняет
И за разгул веселый упрекает!

1832
Петербург

81—84. МЕЛКИЕ СТИХИ

1

Пусть вянет роза молодая,
Пусть облетает каждый куст,
Лишь только б, жемчугом сверкая,
Цвела улыбка милых уст.

1827

2

Пока желанье не угасло,
Любовь волнует нашу кровь,
Но догорело в лампе масло —
Погас огонь, прошла любовь.

1832

3

Когда в руках у Нины розы,
Едва ли кто откроет нам:
Вдыхает Нина запах розы
Иль роза — Нины фимиам?

3 февраля 1833

4

Когда, блаженствуя, над розой
Поет влюбленный соловей, —
Зачем вороне остроносой
Сидеть меж ними средь ветвей?

3 марта 1832

85. МУХАМБАЗИ

Мне сегодня охоты до шалостей нет:
К Саломэ я сегодня иду на обед!
Я — портняжка Бежан, я — для женщин букет,
Я — утеха для них, это знает весь свет!
Хоть и много красоток блистает красой,
Хоть не в силах они устоять предо мной,
Но для них у меня нынче времени нет:
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Ведь лицо Саломэ — как ночная луна,
Белоснежная грудь ее неги полна.
Как, бывало, услышу: «Бежанчик ты мой!» —
Вся земля из-под ног поплывет подо мной.
Потому-то сегодня и времени нет:
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Постоянно у женщин не дело торчать:
На любовь перестанет душа отвечать.
Хоть и ждали подружки Бежана вчера,
Хоть в слезах утопали они до утра —
К ним я в гости сегодня, увы, не пойду,
Даже если за это притянут к суду:
Мне сегодня охоты до шалостей нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Я, портняжка Бежан, — как лесной мотылек,
Я порхаю, играя, с цветка на цветок.

Та — зовет на обед, эта — ужинать ждет,
Эта — вместе со мною всю ночь напролет...
Да, веселья такого не видывал свет!
Но сегодня для шалостей времени нет.

Целый день я, красотки, мечтаю о вас,
Из-за вас у меня недошитый заказ:
Всё мерещится мне белоснежная грудь,
И объятья, и ласки такие, что жуть!
Но сегодня для этого времени нет:
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Пусть мятежная знать нарвалась на капкан —
Не беда! Я всё тот же портняжка Бежан!
В чем же дело, Бежан? Веселись и пляши,
Нынче время твое и твои кутежи!
Но сегодня для шалостей времени нет:
К Саломэ я сегодня иду на обед!

1833
Авлабарские казармы

86. ПОДРАЖАНИЕ САЯТ-НОВА

Я — Арутин, певец Саят-Нова,
Я знаю азбуку, и песнь моя нова.

Саят-Нова

Пой, звени, чианури, волшебной струной,
Будь приветлива с тем, кто доволен тобой,
Чтобы скрипнул зубами твой недруг от злобы немой!
Хинико, хинкико!

Чтоб раздулась от гнева его борода,
Чтобы чашу вина принесли мне сюда,
Чтобы сердце мое веселилось и пело всегда:
Хинико, хинкико!

Я в руках моих розы веселия нес,
Но завистливый рок не простил моих роз,
И попал я, изгнанник, в обитель печали и слёз.
Хинико, хинкико!

Весела моя песня когда-то была,
Но пронзила мне бедное сердце стрела,
Только небо одно защитит человека от зла!
Хинико, хинкико!

Пой, звени, чианури, о милой моей,
Чье кристальное сердце лазури светлей!
Под знакомым окном никогда не увижусь я с ней!
Хинико, хинкико!

Только вспомню я родинку нежных ланит —
Как в огне мое сердце опять закипит...
Ах, немало я вынес на свете тяжелых обид!
Хинико, хинкико!

Нас спасает любовь от житейских сует,
Я же брошен в пучину печалей и бед!
Только разум один за любовью стремится вослед!
Хинико, хинкико!

Я из чаши страдания рано испил,
Пораженный стрелою, я падал без сил,
Но не сжалился рок и с любимой меня разлучил.
Хинико, хинкико!

Он порвал, разорвал нить любви молодой,
Соскочила струна с чианури долой...
Замолчи, моя песня! Пропали мы вместе с тобой!
Хинико, хинкико!

Ты возьми, Соловей, чианури мою,
Схорони чианури в родимом краю!
Я, несчастный Григол, эту песнь, умирая, пою.
Хинико, хинкико!

1833
Авлабарские казармы

87. К САЛОМЭ [1]

(ОТ БЕЖАНА-ПОРТНОГО)

Нет конца утехам и веселью
Над твоею новой колыбелью.
    Возвращайся, солнышко, домой!
Пусть они баюкают малютку,
Не смыкая глаз ни на минутку,
    Возвращайся, солнышко, домой!
А Венере, матушке дитяти,
Я спою сегодня на закате:
    Возвращайся, солнышко, домой!
Счастье ножниц, если ты здорова,
Не забудь влюбленного портного, —
    Возвращайся, солнышко, домой!
Кто папаша — разве я скрываю?
Свой покрой я издали узнаю.
    Возвращайся, солнышко, домой!
Пусть царице роз не будет жалко,
Что порой чарует нас фиалка.
    Возвращайся, солнышко, домой!
Что мне делать? С сердцем сладу нету —
Я люблю и ту, люблю и эту.
    Возвращайся, солнышко, домой!
Но когда другой с тобою дружит,
Он меня как по сердцу утюжит.
    Возвращайся, солнышко, домой!

---

[1] На рождение Софьи (впоследствии баронессы Николаи).

Ты — свеча, я — бабочка ночная!
Горе мне! Я плачу, умирая:
    Возвращайся, солнышко, домой!
Ах, любовь заставит быть поэтом,
Но легко ль портняжкой быть при этом?
    Возвращайся, солнышко, домой!

1834
Вильно

88. К С⟨ОФЬ⟩Е

Ты роза? Нет!
Лилея? Нет!
Но в сладостном блеске волшебных ланит
Их образ незримый таинственно слит.

Блажен соловей, что во мраке аллей
Поет сладострастие роз и лилей!

Блажен, кто тобою
Живет неустанно,
Кто локонов негу вдохнет,
Кто смелой рукою
Касается стана,
Кто пояс любви разомкнет!
Блажен, чья душа,
Любовью дыша,
Умчится навстречу цветам, —
Волшебные сны
Дыханьем весны
Ее убаюкают там!
О, нежные очи,
В сиянии ночи
Вы — ясные звезды, вы страсти приют!
Зачем вы горите,
Кому вы сулите
Блаженство и негу счастливых минут?
Когда окружают
Тебя кавалеры

Блестящей толпою ночных мотыльков,
Когда увлекают
Твой разум химеры
И сердце открыто на пламенный зов, —
Я не грущу,
Я всё прощу,
И буду я счастлив вполне,
Коль в сумраке дня
Ты вспомнишь меня —
По-прежнему верная мне!

24 ноября 1835
Рига

89. МОЕЙ СЕСТРЕ ЕВФИМИИ

Утешенье мое, упованье мое и отрада,
Утоление сердца во мраке томительных лет,
О сестра дорогая, одна ты мне в жизни награда,
Только ты охраняешь меня от печалей и бед.
Только ты, как звезда, над пустынной сияешь тропою,
Чтобы грозные тучи улыбкой своей разогнать,
И, согретое лаской, беседует сердце с тобою,
И смеется, и плачет, и тянется к жизни опять.

На заре моих дней, у истока живых впечатлений,
Открывая глаза, озаренные блеском светил,
В этом мире я видел лишь яркую пышность растений
И сиянье любви в неиспорченном сердце носил.
Терн казался мне розой. Любовь ликовала и пела
В переполненном сердце. Не ведая слез и забот,
Окруженный друзьями, смотрел я в грядущее смело,
Веселился и пел беззаботно, как птица поет.

Но пора миновала, и где оно — счастье былое?
Даже тени его не осталось от прожитых дней.
Одинокое сердце, навеки забыв о покое,
Как бессильная жертва в когтях у судьбины своей.
Вихрь превратной судьбы налетел на меня издалека,
Груды туч грозовых заслонили сияние дня,
Чашу, полную радости, крылья железного рока
Унесли, увлекли и низвергнули в бездну меня.

И низвергнули в бездну, откуда ни слез, ни рыданья
Не услышит прохожий, где в мертвых глубинах земли

Опалили меня безутешные слезы страданья,
Где друзья и родные утешить меня не могли.
О, как медленно шло в заточении быстрое время!
Отпечаток его на лицо мое скорбное лег.
Не воскреснет душа, чтобы сбросить печальное бремя,
Чтобы вырвать из сердца облитый слезами клинок!

Шли своим чередом бесконечные дни и недели,
Я считать перестал их, я стал равнодушен к судьбе,
Разум мой притупился, желанья мои охладели,
Я забыл о слезах, перестал горевать о себе.
Я забыл о слезах. Даже этой последней отрады
Я лишился, несчастный; объятый бессмысленным сном,
Я припомнить не мог, кем я был в этом мире когда-то
И во что превратился в печальном безумье своем.

Лишь однажды — я помню — мне ласточка в небе
пропела.
Я услышал ее. Мне почудился голос родной,
Словно чья-то душа мне послать утешенье хотела...
Я запел ей в ответ. Ах, не песня, но жалобный вой
Прокатился по сводам, и своды его повторили.
Пораженный, я смолк, не узнав своей песни. С тех пор,
Испугавшись себя, замолчал я в холодной могиле,
И молчал я, покуда на двери не дрогнул затвор.

Миг блаженный настал, и она отворилась, темница.
Я шагнул за порог. Я от света едва не ослеп.
Боже мой! Те же горы и та же прохлада струится!
Так же солнце блестит, так же зреет за городом хлеб!
Я помчался на родину. Я умирал от волненья.
Я стремился домой. Я надеялся счастье вернуть.
Но да будет он проклят — бессмысленный день
возвращенья!
Если б только я знал, чем окончится горестный путь!

Как я выжил тогда? Почему меня скорбь не убила?
Тот, к кому я стремился, тоскуя о ком, изнемог,
Уж не встретил меня... Предо мною зияла могила.
Я смотрел на могилу. И слез я исторгнуть не мог.
И состарилось сердце. И в горе своем одиноком
Я познал, сколь обманчива счастья неверная тень.

И смотрю я на жизнь недоверчивым опытным оком,
И крещусь я впотьмах, провожая безрадостный день.

Утешенье мое, упованье мое и отрада,
Утоление сердца во мраке томительных лет,
О сестра дорогая, одна ты мне в жизни награда,
Ты одна охраняешь меня от печалей и бед.
Только ты мое сердце своей согреваешь любовью,
О свиданье с тобой день и ночь небеса я молю,
Чтобы в час моей смерти, склонясь к моему изголовью,
Горсть родимой земли ты на грудь уронила мою.

1835
Рига

90. МУХАМБАЗИ

Азарпеши и чаши, рога и ковши
Поднимайте, друзья, веселясь от души!
Пусть цветами украшена будет еда,
Пусть на тари сыграет нам Алаверда, [1]
Пусть поет соловей нам во мраке ночном,
Ди́мплипи́то пусть гремит за столом!

Предводитель у нас с виду сущий араб, [2]
Он родился на свет для пирушек и баб.
Пусть он шапку заломит, воссев тамадой,
Ведь недаром прошел его школу любой!
В сорок лет полетит он от нас кувырком!
Димплипито пусть гремит за столом!

Ах, недолги, друзья, нашей юности дни —
Расцветут, отцветут и исчезнут они.
Горе тем, кто о счастье своем позабыл,
Кто с рожденья утратил божественный пыл.
Чтобы юность гуляла и пела кругом,
Димплипито пусть гремит за столом!

Словно сад без цветов, словно дом без гостей,
Не люблю я пиров без любви и страстей!
Так налей же мне кубок, светило мое!

---

[1] Алаверда был знаменитым певцом во времена царей.
[2] Мирзаджан Мадатов.

Дай коснуться мне губок, блаженство мое!
Мы из этого кубка бессмертие пьем!
    Димплипито пусть гремит за столом!

Если родинка милой — любови престол,
За здоровие родинки выпьет весь стол!
Кто не хочет любить, что он ищет, чудак?
Веселитесь, друзья, — и рассеется мрак!
Опрокиньте веселые чаши вверх дном!
    Димплипито пусть гремит за столом!

Ах, кому в этой жизни бывало светло?
Чье светило за тучи навек не ушло?
Чья судьба благосклонна к любимцу вовек?
Верить в завтрашний день не стремись, человек!
Не заботься о нем! Не грусти о былом!
    Димплипито пусть гремит за столом!

Оглянитесь вокруг — много ль, юноши, нас?
Где же те, что навеки сокрылись из глаз?
Эти — бродят далече, те — спят под землей...
Что ж вы брызнули, слезы, горячей струей,
Что ж вы горечь разлуки смешали с вином?..
    Димплипито пусть гремит за столом!

1835
Рига

91. Н⟨ИН⟩Е

Мой милый друг, под бременем невзгод
Влачил я дни печально и уныло,
Но ты мне улыбнулася, и вот —
Всю жизнь мою улыбкой озарила.

Возможно ль после этого терпеть
Мученья преждевременной разлуки,
На милый край лишь издали глядеть
И звать тебя, в слезах ломая руки?

Когда ж наступит долгожданный миг,
Блаженный миг волшебного свиданья?
Когда ж небес преображенный лик
Откроется, исполненный сиянья?

Окаменев в далекой стороне,
Где жизнь была столь тягостна вначале,
Опять сегодня мечется во мне
Живое сердце, полное печали.

И странно мне, что здесь, в краю чужом,
Где всё так мрачно, пусто и уныло,
Живое сердце — этот малый ком —
Столь дивную любовь в себя вместило!

Мой милый друг, страданье — высший долг,
Любовь не утомляется страданьем.
Не будь его — давно бы я умолк,
Приверженный к иным очарованьям.

Страдание — кормилица любви,
Оно вздувает светлый жар приязни,
Его, как жертву, ты благослови
И вверь ему свой жребий без боязни.

13 декабря 1835

92. В АЛЬБОМ ГРАФИНИ ОП⟨ПЕРМАН⟩

Когда вокруг — покой и тишина
И свет звезды прозрачнее алмаза,
Когда ты вновь стоишь, поражена
Величественным зрелищем Кавказа;

Когда луна медлительно плывет
И лунный луч скользит над головою, —
Вся эта ночь, весь этот мир красот
Вдвойне, вдвойне украшены тобою!

Ведь ты сама — как дивная звезда,
Упавшая с ночного небосклона.
О, счастлив тот, на ком ты иногда
Свой взор приостановишь благосклонно!

О, змеи кос над розами ланит,
О, стражи роз, сомкнутые рядами!
Вот перед вами снова я, убит,
Испепелен и уничтожен вами!

Покорствуя невиданной судьбе,
О, кто распустит сей клубок змеиный?
Кто тот счастливец, что придет к тебе
И склонится над шеей лебединой?

Кому молниевидные глаза
Вдруг улыбнутся нежно и туманно?
О, чья рука, как дивная гроза,
Коснется кипарисового стана?

В тот миг, когда, исполненный чудес,
Твой взор меня улыбкою встречает,
Когда короной бледною венчает
Твою главу сияние небес;

Когда я слышу нежный голос твой,
Томительно-певучий и прекрасный, —
В каком восторге, с мукою напрасной
Я замираю вдруг перед тобой!

Не испытав восторгов и страстей,
Кто выполнит небес предначертанья?
К чему оно — томленье праздных дней,
Покуда в сердце нет очарованья?

И где мне утешения искать,
Пока я сон сердечный не нарушу,
Пока любовь не озарит мне душу,
Как горний свет, как божья благодать?

Поймешь ли ты, мой незабвенный друг,
Напев любви, медлительный и грустный?
Бессилен был язык мой неискусный
Изобразить всю горечь этих мук!

Но если вспомнишь дальний ты Кавказ,
Не поминай с холодною душою
Того, кто, очарованный тобою,
Любил тебя и слезы лил не раз!

5 мая 1840
Гори

93

Всякий, кто увидит, — заглядится,
Отойдет — и снова возвратится,
Потеряв — забудет о покое,
Отыскав — счастливым будет вдвое.

Для кого мечты его и речи,
Если ты, любимая, далече?
Ты войдешь — и день его блистает,
Отойдешь — и солнце угасает!

1840
Рига

94. ВЕЧЕР РАЗЛУКИ

Заря небес вечерним багрецом
Вершины гор Кавказских озарила.
Так девушка прощается с отцом,
Лобзая старца нежно и уныло.
Но молчалив гигантский тот собор.
Передо мной от края и до края
В короне льдов стоят вершины гор,
Плечами дэвов небо подпирая.
И, прижимаясь к кручам, облака
Грозят потопом, и с горы отвесной,
Блистая, низвергается река,
Стремительно висящая над бездной,
И воет Терек, надрывая грудь,
И скалы вторят Тереку в тревоге...
Печально я гляжу на этот путь,
На тень судьбы, скользящей по дороге...
Всё лучшее, что было мне дано,
Всё светлое, что управляло мною,
Чем было сердце бедное полно, —
Опять, опять похищено судьбою!
Прощай, мой друг! Прощай на много дней!
До моего последнего мгновенья
Всегда с тобой печаль души моей,
Моя любовь, мое благословенье!
Стучат колеса. Милой больше нет.
На повороте пыль еще клубится.
И, обезумев, ей летит вослед
Душа моя, как раненая птица.

Прощай, мой друг! Унынием объят,
Смотрю я вдаль с невыразимой мукой.
Твоих очей уж мой не встретит взгляд,
Навеки затуманенный разлукой.
Не утолит печаль моей души
Твоя любовь, и только скорбь немая
Источит сердце бедное в глуши,
Последние надежды отнимая.
И как, безумец, я поверить мог,
Что счастье наше будет беспредельно?
Прощай, мой друг! О, как я одинок!
И скорбь моя — о, сколь она бесцельна!

И вот уж ночь. Сижу, объят тоской.
О, кто теперь мои услышит пени?
Недвижен воздух. Только часовой,
Перекликаясь, ходит в отдаленье.
И, подперев вершиною зенит,
Молчит гора, увенчанная снегом,
И о прошедшем счастье говорит
Звезда небес, сияя над Казбеком.
Потоки гор, свершив свой краткий путь,
Алмазной грудой бьют через пороги,
И воет Терек, надрывая грудь,
И скалы вторят Тереку в тревоге.

1 мая 1841
Владикавказ

95. О РАЗУМ МОЙ!

О разум мой, не надо вспоминать!
Минувшему прилично лишь забвенье.
Что толку умножать сердечное волненье
И жизнь бесплодную напрасно проклинать!

1843
Тбилиси

96. ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

Дар напрасный, дар случайный

О жизнь моя,
Бесплодный дар пустой,
Зачем, зачем дана ты мне судьбою?
Из тьмы небытия
Исторгнутый тобой,
Зачем я свыкся с мукою земною?

Зачем мой ум
Сомненьем возмущен,
Зачем душа мятется сиротливо,
Зачем мой день угрюм,
Прошедшее — как сон,
Грядущее — обманчиво и лживо?

И цель свою
Не в силах я найти,
И тщетно я о помощи взываю,
И, как слепец, стою
На жизненном пути,
И самого себя не понимаю.

И плачу я,
Когда передо мной
Влекутся дни унылой чередою.
О жизнь моя,
Бесплодный дар пустой,
Зачем, зачем дана ты мне судьбою?

1847
Темирханшура

97. ВОСПОМИНАНИЕ

Вот уголок, где ты в былые годы
Сияла безмятежной красотой.
Опять весна, опять лепечут воды,
Опять цветы пестреют предо мной.

Но разве так они благоухали,
Когда ложились под ноги твои?
Но разве так, исполнены печали,
Тебе в кустах рыдали соловьи?

Но разве так веселый ветер мая
Тебе навстречу крылья раскрывал?
Но разве так он, локоном играя,
Твою фату на миг приподнимал?

Нет, мир тогда был чище и свободней,
Где ты была — там всё цвело вокруг,
И я тогда, как милости господней,
Твоей улыбки ждал, мой милый друг.

Завороженный ангельским виденьем,
Я на тебя смотрел едва дыша,
Мне голос твой казался дивным пеньем,
И вся в слезах была моя душа.

И всё ушло... В тоске воспоминанья
Сижу один, угрюмый и больной,
И молодой любви очарованья,
Как смутный сон, проходят предо мной.

Года идут, и чередой незримой
Уходят вдаль утехи бытия,
Но жар любви, но образ твой любимый,
Мой милый друг, ужель забуду я?

И коль тебя переменили годы,
О, не кляни меня за этот стон!
Ищи в забвенье счастья и свободы,
Ведь старый друг — почти в могиле он!

1851
Цинандали

98. ЖАЛОБЫ ДИМИТРИЯ ОН(ИКАШВИЛ)И

Как придешь ко мне, госпожа моя,
Я в ногах твоих расстелюсь ковром.

Саят-Нова

Ах, в какое же я пекло попался!
Сам не знаю, как живым я остался!
Словно пес, я на улице валяюсь,
Как собака, у двери караулю,
Стерегу я балкон и два оконца:
Не покажется ли в них мое солнце?

Ах, от страсти я разума лишился,
Как слепой, я гляжу, не понимаю:
То ли солнце восходит над землею,
То ли снег повалил над головою!
Ах, неужто на свете есть счастливцы,
Что храпят по ночам на кровати,
Что пируют в бане до рассвета?

Завернувшись в бурку овечью,
Я валяюсь и громко причитаю,
Но никто моих жалоб не слышит,
Но никто моих слез не замечает.
А случится на улице прохожий,
Спросит: «Что ты развалился, несчастный?»
Закричу я: «Тебе какое дело?
Неужели в голове нет смекалки?

Свет очей моих, владычица сердца
В этом доме, как солнце, сияет.
Так куда же мне отсюда податься?
Уж пора бы самому догадаться!»

Свет очей моих, сжалься надо мною,
Исцели мое бедное сердце,
Заблистай, словно солнце, на балконе, —
Я от радости землю поцелую!
Ах, скажи мне сердечное слово,
Удостой меня единого взгляда!
Как посмотришь — стану я вельможей,
Не вельможей — государем я стану,
Задеру я голову до неба,
Целый свет я вызову на битву!

Ворот настежь, шапка на макушке,
Побегу я на Куру в Ортачалы, —
В Ортачалах приятели пируют,
Там веселье кипит до рассвета.
Пусть они, мои молодцы, посмотрят,
Что за счастье себе отыскал я,
Как налью себе я полную чашу,
Как я выпью за твое здоровье!

1860
Коджори

99. МУХАМБАЗИ

О, сладкий голос мухамбази!

Чамчи-Мелко

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

О царица, до могилы я — невольник бедный твой,
Хоть убей меня, светило, я — невольник бедный твой.
Ты идешь — я за тобою: я — невольник бедный твой,
Ты глядишь — я за спиною: я — невольник бедный твой!
Что смеяться надо мною? Я — невольник бедный твой,
И шепчу я сам с собою: «Чем тебе я нехорош?»

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

Словно тополь шелестящий стан твой нежный для меня,
Светит радугой блестящей стан твой нежный для меня,
Блещут молнией небесной эти очи для меня,
Дышат розою прелестной эти губы для меня.
Если б мог тебя спросить я: «Ты когда ко мне придешь?»

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

Семь дорог на нашем поле — все они к тебе бегут!
Смутны думы поневоле — все они к тебе бегут!
Растерял свои слова я — все они к тебе бегут!

Позабыл свои дела я — все они к тебе бегут!
Хоть бы раз меня спросила: «Что с тобою? Как живешь?»

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

Хоть и плачу неустанно, ведь не спросят: «Кто такой?»
Ах, беда нам, Лопиана, ведь не спросят: «Кто такой?»
Может, еле уж дышу я, — ведь не спросят: «Кто такой?»
Может, еле уж брожу я, — ведь не спросят: «Кто такой?»
Только ты, моя царица, боль души моей поймешь!

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

Поезжай-ка в Ортачалы, посмотри, каков я есть!
Как ударим мы в цимбалы, посмотри, каков я есть!
Тамада в дыму табачном, посмотри, каков я есть!
Молодец в бою кулачном, посмотри, каков я есть!
Как посмотришь — так полюбишь, как полюбишь —
подойдешь.

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!

1861
Коджори

100. ПЕСНЯ КИНТО

Что я тебе? К кому ты привязалась?
Из-за тебя я весь огнем пылаю!
Проклясть хочу — проклясть язык не хочет,
Бранить хочу — бранить душа не хочет,
Бежать хочу — бежать нога не хочет.
Вай, горе мне, попал я, бедный, в пекло!
Что я тебе? К кому ты привязалась?

1861(?)

101. НАДПИСЬ НА АЗАРПЕШЕ

Зачем клянешь судьбу безрадостную нашу,
О чем печалишься, несчастный нелюдим?
    Испей одну лишь эту чашу —
    И станет мир твоим!

1861(?)

102. ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ В БЕТАНИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Твой светлый лик
Исполнен красоты,
Твой взор небесный светит, как денница.
Склонясь у ног твоих,
Ловлю твои черты
С благоговейным трепетом, царица!

Какой восторг
Стесняет сердце мне,
Как сотрясают грудь мою рыданья!
О, если бы я мог
С тобой наедине
Не вспоминать народные страданья!

Но всё темней
На сердце у меня:
Куда ни глянь — везде одни руины...
О славе прошлых дней
Иверия твоя
Забыла в эти черные године.[1]

Как смутный сон,
Как невозвратный сон,
Исчез в веках расцвет твоей державы.

---

[1] Нашествия Ленг-Тимура и шаха Аббаса, страшно разоривших нашу страну. Годы их нашествий грузины называют черными годами.

Из тьмы седых времен
Лишь мне сияет он,
Чтоб не погиб я без любви и славы.

На склоне лет
В годину тяжких бед
Пришел к тебе я бедным и скорбящим.
Склонись на голос мой,
Взгляни на край родной,
Благослови крестом животворящим! [1]

Чтоб расцвела
Иверия опять
Среди народов, как в былые годы,
Чтоб церковь обрела
Господню благодать
И просвещенье снизошло в народы!

Чтобы воскрес
Могучий наш язык,
Сердца любовью к Родине горели,
Чтоб до глубин небес,
Торжественно велик,
Вознесся стих бессмертный Руставели!

Чтоб, закален
В страданьях и борьбе,
Опять воспрянул гений иверийца!
Но что тебе мой стон?
Не внемлешь ты мольбе,
И только в небо смотришь ты, царица!

О мать моя,
Иверия моя!
Откуда ждать на слезы мне ответа?
Униженный, больной,
Я — сын печальный твой,
И в сердце — ни надежды ни привета!

---

[1] Когда грузинские воины собирались в поход, царица Тамара сама благословляла их крестом.

Пройдут года. . .
Ужели в свой черед
Не расцветет земля моя родная?
Ужели никогда
Добычи не вернет
Проклятый ворон, в поле улетая?

О грозный мир!
В тебе пощады нет.
Как беззащитны мы перед судьбою!
Где слава — наш кумир,
Наш неизбывный свет?
Ужель ее мы видим пред собою

Среди лесов,
В глухом монастыре,
Где вековые свесились чинары,
Где смотрит в глубь веков
Сияющий горе
Небесный лик божественной Тамары?

1877

103. МУША БОКУЛАДЗЕ

Что на меня так долго ты глядишь?
Чему ты удивляешься? Ужели
Рабочего ты видишь в первый раз,
Счастливец праздный? Грудь моя раскрыта,
Я весь пропитан потом, весь в пыли,
Вся кожа загрубела, как железо,
И ржавчиной на шею лег загар...
Я сердцем человек, но я гоним судьбою,
Я нищетою с детства угнетен.
Вся жизнь моя — одна сплошная мука,
Одна забота о насущном хлебе.
Чему дивишься ты? Морщины на лице
И преждевременные в бороде седины —
Всё это след глубокой боли сердца,
Тяжелого труда, мучительных забот!
А ты не знал, что есть и бедняки
На этом свете, и нужда, и горе?
Не удивляйся, посмотри сюда,
Взгляни в мое истерзанное сердце,
Там всё записано, что видел в жизни я!
Измена брата, ближних притесненья,
Приятеля Иудин поцелуй,
Несчастная судьба возлюбленной и раны
Давным-давно утраченной любви.
Безжалостно гонимый целым миром,
Я позабыл, чем некогда я был!

Осталось мне, в поту изнемогая,
Трудиться, помышляя лишь о хлебе.
И так проходит день, и так проходит ночь.

О, не смотри так долго на меня!
Мне нелегко мириться с нищетою,
Но я тружусь... Другие же поют —
Счастливые сердца, не знающие скорби!
Как часто из садов доносятся ко мне
И шум пиров, и радостные клики!
Саят-Нова стихом мне сердце жжет,
О, как бы я хотел подать отсюда голос,
Чтоб он ворвался в этот шумный праздник!
Но я молчу. Не пара я счастливцам,
И горестный я сдерживаю вздох,
И слезы вытираю я украдкой.
Ах, кто услышит голос бедняка!

Так кто же я такой и как зовусь я в мире,
Я, не умеющий припомнить в целой жизни
Ни одного безоблачного дня?
Мучительным трудом мою убили юность,
Лишили в старости любви и утешенья,
Последний луч надежды погасили.
Да будет проклят тот, кто шлет благословенья
Рабочему, не знающему счастья!
Среди людей его за человека
Не признает жестокий этот мир.

Что смотришь на меня, печального, больного?
Да, я состарился, и, кроме вечных мук,
Мне ничего не сохранила память...
Чем наслаждался я? О чем мне сожалеть,
Кончая жизнь? Каким я в мир явился,
Таким и ухожу, забытый, как всегда.
И непонятно мне мое существованье
Под страшными ударами судьбы.
Кого хвалить, кого бранить — не знаю,
Но что ни день, то новые мученья, —
Уж не украл ли я осла чужого?

Зачем же ты дивишься на меня,
Как будто я не создан человеком?

Да, это верно, что на мне лохмотья,
Но разве глух я к голосу добра?
Когда со мною говорит священник,
Я слушаю его с таким вниманьем...
Его слова порою мне неясны,
Но как легко на сердце мне от них!
Есть сила чудная в святых его молитвах,
И, озаренная небесной благодатью,
Моя душа превозмогает бурю
Ужасных помыслов, и сладостный покой
Нисходит на измученное сердце.
И вспоминаю юность я свою,
И голос матери мне слышится, и ласку
Давно забытую я чувствую опять,
И, как живая, мать перед глазами!
И больше не хочу я проклинать
Мое рожденье и судьбу мою, и даже
Тяжелый труд не тяготит меня,
И засыпаю ночью я спокойно,
И, кажется, над хижиной моей
Незримо реют ангельские крылья...

Сын роскоши, питомец неги праздной!
Всё в этом мире отдано тебе:
Цветы долин, блистательное солнце,
Весна с ее живым благоуханьем —
Всё в этом мире только для тебя!
Прекрасные тебе сияют очи,
К тебе свой стан красавица склоняет,
В морях необозримых корабли
Везут тебе сокровища искусства,
И я — рабочий — силою своей,
Трудом своим безропотным и потом —
Тебе, тебе обязан я служить!
Когда я утром с улицы соседней
Сметаю мусор, чтобы эта грязь
Твое не раздражала обонянье, —
Издалека слежу я за тобой,
Почтительно и долго выжидая
Твоей подачки гнусной... Ты — мой царь!
Ты — обладатель мира! Пес смердящий

Я пред тобой, не боле. А за что?
Уж не украл ли я осла чужого?

Что говорить! Ужель не понял ты,
Каких трудов кусок мне стоит хлеба,
Как сушит бедность сердце бедняка,
Как затемняет разум, как жестоко
Бросает в мрак сияние души?
Довольно слов. Иди своей дорогой,
Мурлыча под нос песенку свою.
Настанет время — горестную ношу
Сложу и я, сложу у тех ворот,
Где мы с тобой как равные предстанем,
Где вечный ожидает нас покой.

1877

104. НАДЕЖДЕ

Знать, с неба явилась ты к людям, надежда,
Когда, проклиная земные оковы,
И первый мудрец, и последний невежда
Равно пред тобою склониться готовы.

Ты в сердце гонимых горишь, как лампада,
Душа горемыки тобою согрета.
Что жизнь без надежды? Подобие ада!
Селение скорби, лишенное света!

В темнице невольнику некуда деться,
Быть может, он с жизнью простится сегодня.
Но в яростной бездне преступного сердца
Пылает надежда, как милость господня.

И даже у самого края могилы,
На страшном пороге всеобщего тленья
Одна ты даешь обреченному силы,
Чтоб мог он последние встретить мгновенья.

И, в черную яму его опуская,
Одна ты ласкаешь его, как царица,
Чтоб смутному очерку дальнего рая
Душа, улетая, могла подивиться.

⟨1879⟩

105. ПСАЛОМ

Кто — смертный — достоин взойти
На высокую светлую гору,
Священную гору, где ангелы
Славят величие бога?
Правдивый душою, чье сердце
Незлобно, чьи помыслы чисты,
Кого никогда не касался
Губительный яд лицемерия,
Кто, полный великой любви,
Прогрешенья чужие прощает...
Кого не прельстила навек
Оболочка блестящего мира,
Которая солнцу подобна
В своем преходящем величье;
Кто сильному мира сего
Не боялся напомнить о правде;
Кто падшему брату свою
Протянул милосердную руку, —
Воистину, этот достоин
Взойти на священную гору,
Ликуя при ангельских кликах
О дивном величии бога!

25 июня 1879

106. СОСТАРИЛСЯ

Состарился, а счастья нет в помине,
И родина погублена моя,
И уж надежды в сердце нет отныне...
Какую скорбь несу в могилу я!

1883

107. ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ, ИЛИ ПИР ПОСЛЕ ЕРЕВАНСКОЙ БИТВЫ

Поэма

ТОСТ

Тихо ночью над полями,
В темноте умолкнул бой.
Озаренное огнями,
Войско пир справляет свой.
Вот и месяц показался,
Весь в лучах вверху горит.
Выпьем все, кто жив остался, —
Небо храбрых сохранит!
Братья, чаша круговая
Пусть бежит вокруг огня.
Слава тем, кто, умирая,
Встретил смерть на склоне дня!
О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот всё горе позабыл!

ВОИНЫ

О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот всё горе позабыл!

ТОСТ

Братья, чаши поднимая,
Славных предков мы помянем,
Кровь свою они, сражаясь,
В дар отчизне принесли.
Их величие и слава
Озаряют нас сияньем,
Наши помыслы возносят
Над заботами земли.

Как огонь, забытый в поле,
Одинокий, сиротливый,
Что колышется и гаснет,
Исчезая навсегда, —
Предан вечному забвенью
Будет каждый нерадивый,
Кто прошел свой путь и сгинул,
Не оставив здесь следа.

Кто нам скажет, кто покажет,
Где герои подвизались?
Время сгладило, сровняло
Их надгробия с землей.

Но поныне имена их
В нашей памяти остались,
Свято чтим мы их деянья,
Славим меч их боевой!

Братья, взор благоговейно
Обратим к былым векам,
Лики светлые героев
В глубине теснятся там.
Это кто с глубокой думой
Над Иверией встает?
Неужели край любимый,
Увидав, не узнает?

Это ты, самодержавный,
Мудрый духом Фарнаоз,
Это ты отчизне славной
Книгу первую принес.

Вся Иверия с тобою,
Став единой, процвела
И своих царей-героев
Вечной славой облекла.

Вот, исполнен чудной силы,
Светом бога осиян,
Древних идолов в могилы
Царь свергает Мириан.
Тьму Иверии старинной
Новый вытеснил Завет.
В небо глянули грузины
И познали вечный свет.
Львом и волком шлем украшен,[1]
Меч сверкает, гром гремит...
Это кто, могуч и страшен,
Словно бог войны, летит?
Это славный Горгаслани,
Муж, прославленный в веках.
Где его подъяты длани,
Там враги разбиты в прах.

Неба милостью святою
Над растерзанной страною
Был поставлен юный витязь,
Вдохновенный царь Давид.[2]
В битве — грозный полководец,
Был в судах он миротворец,
Речь его шумела в мире,
Как поток в лесу шумит.

Он сказал: «Восстаньте, грады!» —
И они из праха встали.
Он прошел через пустыни —
И пустыни расцвели.
Где киркою он ударил —
Всюду храмы засияли,

---

[1] У царя Вахтанга на шлеме были изображены волк и лев, поэтому кизилбаши прозвали его Горгасланом.

[2] Давид Строитель, воцарившийся тогда, когда Грузия была совершенно разорена магометанами.

И прославили в них бога
Дети верные земли.

Он воззвал, и, словно феникс,
Возрождается столица,
Прочь бежит султан разбитый,[1]
Жизнь повсюду бьет ключом.
До Ширвана и Дербента[2]
Простирается граница, —
Так Давид страну родную
Очертил своим мечом.

Вот сияет лик небесный,
Взор очей струится вдаль,
Словно тополь — стан прелестный,
Пальцы тонкие — хрусталь.
Обладательница дара
Голубиной доброты,
Это шествует Тамара,
Как богиня красоты.

Сила, Слава, Добродетель
Перед ней несут венец,
Царства мудрого свидетель —
Славит дни ее певец.
Под знаменами — Орбели,
Шота мудрый, Чкондидели,
Полководец Мхаргрдзели,
Гамрекели — вождь-храбрец.

Поднимая стяг Тамары,
В Дидубэ[3] со всей округи
Собрались для общей брани
Кахетинец и тушин.

---

[1] Шемахинский султан бежал, напуганный приближением войск царя Давида.

[2] Тогда границами Грузии были: Ани, Шемаха и Дербент (см. «Картлис Цховреба»).

[3] Дидубэ называлось поле, где теперь Муштаидский сад и поле в сторону к Авчалам. В Дидубэ находился дворец царицы Тамары, в котором происходила ее вторая свадьба.

На хевсуре и на пшаве
Как огонь горят кольчуги.
Вот — могучий карталинец,
Вежливый имеретин,
Месх, прославленный ученый,
Осетин, бесстрашный воин,
Меткий стрелами абхазец,
Храбрый горец и мегрел, —
Каждый с почестями встречен,
Каждый ласки удостоен. . .
Сердце царское — как море,
Где в нем милостей предел?

Ополчились, полетели,
Пал Карну[1] перед бойцами,
От высоких стен Синопа
Не осталось и руин.
Миновав Арез[2] с Тавризом,
Каплан-Ку прошли рядами
И великий гнев господень
Обратили на Казвин.

Но проходит время славы. . .
Вот — царица Кетевана,
Воспитательница сирых,
Возлюбившая свой край.
Вот огнем ее пытают
В подземелиях Ирана,
Вот душа ее святая
Улетает в светлый рай.

Вот в венцах своих проходят
Три Кахетии героя —
Элизбар, Шалва, Бидзина,[3]
Пораженные мечом.
Жертвы гнусного тирана,
На краю могилы стоя,

---

[1] Карну — город, нынешний Арзрум.

[2] Кн. Паскевич как раз по этому пути прошел в 1827 году, во главе победоносного русского войска до Мианы.

[3] Элизбар Чолокашвили, Шалва и Бидзина — ксанские Эристави.

Молят бога за отчизну
В слове горестном своем.

Вот среди иных убитых
Девять братьев знаменитых,[1]
Что на поле бранной чести,
Все в крови, упали вместе.
Вот герой Амилахвари,
Что погиб за государя,[2]
Вот Заалы, их четыре, —
Нет иных подобных в мире.[3]

Вот — Вахтанг Законодатель,
Царь с несчастною судьбою,
Покровитель просвещенья,
Почитатель мудрых книг.
Смерть он встретил на чужбине,[4]
Не оплаканный страною,
Чьи страдания и нужды
Он с младенчества постиг.
Вот отчизны украшенье,
Вождь, прославленный в веках,
Чудо храбрости в сраженье,
Царь Ираклий, МалыйКах.[5]
Он идет врагам на горе,
Меч сверкает, обнажен,
Взор грозит, и в этом взоре
Жребий битвы предрешен.

---

[1] Братья Херхеулидзе, прославленные храбростью, погибли все в Марабдинской битве, сражаясь лицом к лицу с шахом Аббасом.

[2] Один из рода Зедгенидзе предупредил царя (кажется, Георгия) о том, что заговорщики ночью его хотят убить. Царь не поверил ему. Для подтверждения своих слов и чтобы спасти жизнь царя, Зедгенидзе лег в постель царя, на которой заговорщики убили его в ту же ночь, изрубив на куски. За такую самоотверженность царь даровал роду Зедгенидзе звание Амилахвари.

[3] Они были из рода Орбелиани, Бараташвили, Андроникашвили — горбун и сын Борта Мачабели. Царь Ираклий говорил: «Каждый Заал целой армии стоит».

[4] Царь Вахтанг похоронен в Астрахани.

[5] Кахетинцы называют царя Ираклия «Маленький Кахетинец» и в песнях поют: «государь наш царь Ираклий, наш Маленький Кахетинец».

Дни Ираклия подобны
Солнцу в пламени заката:

Лик его уже сокрылся,
Лишь играют пламена.
Не увидят больше люди
Меч Ираклия крылатый.
Слава родины любимой
Вместе с ним погребена.

Вот Леван с отцовским стягом,[1]
Полный мужественной силы.
Был в сраженьях он кровавых
Силой божией храним.
Но, повергнутый раздором,
Он сошел во мрак могилы,
И престол царя великий
Пошатнулся вслед за ним.

Но взгляни, какое пламя
Поднялося над Кварели.
Дагестан идет с войною,
Бойтесь лютого врага!
Двадцать восемь дней над нами
Боевые пули пели.
Трудно было. Ослабели.
Где ж спасителя рука?

Вдруг две сотни Соломона,
Ратишвили и Отара,[2]
Боста[3] и сыны Нодара,

---

[1] Сын царя Ираклия, высокоумный и отважный. Царь ему передал за мужество и храбрость свое знамя и две тысячи отборнейших, известных своей отвагой всадников. По его совету царь ввел регулярное войско (см. записку Буткова). Говорят, будто бы Левана отравила его собственная супруга (из рассказов Ал. В-ча Орбелиани).

[2] Соломон и Отар — братья Квабулашвили.

[3] У царя Ираклия, потерпевшего жестокое поражение от чарельцев в долине Алазани, от усталости пала лошадь. Царь попросил коня у кизихского моурава Тамаза Андроникова, но тот предложил: «Государь, садитесь за мною, и мы оба спасемся, а то враг нагоняет». — «Пусть позор покроет и тебя, и коня твоего!» — ответил ему государь. В это время подъехал юноша, соскочил с коня, предоставил его царю и тем спас царя от опасности. Юноша этот был Боста, роду которого царь даровал дворянство и фамилию Bосташвили.

Давид[1] и Бабуришвили, —
Появились, завопили,
Всех врагов перерубили
И спасли красу ущелий,
Глаз Кахетии — Кварели!

Кто там, страшный, величавый,
Перед нами предстает?
Стяг его, покрытый славой, —
Войска верного оплот.
То Давид.[2] В его деснице
Смерти страшная коса.
Крикнет он — и враг смутится,
Проклиная небеса.
Это Волк земли — Захарий,[3]
Тот, который средь врагов
Появляется в разгаре
Их набегов и пиров.
Покрывает войско славой
Грозной битвы каждый шаг.
Где блистает меч кровавый —
Исчезает всюду враг.

Так проходят сонм за сонмом
Победители-герои.
Кто Азата сокрушитель?
Кто с Тимуром был боец?
Вот воители Аспиндзи,
Что сражались над Курою
И окрасили теченье
Кровью вражеских сердец.

Дале — триста беззаветных,[4]
Храбрых воинов Душета,

---

[1] Давид из рода Бараташвили.

[2] Давид Сардали Орбелиани, прославленный как полководец и герой. Им были одержаны большие победы над Азат-ханом под Ереваном и над османами в Аспиндзской битве.

[3] Захарий Андроникашвили — моурави Кизикии, очень отважный человек. Его прозвали «Земляным волком».

[4] Триста арагвинцев пришли в Тбилиси из Душети во время нашествия Ага-Магомет-хана, поклялись царю в верности, и ни один из них не вышел живым из боя. Они сражались под командованием царевича Вахтанга и пали у садов Крцаниси.

Что в Тбилиси появились
И поклялись головой:
«Если нам по божьей воле
Не достанется победа —
Да покроется позором
Кто живым придет домой».
И мечи, перекрестившись,
Перед битвой обнажили,
И, как соколы, на персов
Понеслись со всех сторон.
Вражьи полчища рассеяв,
Сами головы сложили.
Не ушел никто из битвы:
Слово храброго — закон.

Но враги идут лавиной.
Пал Тбилиси, и с тех пор
Жизнь Иверии старинной
Замерла у края гор.

Где воители-герои
Истекали жаркой кровью —
Там теперь в садах зеленых
Шум пиров, вино, огни...
Незабвенные святыни,
Освященные любовью,
Лишь невежество ногами
Попирает в наши дни.

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава,
Поколенья не забудут
Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

ВОИНЫ

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава,

Поколенья не забудут
Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

ТОСТ

О желанная отчизна,
Преисполнено любови,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,
Не пожертвует в сраженье
Непокорной головой?

Кто не любит тех селений,
Где, увидев божий свет,
Жили мы без треволнений,
Вдалеке от всяких бед;
Где ласкали нас родные,
Охраняя наш покой,
Где познали мы впервые
Пламень сердца роковой;
Где красавицы, похитив
Наше сердце в первый раз,
Со слезами в божьем храме
Молят господа за нас?

В том краю горит над нами
Весь лазурный небосвод,
В вышине, блестя лучами,
Солнце царственно плывет.
Ночи звездной бирюзою
Там сияют под луной,
Там прохладою ночною
Дышит воздух надо мной.

Там ледяными венцами
Горы до неба стоят,

Реки, стиснуты горами,
Вал над валом громоздят.
Бездны там зияют хмуро,
Скал вздымаются бока,
Там охотник гонит тура,
А под ними — облака.

Там зеленые долины
Изумрудом отливают,
Там ключи с журчаньем тихим
Нас встречают на пути.
У ручьев цветы толпятся
И головки наклоняют.
Мы глядим — и сердце бьется,
И глаза не отвести...

Где, в каком углу вселенной
Встретишь Грузию другую?
Этот храбрый, и радушный,
И воинственный народ?
Времена не изменили
Его душу молодую:
Любит он родную землю
И в обиду не дает.

За отчизну выпьем, братья,
Эту радостную чашу!
В благоденствии и славе
Пусть цветет она вовек.
Пусть главу ее до неба
Воздымает храбрость наша
И великою любовью
К ней пылает человек.
Мы возлюбим больше жизни
Счастье родины своей,
Встанем грудью за отчизну
Перед сотнями мечей.

Пусть над нашею могилой
Скажет путник сквозь рыданья:
«Нет, недаром их растила
Наша славная страна!»

Мир, увы, того не стоит,
Чтоб ценить существованье,
Если жизнь твоя бесплодна
И отчизне не нужна.
За отчизну, братья, встанем
Перед сотнями мечей.
Умирая, мы прославим
Имя родины своей!

ВОИНЫ

О желанная отчизна,
Преисполнено любови,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,
Не пожертвует в сраженье
Непокорной головой?

ТОСТ

Горе мне: разбито сердце.
Жжет его любови пламя.
О, зажгись, святая дружба,
Как счастливая звезда!
Освети дорогу жизни
И усей ее цветами,
И настойчивому сердцу
Будь сопутником всегда.

Мы тебе, святая дружба,
Посвящаем эту чашу.
Жертва слуг твоих усердных,
Пусть она сверкает вновь.
Рука в руку, лобызаньем
Воскресим мы радость нашу.
Выпьем, братья, и прославим
Нашу братскую любовь.

Что есть жизнь, когда заслугой
Добрых дел мы не считаем,

Если мы позабываем
Павших скорбную юдоль,
Если зло не изгоняем
И добро не охраняем,
Равнодушные к страданьям,
Не целим чужую боль?

Эту мысль в душе лелея,
Малодушье превозможем,
Угнетателей изгоним,
Беззаконье укротим,
Осмеем корысть людскую
И навеки уничтожим
Всё, что давит человека
И мешает быть благим.

Дайте каждому таланту
Путь широкий и прямой.
Дар ниспослан человеку,
А не знати родовой.
Человек есть тот, кто свыше
Силой неба одержим.
Его подвиги безмерны,
Вся страна гордится им.

Но довольно... Выпьем, братья!
Как нам знать — когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь? [1]
О, как тяжко после битвы
Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Не уметь ему помочь!

День сегодняшний, пируя,
Как цветок сорвем красивый.

---

[1] На Ереванском форштате убили Симона Вачнадзе; в битве при Джаван-Булахе — Габриэля Сологашвили и близ Урдо-Аббада — Симона Чавчавадзе. Все трое были прекрасными и умными молодыми людьми. Габриэль был всадником, которого следовало бы нарисовать. В то время в Грузии было множество блестящих всадников.

Он один благоухает,
Поднимаясь из травы.
Кто надеется на завтра,
Тот упустит миг счастливый.
Новый день взойдет над нами,
Но обманчив он, увы!

Верной дружбе посвятим мы,
Братья, наше достоянье,
Подымая к небу чаши,
Возгласим обет святой:
Нашей дружбе не изменим
До последнего дыханья,
Друг погибший наши слезы
Унесет во гроб с собой.

ВОИНЫ

Пейте, братья, и пируйте!
Как нам знать — когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь?
О, как тяжко после битвы
Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Не уметь ему помочь!

ТОСТ

Братья, славу и сраженье
Позабудем на мгновенье.
Мы любовь прославим ныне,
Нашей жизни торжество.
Не она ль нас возвышает,
Нашу душу освещает?
Человек в любви прекрасен
И похож на божество.

День любви, куда ты скрылся?
Сон, куда ты удалился?

Неужели я напрасно
Жду тебя с улыбкой ясной?
О светильник нежной страсти,
Неужели ты погас?
Неужели это счастье
Было мне в последний раз?

В час, когда полюбит сердце, —
Вся душа у нас в расцвете.
О, как радостно для милой
Позабыть про всё на свете.
Чтобы ею любоваться,
И пред нею преклоняться,
И страдать с разбитым сердцем,
И надеждой утешаться.

О цветок любви волшебной,
С неба посланный судьбою!
Ты увянешь — и от счастья
Не останется следов.
Как сорвать цветок волшебный?
Весь в шипах он предо мною.
Но шипы, пронзая слабых,
Закаляют храбрецов!

Разве ценит равнодушный
Наши тяжкие страданья?
Его сердца не касалось
Никогда очарованье.
Но взгляните: если розу
Ветер утренний качает —
Как она шумит листами,
Как она благоухает!

У кого любовный пламень
Дни и ночи сердце гложет,
У кого в душе навеки
Милый лик запечатлен, —
Перед тем на белом свете
Устоять ничто не может.
И чего с мечом в деснице
Не достигнет только он!

Кто из нас для счастья милой
Не захочет жизнь отдать, —
Ради той, кто наше сердце
Заставляет трепетать?
Каждый вздох о ней и каждый
Сердца пламенный удар,
Каждый помысел о милой —
Всё любови нежный дар.

Гонит нас судьба жестоко,
Наша милая далеко,
Но цветов благоуханье
Нам струит ее дыханье.
Если ж утром засияет
В небесах звезда златая,
Кто в ней милой не узнает,
Улыбнувшейся из рая?

Стоит ночью позабыться,
Милый образ нам приснится.
О, как сладко то виденье!
Как печально пробужденье!

Мы за милую подымем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно!
Пусть она живет в веселье,
Пусть тоска ее бежит.
О, как сладко в час свиданья
Наше сердце задрожит!

Я к тебе, моя богиня,
Обращаю речь мою.
О тебе одной вздыхаю,
О тебе одной пою.
Мне о ком еще томиться?
Жалко молодость свою.
Мне, быть может, уж могила
Уготована судьбой.
Смолкну я, и слезы милой
Не прольются надо мной,

Не услышу в час унылый
Незабвенный голос твой.
Полумертвыми устами
Не прильну к твоим рукам,
Чтобы образ твой любимый
Взять к нездешним берегам.
Радость в нем, и искупленье,
И бессмертное горенье...
Пусть умру! Избегнув тленья,
Буду я любить и там.

О души моей бессмертье,
Радость жизни неземной!
Никогда любимый образ
Не расстанется со мной,
Не угаснет в час кончины
Жар любви пережитой.

Если ж мы любовь теряем,
Что взамен мы получаем?
Без любви и рай господень
Нам покажется тюрьмой.

ВОИНЫ

Мы за милую подымем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно!

РАССВЕТ

Уж пурпурная с востока
Поднимается денница,
Небо, радостью объято,
Всё готово пробудиться.
Зажигаются, как пламя,
Облака над головою,
Небо рдеет, и блаженство
Охватило всех с зарею.

Тают сонные туманы,
В небе звезды угасают,
Стоголосым пеньем птицы
Солнце радостно встречают.
Ветерок над нами веет,
Освежающий дыханье,
Слышен листьев тихий шелест
И цветов благоуханье.
И смотрите, как красиво
Просыпается природа.
Чу! Запел среди деревьев
Соловей, певец восхода.
Вот Ираклия вершина, [1]
Арарат во мгле тумана,
Вот бушующая Занга
И твердыни Еревана.

УТРО

О, как чист прозрачный воздух
В это утро золотое!
С сердца он печаль снимает,
Радость льет на всё живое.
Боже, кто постигнуть может
Красоту твоих творений!
Мрак ты светом разгоняешь,
Самой смертью жизнь рождаешь!
Бивуак зашевелился...
Трубят зорю над рекою...
Поднимаются отряды,
Приготовленные к бою.
Выстрел... Всадника теряя,
Мчится конь... Пошла потеха!
О, зачем мы в это утро
Жаждем крови человека?
Встанем, братья, выпьем чашу
За победу над врагами.
Тех, кто с поля не вернется,
Вспомним с горькими слезами.

---

[1] У Сардарского сада возвышается холм Ираклия, справа — река Занга. На этом холме стоял царь Ираклий при взятии Еревана.

Словно сон недолговечный,
Кончен, кончен пир ночной.
Мы идем, куда зовет нас
Зов судьбины роковой.

ЭПИЛОГ

Посвящается
Александру Джамбакур-Орбелиани

Где теперь друзья былые,
Что во мраке этой ночи
Вместе с нами пировали,
Наши радовали очи?
Нету их... ушли навеки...
Дни былые миновались.
Никого вокруг не вижу,
Только мы с тобой остались.
И зачем, зачем сказал я
То, что здесь тебе сказал я?
Не сумел, увы, сказать я
То, что должен был сказать я!
В сердце раненом скрываю,
Потому я и тоскую,
И печалюсь, и страдаю.
Если ж ты понять сумеешь
Сердцу родственные звуки —
Забываю яд, что выпил
В этой жизни, полной муки.
Что мне ждать на этом свете?
Что желать? К чему усилья!
Я не тот, что был когда-то.
Уж не помню, как любил я.
С каждым днем уходит счастье.
Скорбно будущее, знаю,
И бесплодное былое,
Одинокий, проклинаю.

1827—1870

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Николоз (Николай) Мелитонович Бараташвили родился в Тбилиси 15 (27) декабря 1817 года. Семья его была из знатного, но обедневшего княжеского рода. Отец, Мелитон, свободно владевший как русским, так и кавказскими языками, служил чиновником при Ермолове и Паскевиче. По свидетельству современников, это был вспыльчивый человек, ведший довольно беспечную жизнь. Он постепенно разорился, и неоплаченные долги омрачили жизнь его семьи. Бедственное материальное положение отца во многом определило судьбу Николоза.

Мать поэта Евфимия (Ефемия), старшая и любимая сестра поэта Григола Орбелиани, обладала редкими душевными качествами, и поэт во многом унаследовал благородные черты ее характера. По свидетельству дочери, она была женщиной редкой доброты, прекрасной семьянинкой.

Мать была первой учительницей сына, и первыми книгами его стали Псалтырь, Часослов и Евангелие. Гимнографический стиль и лексика ряда стихотворений Н. Бараташвили показывают, что он прекрасно знал величественные памятники древнегрузинской литературы.

Десятилетнего Тато́ (так его звали близкие) определили в Тбилисское благородное училище, в 1830 году преобразованное в гимназию. На духовное становление поэта в эти годы сильное влияние оказала личность известного общественно-политического деятеля и философа Соломона Додашвили и других прогрессивных педагогов.

Был он способным учеником, отличался веселым, живым нравом, был острым на язык, прекрасно танцевал. У мальчика были живые черные глаза, брови, сходившиеся на переносице, и каштановые волосы (подлинный портрет Н. Бараташвили не сохранился). Роста был среднего, худощавый, крепкого сложения, носил обычно черкеску и маленькую грузинскую шапочку.

Гимназисты увлекались литературой, читали Байрона, Гёте, Мицкевича, Пушкина, выпускали рукописный журнал «Цветок Тифлисской гимназии». В письмах Бараташвили нередко встречаются реминисценции произведений русских поэтов. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что учащаяся молодежь вращалась в обществе сосланных на Кавказ декабристов и участников польского восстания 1831 года.

Значительное влияние на последующую жизнь и творчество Н. Бараташвили оказали события 1832 года.

В юности Бараташвили получил травму и на всю жизнь остался слегка хромым. Это сделало еще более нервным и без того впечатлительного юношу. Однако живой характер его мало изменился, и до конца жизни он остался прекрасным товарищем, человеком остроумным, общительным, вносившим оживление во всякое общество.

В 1835 году, по окончании гимназического курса, Н. Бараташвили намеревается поступить на военную службу или в университет. Родители не советовали сыну поступать на военную службу, но послать его в высшее учебное заведение не имели средств. Чтобы поддержать больного и окончательно разорившегося отца, он в восемнадцать лет поступил чиновником в высшее судебное учреждение на Кавказе, в Экспедицию суда и расправы.

Легко себе представить его душевное состояние: мечта о студенческой жизни сменилась серыми буднями столоначальника в канцелярии.

В своей переписке Н. Бараташвили жалуется на умственный застой общества, на «круг чиновников, который не выгоден для образования нравственности».

Свободные от службы часы поэт посвящает литературной работе. Для этого периода его жизни характерно некоторое духовное раздвоение: то веселое времяпрепровождение в холостяцкой компании, то полная замкнутость в самом себе. Он, по его словам, «одинок в этом обширном и многолюдном мире» и ищет уединения на Мтацминдской горе, на берегах Куры, на кладбище за Московской заставой.

В письме к одному родственнику и другу, написанном на русском языке, он говорит «о непостижимости цели нашего существования, о безграничности желаний человеческих и суете всего подлунного, наполняющего душу ужасной пустотой».

В жизни ему фатально не везло: автору гениальных стихов негде было их печатать, лишь узкий круг друзей и родственников знал о нем как о поэте; влюбился он в Екатерину Чавчавадзе, сестру Н. А. Грибоедовой, и любовь, кажется, была взаимной, но первая

красавица Грузии предпочла бедному юноше владетельного князя Мингрелии; обращался за помощью к дяде Григолу Орбелиани, но генералу и правителю Аварии как-то не удалось помочь своему племяннику хотя бы в том, чтобы найти для него подходящую службу.

В 1844 году, прослужив полгода помощником нахичеванского уездного начальника, он был переведен на ту же должность в Ганджу, где скоро заболел злокачественной малярией, от которой и скончался на чужбине, в «жалкой избе», совершенно одинокий 9 (21) октября 1845 года в возрасте 27 лет. Похоронен был в Гандже во дворе крепостной церкви, не оплаканный родными и друзьями.

Лишь спустя почти полвека, в 1893 году, его прах был перенесен в Тбилиси. У вокзала собралась многотысячная толпа, обнажившая головы и преклонившая колени перед прахом своего великого поэта. Гроб был доставлен на руках до Дидубийского кладбища. Над могилой Н. Бараташвили Илья Чавчавадзе произнес свое знаменитое слово.

При советской власти, в 1938 году, останки поэта были перенесены на воспетую им Мтацминду и преданы земле в Пантеоне выдающихся деятелей Грузии.

108. СОЛОВЕЙ И РОЗА

Нераскрывшейся розе твердил соловей:
«О владычица роза, в минуту раскрытья
Дай свидетелем роскоши быть мне твоей —
С самых сумерек этого жду я событья».

Так он пел. И сгустилась вечерняя мгла.
Дунул ветер. Блеснула луна с небосклона.
И умолк соловей. И тогда зацвела
Роза, благоуханно раскрывши бутоны.

Но певец пересилить дремоты не мог.
Хоры птиц на рассвете его разбудили.
Он проснулся, глядит: распустился цветок
И осыпать готов лепестков изобилье.

И взлетел соловей, и запел на лету,
И заплакал: «Слетайтесь, родимые птицы.
Как развеять мне грусть, чем избыть маету
И своими невзгодами с кем поделиться?

Я до вечера ждал, чтобы розан зацвел,
Твердо веря, что цвесть он уж не перестанет, —
Я не ведал, что подвиг рожденья тяжел
И что всё, что цветет, отцветет и увянет».

18 июня 1833

109. КЕТЕВАНА

Шумит и пенится сердито
И быстро катится река.
Кустами берега покрыты
И зарослями тростника.

Кто это, голову грустно понуря,
Смотрит с обрыва в водоворот?
Перебирая струны чонгури,
Девушка в белом громко поет:

«Насытишься ли ты, злоречье?
Не насмехайся, не язви
Над каждым мигом нашей встречи
Из зависти к моей любви.

Зачем, поверив лжи бесстыдной,
Ты до того, мой друг, дошел,
Что преданности очевидной
Ты голос злобы предпочел?

Зачем не изучил заране
Мой образ мыслей, сердце, нрав?
Зачем мне расточал признанья,
Чтобы убить, избаловав?

Зачем согнул мою гордыню,
На муку сердце мне обрек?
Зачем бесплодием пустыни
Дохнул на юности цветок?

Я верую: моя кончина —
Переселенье в мир иной.
Уверившись, как я невинна,
Ты в небе встретишься со мной».

Она умолкла. И нежданно
В словах, затихших над волной,
Узнал я голос Кетеваны,
Чарующий и неземной.

Шорох паденья скоро разнесся —
Страшный и неотвратимый удар.
Девушка бросилась в воду с утеса,
Крикнув пред смертью: «Мой Амилбар!»

1835

110. СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Люблю твои места в росистый час заката,
Священная гора, когда твои огни
Редеют, и верхи еще зарей объяты,
И по низам трава уже в ночной тени.

Не налюбуешься! Вот я стою у края.
С лугов ползет туман и стелется к ногам.
Долина в глубине как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывет, как фимиам.

Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь рощ твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был как я. Он был покинут и один.

Какой красой была овеяна природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.
Как прежде, рвется мысль под купол небосвода,
Как прежде, падает, растаяв перед ним.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвой.

Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду.
За тучами и то легко мне и светло.

Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
В предшествии звезды луна вдали взошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.

Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе ее черты
И повторю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда средь темноты.

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет.
Он сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдет. И свет разгонит мрак».

1833—1836

111. ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?
С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,
Только уехал из лона семьи,
Голос какой-то невнятный и странный
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи — и найдешь».
Так он мне шепчет. Но я и доныне
В розысках вечных и вечно в унынье.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрек
Мучит меня затаенно порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?
Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли мой искуситель незримый?
Кто бы ты ни был — поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

1836

112. ДЯДЕ ГРИГОЛУ

Родину ты потерял по доносу,
Сослан на север в далекий уезд.
Где они — дедовской рощи откосы,
Место гуляний, показа невест?
Но и в изгнанье, далеко отсюда,
Ты не забудешь родной толчеи.
Парами толпы веселого люда
Шли, оглашая аллеи твои.
Жаль, что не видишь ты на расстоянье
Нынешних наших девиц-щеголих.
Как бы припомнил ты очарованье
Сверстниц своих и избранниц былых!

1836

113. НОЧЬ В КАБАХИ

Люблю этих мест живописный простор.
Найдется ли что-нибудь в мире волшебней,
Чем луг под луною, когда из-за гребня
Повеет прохладою ветер с Коджор?

То плавно течет, то клокочет Кура,
Изменчивая, как страсти порывы.
Так было в тот вечер, когда молчаливо
Сюда я зашел, как во все вечера.

С нарядными девушками там и сям
Толпа кавалеров веселых бродила.
Луна догадалась, что в обществе дам
Царит не она, а земные светила.

И скрылась за тучи, оставшись в тени.
«Ты б спел что-нибудь, — говорят домочадцы
Любимцу семьи, одному из родни, —
Любое, что хочешь. Не надо ломаться».

И вот понемногу сдается певец.
Становится, выпятив грудь, начинает,
И кто не взволнуется, кто не растает
От песни, смертельной для женских сердец?

Тогда-то заметил я в белом одну,
И вижу — она меня тоже узнала.
И вот я теряюсь, и сердце упало,
Я скован, без памяти я и в плену!

Я раз ее видел в домашнем кругу.
Теперь она ланью у тигра в берлоге
Средь шумного общества стынет в тревоге,
И я к ней, смутясь, подойти не могу.

Вдруг взгляд ее мне удается поймать,
И я подхожу к ней, волненья не пряча,
И я говорю ей: «Какая удача!
Я счастлив, что с вами встречаюсь опять».

«Спасибо, — она говорит, — что хоть вы
Меня не забыли. Теперь это мода».
— «Ваш образ не могут изгладить ни годы, —
Я ей возражаю, — ни ропот молвы».

И вдруг ветерок колыхнул ей подол,
И ножка тугая, как гроздь винограда,
На миг обозначилась из-под наряда —
И волнами сад предо мною пошел.

И выплывший месяц, светясь сквозь хрусталь,
Зажег на груди у нее ожерелье.
Но девушку звали, и рядом шумели.
Она убежала. Какая печаль!

1836

114. РАЗДУМЬЯ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Иду, расстроясь, на берег реки
Тоску развеять и уединиться.
До слез люблю я эти уголки,
Их тишину, раздолье без границы.

Ложусь и слушаю, как не спеша
Течет Кура, журча на перекатах.
Она сейчас зеркально хороша,
Вся в отблесках лазури синеватых.

Свидетельница многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?
И воплощеньем суеты сует
Представилась мне жизнь в минуту эту.

Наш бренный мир — худое решето,
Которое хотят долить до края.
Чего б ни достигали мы, никто
Не удовлетворялся, умирая.

Завоеватели чужих краев
Не отвыкают от кровавых схваток.
Они, и полвселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.

Что им земля, когда, богатыри,
Они землею завтра станут сами?
Но и миролюбивые цари
Полны раздумий и не спят ночами.

Они стараются, чтоб их дела
Хранило с благодарностью преданье,
Хотя, когда наш мир сгорит дотла,
Кто будет жить, чтоб помнить их деянья?

Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной.

1837

115. К ЧОНГУРИ

Твои причитанья, чонгури,
То вздох, то рыданье навзрыд.

Твоей нелюдимой натуре
Неведомы смех до упаду,

Улыбка, безоблачность взгляда.
Секрет их тебе не открыт.

Безрадостно брови нахмуря,
Ты вдаль загляделась с досадой.
Твой звук о былом говорит.

1837

116. МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

На кого ты вечно в раздраженье?
Не везет с тобой мне никогда,
Злой мой рок, мое предназначенье,
Путеводная моя звезда!

Из-за облаков тебя не видя,
Думаешь, я разлюблю судьбу?
Думаешь, когда-нибудь в обиде
Все надежды в жизни погребу?

Наша связь с тобой как узы брака:
Ты мне неба целого милей.
Как бы ни терялась ты средь мрака,
Ты мерцанье сущности моей.

Будет время — ясная погода,
Тишина, ни ветра, ни дождя, —
Ты рассыплешь искры с небосвода,
До предельной яркости дойдя.

1837

117. НАПОЛЕОН

Взором огромную Францию меряя,
Мысленно вымолвил Наполеон:
«Необозримы границы империи.
Жертвы оправданны. Мир покорен.

Дело исполнено. Цели достигнуты.
Имя мое передастся векам.
Мощное зданье порядка воздвигнуто.
Что еще лучшего я создам?

Этим и надобно ограничиться.
Но не могу я ничем быть стеснен.
Слава не стала моею владычицей:
Я управляю потоком времен.

Впрочем, быть может, другой ей приглянется,
Если судьбе я своей надоем?
Нет, она верной навек мне останется.
Всё я ей дал и пожертвовал всем».

Наполеон и соперник? — Не вяжется.
Он не потерпит ни с кем дележа.
Он и в могиле, наверно, разляжется,
Руки крест-накрест свободно сложа.

Годы проходят, и сказкою прежнею
Кажется гения этого дар.
Пламени ярче и моря безбрежнее
Этот бушующий ночью пожар.

1838

118. Е⟨КАТЕРИ⟩НЕ, КОГДА ОНА ПЕЛА ПОД АККОМПАНЕМЕНТ ФОРТЕПЬЯНО

Звуки рояля
Сопровождали
Наперерыв
Части вокальной —
Плавный, печальный
Речитатив.

Ты мне всё время
Слышалась в теме,
Весь я был твой.
В смене гармоний,
В гулкой погоне
Их за тобой.

Мало-помалу
Ты распрямляла
Оба крыла.
И без остатка
Каждою складкой
В небо плыла,

Каждым изгибом
Выгнутых дыбом
Черных бровей,
Линией шеи,
Бездною всею
Муки моей.

⟨1839⟩

119. КНЯЖНЕ Е⟨КАТЕРИ⟩НЕ Ч⟨АВЧАВА⟩ДЗЕ

Ты силой голоса
И блеском исполненья
Мне озарила жизнь мою со всех сторон.
И счастья полосы,
И цепи огорчений —
Тобой я ранен и тобою исцелен.

Ты — средоточие
Любых бесед повсюду.
Играя душами и судьбами шутя,
Людьми ворочая,
Сметая пересуды,
Ты — неиспорченное, чистое дитя.

Могу признаться я:
Когда с такою силой
Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»,
Во мне ты грацией
Поэта пробудила,
И этим навсегда тебе обязан я.

1839

120. СЕРЬГА

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щеку с ямочкой
Сережка с камушком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит.

Богов блаженнее,
Он на мгновение
Бессмертье купит,
И мир безгрозия
В парах амброзии
Его обступит.

1839

121. МЛАДЕНЕЦ

Люблю младенца лепет из пеленок,
Как с неба на землю упавший дух,
Лепечет что-то райское ребенок
И услаждает материнский слух.

Надежно детский мир его устроен.
Он живо чувствует, что рядом мать,
И так в ее присутствии спокоен,
Что не боится взоры вкруг кидать.

Жизнь для него — нисколько не загадка.
Своим явленьем сам вменил он в долг,
Чтоб старшие склонялись над кроваткой,
Пока он голосит и не умолк.

Воркуй по-голубиному, младенец,
Болтай свое на языке сивилл.
Пока тебя, миров переселенец,
Своею ложью мир не отравил.

1839

122. ОДИНОКАЯ ДУША

Нет, мне совсем не жаль сирот без дома.
Им что? Им в мир открыты все пути.
Но кто осиротел душой, такому
Взаправду душу не с кем отвести.

Кто овдовел, несчастен не навеки.
Он сыщет в мире новое родство.
Но, разочаровавшись в человеке,
Не ждем мы в жизни больше ничего.

Кто был в своем доверии обманут,
Тот навсегда во всем разворожен.
Как снова уверять его ни станут,
Уж ни во что не верит больше он.

Он одинок уже непоправимо.
Не только люди — радости земли
Его обходят осторожно мимо,
И прочь бегут, и держатся вдали.

1839

123

Я помню, ты стояла
В слезах, любовь моя,
Но губ не разжимала,
Причину слез тая.

Не о земном уроне
Ты думала в тот миг.
Красой потусторонней
Был озарен твой лик.

Мне ныне жизнью всею
Предмет тех слез открыт.
Что я осиротею,
Предсказывал твой вид.

Теперь, по сходству с теми,
Мне горечь всяких слез
Напоминает время,
Когда я в счастье рос.

1840

124. МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне,
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя отцу родному без участья
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадежь:
Адам наказан был, огнем играя,
Но все-таки вкусил блаженство рая.
Дай верить мне, что помощь мне пошлешь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из твоих святых истоков.
Спаси мой челн от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

О сердцевед, ты видишь все пути
И знаешь всё, что я скажу, заране.
Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благости зачти.

1840

125

Когда ты, как жаркое солнце, взошла
На тусклом, невзрачном моем кругозоре
И после унылых дождей без числа
Настали прозрачные, ясные зори,

Я думал — ты светоч над жизнью моей
В дороге средь мрака ночного и жути.
Куда ж ты? Как прежде, лучи эти лей.
Опять я в потемках стою на распутьи.

Я радость люблю и совсем не ворчун.
Свети мне, чтоб вновь на дорогу я вышел
И снова, коснувшись нетронутых струн,
В ответ твое дивное пенье услышал,

Чтобы в отдалении отзвук возник,
Чтоб нашим согласьем наполнились дали,
Чтоб, только повздоривши, мы через миг
Не помнили больше недолгой печали.

Едва на тебя набегут облака,
Кончаются радости все и забавы.
Пред этим мне всякая жертва легка,
И я для тебя отказался б от славы.

1840

126

Когда мы рядом, в необъятной
Вселенной, — рай ни дать ни взять.
Люблю, люблю, как благодать,
Лучистый взгляд твой беззакатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

Приходит время уезжать.
Вернусь ли я еще обратно?
Увижу ли тебя опять?
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

С годами гуще тени, пятна
И резче возраста печать.
О, если б снова увидать
Твою божественную стать!
Люблю твой облик благодатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

⟨*1841*⟩

127

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим.

⟨1841⟩

128. ЧАША

Мастера посудного изделье,
Я звеню у Марты на столе
И разглаживаю средь веселья
У гостей морщины на челе.

⟨1841⟩

129. МОИМ ДРУЗЬЯМ

В дни молодости, вашим утром ранним,
Легко заботы сбрасывайте с плеч.
Не придавайте важности страданьям,
Слезам невольным не давайте течь.

Спешите за минутами вдогонку,
От них не отставая ни на миг.
Как резонерство раннее ребенка,
Уродлив молодящийся старик.

Хвалю того, кто соблюдает время
И весь свой век по возрасту живет.
Перегорит и он страстями всеми,
Переберет и он весь мир забот.

Но в зрелости, когда ваш первый шепот
Насильно сменит дня корыстный шум,
Вот что советует мой горький опыт —
Я это говорю не наобум, —

Не увлекайтесь львицей и кокеткой:
Она жива, красива, молода,
Всегда занятна и умна нередко,
Но полюбить не может никогда.

1841

130

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованьем вдалеке;
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике;

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло;
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом всё зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе,
А если ты нашла, что я непрост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.

Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя растущая от встречи к встрече
Нечеловеческая красота.

1841

131

Я храм нашел в песках. Средь тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонек
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме средь пустыни
Курил я в сердце фимиам
Любви — единственной святыне.

И что же — в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,
Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
Где кровельных обломков куча?
Он целым под землю ушел,
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова.

1841

132. МЕРАНИ

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Рассекай вихри, разрезай волны,
над горной кручей смелей лети.
Скачи быстрее, чтоб легче были нетерпеливому дни пути.
Не ведай страха, мой конь крылатый,
презирай бури, презирай зной,
Лети — не станет просить пощады самозабвенный
наездник твой.

Печали мало, если я брошу мою отчизну, моих друзей,
Если забуду семью и кровных
и нежный голос милой моей.
Где ночь настигнет, где свет застанет —
пусть там и будет родимый дом.
О, лишь бы верным поведать звездам,
что в темном сердце горит моем!

Вверить сердца стон, вверить прах любви волнам
шумным
И крылам твоим восхитительным и безумным!
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Пусть не усну я в земле отчизны среди старинных
могильных плит,
Пусть дорогая мои останки слезой печальной не окропит;

Николоз Ҕараташвили

Мне черный ворон выроет яму в краю безвестном,
в пустых полях,
И вихрь бездомный с плачем и воем песком засыплет
мой бедный прах.

Не слезы милой — дожди и росы мне в час прощальный
омоют грудь,
Не вздохи близких — орлиный клекот меня проводит
в последний путь.
Несись, Мерани, мой конь крылатый,
умчимся вместе за грань судьбы.
Твой всадник не был пленником рока
и с ним, как прежде, жаждет борьбы!

Пусть погибну я, роком проклятый, им сраженный, —
Меч о меч, как враг, буду биться с ним, непреклонный.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Нет, не исчезнет душевный трепет того,
кто ведал, что обречен,
И в диких высях твой след, Мерани,
пребудет вечно для всех времен:
Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет, смелый,
быстрей меня
И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь,
обгонит ее коня.

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

9 мая 1842

133

Глаза с туманной поволокою,
Полузакрытые истомой,
Как ваша сила мне жестокая
Под стрелами ресниц знакома!

Руками белыми, как лилии,
Нас страсть заковывает в цепи.
Уже нас не спасут усилия.
Мы пленники великолепья.

О взгляды, острые, как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаем в заложницы,
Чтоб выкупом нам стала вечность.

1842

134. ГИАЦИНТ И СТРАННИК

Странник

Гиацинт, где былая яркость твоя?
День ли, ночь — всё пред ней забывалось на свете.
Где поляну дурманившая струя
Аромата, которым дышали соцветья?

Гиацинт

Я один. Я покинул родные края.
В мае там соловьи. Как в руках чародея,
Возвращается к жизни вся наша семья.
Всё в красе, всё в цвету. Только я сиротею
И в своем заточении, в оранжерее
Не услышу певца своего — соловья.

Странник

Разве ты ничего не нашел тут взамен?
Жить внутри безопаснее ведь, чем снаружи.
Здесь тебя не достанут средь роскоши стен
Ни палящее солнце, ни зимняя стужа.

Гиацинт

Что мне золото и серебро богача?
С мертвым воздухом комнат мне нечем делиться.
Ни росы по утрам, ни журчанья ключа,
Ничего нет хорошего в этой теплице,
И нельзя за плющом мне от солнца укрыться,
Ветерку шаловливые речи шепча.

Странник

Ты не прав. А припомни суровую зиму.
Ты, наверное, был бы морозом побит.
А теперь пусть метели проносятся мимо, —
Ты от снега рукой человека укрыт.

Гиацинт

Милый странник, на свете всему свое время,
Я умру и ожить не сумею в плену.
А на воле зимою цветочное племя
Лишь на время разлуки отходит ко сну.
Как ликуют, проснувшись, зеленые семьи,
Когда ласточки оповестят про весну!
Только я не смогу пробудиться со всеми,
На небесную синюю ширь не взгляну.

Странник

Гиацинт, ты напомнил другой мне цветок.
Тот цветок — мой еще не изведанный жребий.
Он нуждается тоже в приволье и в небе.
Или, может быть, поздно и он уж поблек?

1842

135

Как змеи, локоны твои распались
По ниве счастья, по твоей груди,
Мои глаза от страсти разбежались.
Скорей оправь прическу! Пощади.

Когда же ветер, овевая ниву,
Заматывает локоны в клубки,
Я тотчас же в своей тоске ревнивой
Тебя ревную к ветру по-мужски.

1842

136

Мужское отрезвленье — не измена.
Красавицы, как вы ни хороши,
Очарованье внешности мгновенно,
Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
Когда-нибудь сотрется и сойдет,
Со стороны мужчины недостаток:
Любить не сущность, а ее налет.

Природа красоты — иного корня
И вся насквозь божественна до дна,
И к этой красоте, как к силе горней,
В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
И никогда не может стать стара.
Навек блаженны любящие двое,
Кто живы силами ее добра.

Лишь между ними чувством всё согрето,
И если есть на свете рай земной —
Он во взаимной преданности этой,
В бессмертной этой красоте двойной.

1842

137. МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

Князю М. П. Баратаеву

Перед твоей могильною плитой,
Седой герой, склоняю я колени.
О, если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, свое творенье!

Как оправдалось то, что ты предрек
Пред смертию стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок.
Твои заветы превратились в дело.

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаньями спешат,
Льды Севера расплавив сердцем Юга.

Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.

Каспийское и Черное моря —
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собой миря,
Из-за границы к нам плывут в объятья.

Покойся сном, прославленный герой!
Твои предвиденья сбылись сторицей,
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробнице.

1842

138. НАДПИСЬ НА АЗАРПЕШЕ КНЯЗЯ БАРАТАЕВА

Сладость нальешь —
Радость найдешь.
Пей на здоровье.

1842

139. ЗЛОБНЫЙ ДУХ

Кто навязал тебя мне, супостата,
Куда ты заведешь меня, вожак?
Что сделал ты с моей душой, проклятый!
Что с верою моею сделал, враг?

Ты это ли мне обещал вначале,
Когда ты обольщал меня, смутьян?
Твой вольный мир блаженства без печали,
Твой рай, суленный столько раз, — обман.

Где эти обещанья все? Поведай!
И как могли нежданно ослабеть
И уж не действуют твои беседы?
Где это всё? Где это всё? Ответь!

Будь проклят день, когда твоим обетам
Пожертвовал я сердца чистотой,
В чаду страстей, тобою подогретом,
И в вихре выдумки твоей пустой.

Уйди и скройся, искуситель лживый!
По милости твоей мне свет не мил,
Ты в цвете лет растлил души порывы.
О, горе тем, кого ты соблазнил!

1843

140

Вытру слезы средь самого пыла
И богине своей, и врагу.
Пламя сердца, как ладан кадила,
Не щадя своих сил, разожгу.

Светозарность ее мне на горе,
В нем она неповинна сама.
Я премудрость ловлю в ее взоре
И схожу от восторга с ума.

Как ей не поклоняться с любовью?
Красоте ее имени нет.
Только ради ее славословья
Я оставлю в поэзии след.

1843

141. ЧИНАРА

На берегу могучая чинара
Над кручею раскинулась шатром —
Тенистое убежище от жара,
Приют полураздумий-полудрем.

Шумит Кура, чинару в колыбели
Качает ветер, шелестит листва.
Едва ли это шум без цели:
В нем слышатся какие-то слова.

Как любящий возлюбленную, яро
Целует корни дерева Кура,
Но горделиво высится чинара,
Чуть-чуть качая головой шатра.

Повеет ветер — и одною дрожью
Забьются и чинара и река.
Как будто всё у них одно и то же,
Одна и та же тайна и тоска.

1844

142

Осенний ветер у меня в саду
Сломал нежнейший из цветов на грядке,
И я никак в сознанье не приду,
Тоска в душе, и мысли в беспорядке.

Тоска не только в том, что он в грязи,
А был мне чем-то непонятным дорог, —
Шаг осени услышал я вблизи,
Отцветшей жизни помертвелый шорох.

⟨1845⟩

143

Ты самое большое чудо божье.
Так не губи меня красой своей.
Родителям я в мире всех дороже —
У нас в семье нет больше сыновей.

Я человек простой и немудрящий.
Подруга — бурка мне, а брат — кинжал.
Но будь со мною ты — в дремучей чаще
Мне б целый мир с тобой принадлежал.

10 января 1845

144. СУДЬБА ГРУЗИИ

Поэма

ПОСВЯЩЕНИЕ КАХЕТИНЦАМ

Кахетинцам, истинным грузинам,
Маленького Каха землякам,
Эта речь о времени старинном,
О царе, навеки близком нам.

Образ гордости и славы нашей,
Как он видится мне самому,
Посвящаю вашему бесстрашью,
Жизнерадостности и уму.

И когда у вас заходят чаши
И раздастся величаний гром
На торжественной пирушке вашей,
Помяните автора добром.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Господи, спаси и дай победу!
Свой народ тебе я предаю,
Ты ведь знаешь сам, какие беды
Обступили Грузию твою.

Господи, враги неисчислимы.
Помоги нам, боже, в эти дни.
Пронеси свой гнев господень мимо,
Грузию спаси и сохрани», —

Так молился в лагерной палатке
Царь Ираклий, рвением горя.
Были жарки накануне схватки
Слезы сокрушенного царя.
На Крцаниси для отпора шаху
Стало войско твердою ногой.
Здесь придется Маленькому Каху
Силами помериться с Агой.

С юга показались персияне.
Небо в эти страшные часы
Изливало на поле сиянье
В блеске всей полуденной красы.
Царь сказал: «Гляди, моя дружина,
Как заносчив нечестивый враг.
Слушай, воинство мое! Грузины,
Судьбы Грузии у вас в руках.
Отдадим ей всё, что только можно.
Я надел, как вы, простой доспех.
Ныне выяснится непреложно,
Кто отчизну любит больше всех».
— «Счастье, — отвечало войско хором, —
Что ты сам здоров и невредим,
Стыд робеть таким волкам матерым
С бравым предводителем таким!
Только ты живи и долгоденствуй.
За тебя отрадно умереть:
Что нам враг, когда для нас блаженство
Знать тебя в живых и лицезреть».

Царь был рад ответу ополченья.
Тут его любили, как отца.
Трубы затрубили наступленье.
Встрепенулись ратников сердца.
Кто, заслышав эти переливы,
Не захочет броситься вперед?!

В чьей душе, и в самой боязливой,
Звук трубы отваги не зажжет?
Разгорелся жаркий бой. Грузины
Ринулись на персов, словно львы.
Кровь ручьями хлынула в низины
И в Куру чрез луговые рвы.
Обе стороны схватились близко,
Бьются и не замечают ран.
Тут весь цвет страны — Тамаз Энисский,
Тут и Абашидзе Иоанн.
Не слабеет общая решимость,
Царь — живой прообраз храбреца.
Несмотря на их неустрашимость,
Бой в разгаре, не видать конца.
Шапки вмиг надвинули грузины,
Взяли шашки, свистнули клинки,
И врубились хваткою старинной
В построенье вражье смельчаки.

Ночь границу положила бою.
У грузин бесспорный перевес.
Царь Ираклий посмотрел вдоль строя.
Временный восторг его исчез.
Он уже не рад своей победе.
Юношам убитым нет числа.
Сколько неутешных слез в наследье
Эта битва близким принесла!
Их могил уже мы не застанем,
Имена рассеяны их в прах.
Памятника нет с напоминаньем
О святых и славных их делах.
Тишина скрывает эти тени.
Спите мирно, тени! Всё равно
Слух о вас лелеет провиденье.
Вам истлеть бесследно не дано.
Вечно живо, цело и сохранно,
Что в веках оставило печать,
И, покамест не забудут хана,
В Грузии вас будут вспоминать.

Царь сказал начальникам: «Нас мало.
Надобно врага предупредить:

Запереться в крепость Нарикалу
И ее поспешно укрепить.
Здесь у хана мы как на ладони,
За стеной же, на крутой скале,
Он поверит, что — при всем уроне —
Мы еще в значительном числе.
Поговорка есть для обихода:
„Силу хитрость может превозмочь“».
Согласились с этим воеводы
И ушли в Тбилиси в ту же ночь.

Утром были жители в унынье.
Город весь окутывал туман.
К Нарикале, крепостной твердыне,
Подступил с утра Магомет-хан.
Без успеха трое суток сряду
Била стены грозная орда.
Хан уж снял бы, может быть, осаду,
Если бы не новая беда.
Хоть никто не ждал ее отсюда,
Но пришла измена в их среду,
И, к стыду, их собственный Иуда
Предал их за небольшую мзду.
Царь хотел, открытием взбешенный,
Вылазкой отбросить персиян,
Чтоб поправить часть того урона,
Что нанес предателя обман.
Но уже последствия измены
Обрекали дело на тщету.
Дожидаясь сдавшихся, надменно
Хан стоял на крепостном мосту.
Чуть ворвавшись в крепости пределы,
Он искал по всем углам того,
Кто отсрочивал ему так смело
И так долго это торжество.
А того уж поминай как звали.
Царский конь был силен и ретив.
Царь Ираклий был на перевале,
Честь победы персам сократив.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Шумную Арагву с двух сторон
Стиснули стеной лесистой горы.
Шум Арагвы удесятерен
Шумом их немолчного повтора.
Чудные Арагвы берега!
Яркие луга, деревьев шелест!
В Грузии кому не дорога
Ваша зеленеющая прелесть!
В этом месте едущий верхом,
Как бы ни спешил, с коня соскочит.
Горло освежит себе глотком,
Чуть подремлет, лоб водою смочит.
И, хотя б потом он опоздал,
Он не опечалится у цели,
Что дорогой небольшой привал
Сделал средь цветущего ущелья.

Солнце заходящее горит
Средь раскинувшегося простора.
На открывшийся волшебный вид
Из шатра царь смотрит с косогора.
Вдаль вперив в рассеянности взгляд
И в руках перебирая четки,
Наблюдал Ираклий, как закат
Догорает в этот миг короткий.
Рядом был советник Соломон.
Он стоял, глазами дали меря.
Кто о нем не слышал! Испокон
Заслужил он у царя доверье.

Долго ничего не говоря,
Любовался царь игрой потока,
Вдруг, смешавши зерна янтаря,
Он проговорил, вздохнув глубоко:
«Соломон, тебе наперечет
Ведомы народные страданья,
Строй моей души и мыслей ход,
Нынешнего царства состоянье.
Долго я вначале был один
И ловил кругом косые взоры.

Я любви не встретил у грузин
И ни в ком не находил опоры.
И теперь, когда мечта моя
Окупает прежние усилья,
Что преподнесли мне сыновья
И кому при этом угодили?

Хан отведал крови, как палач,
И угомонился только внешне.
У него от наших неудач
Положенье с каждым днем успешней.
Для лезгин настал желанный миг.
Только этого и ждут османы.
Грузию средь княжеских интриг
Раздерут на части басурманы.
Как я ни бодрись в свои лета,
Силы главные мои иссякли.
Маленькому Каху — не чета
Твой седой теперешний Ираклий.
Сам скажи: кому из сыновей
Мне в такие дни престол оставить?
Дальше будет только тяжелей.
Ну, так кто страною будет править?
Где же выход? Подскажи исход!
Вот решенья самые простые:
Русские — прославленный народ,
И великодушен царь России.
С ним давно уже у нас союз.
С ним меня сближает православье.
Кажется, я передать решусь
Власть над Грузией его державе».

Несколько мгновений Соломон
Собеседника глазами мерил.
Он был этим всем ошеломлен
И еще своим ушам не верил.
Но затем воскликнул: «Господин!
Дай тебе создатель долголетья.
Берегись, чтоб только до грузин
Не дошли предположенья эти.
Что стряслось такого до сих пор,
Чтоб отказываться от свободы?

Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что́ единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинение попав,
Как мы будем жить в своих устоях?
Сколько пропадет людей в тени
От разлада с чувствами своими?
Не спеши, Ираклий, сохрани
По себе нетронутое имя.
Жизнь, пока ты жив, идет на лад,
А умрешь — тебе какое дело,
Как поправит рухнувший уклад
Будущий правитель неумелый?»

«Это мне известно самому, —
Отвечал Ираклий, — в том нет спору.
И, однако, что я предприму?
Где народу отыщу опору?
Я сужу ведь не как властелин,
Льющий кровь, чтоб дни свои прославить.
Я хочу, как добрый семьянин,
Дом с детьми устроенный оставить.
Для страны задача тяжела —
День за днем всегда вести сраженья,
Сам ты убедился, сколько зла
Принесло нам это пораженье.

Хорошо еще, что Мамед-хан
Только главный город наш разграбил
И по деревням средь поселян
Меру зверства своего ослабил.
Требуется некий перелом.
Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды».
Не стерпел советник. «Господин, —
Молвил он, — твой план ни с чем не сходен.

Презирает трудности грузин
До тех пор, покамест он свободен».
— «Верно, Соломон. Но сам скажи:
Много ли поможет это свойство,
Если под угрозой рубежи
В эту пору общего расстройства?
Я готов молчать, но не забудь,
Я предсказываю, в дни лихие
Сам повторишь ты когда-нибудь:
„Будущее Грузии — в России“».

Так советник со своим царем
С болью судьбы Грузии решали.
А в ущелье далеко кругом
Жили люди тою же печалью.
В это время поднялась луна.
Царь взглянул. Ночное небо в звездах.
Ширь Арагвы бороздит волна,
И еще свежее горный воздух.
Защемило сердце у царя.
Вспомнил он те времена со стоном,
Когда, власти в царстве не беря,
Он владел лишь кахетинским троном.
Юный, беззаботный, в цвете сил,
Вызывая в людях обожанье,
Он всегда в те годы выходил
Победителем из испытаний.
Он сказал, от прошлого вполне
Будучи не в силах отрешиться:
«Соломон, пора спуститься мне
В нашу разоренную столицу.
Но пред этим я б хотел хоть раз
Побывать в Кахетии родимой,
Какова узнать она сейчас,
Чем живет, какой нуждой томима?
Ей моя забота и любовь.
Ты ж, пожалуйста, не поленися,
Всё для въезда в город приготовь».
И советник выехал в Тбилиси.

Утром он на следующий день
Ехал через Ксанское ущелье.

Он свою семью под эту сень
Поселил в тревожные недели,
И естественно, что он с тропы
Завернуть решил к своим домашним.
Направляя к ним свои стопы,
Думал он о вечере вчерашнем:
«Слава, господи, путям твоим,
Одному ты вверил власть над краем.
Дурень и мудрец равны пред ним,
И его приказ непререкаем.
Как игральной костью, мы даем,
Царь, тебе играть своею долей,
Но не с тем, чтоб отдавать в заем
В третьи руки нашу жизнь и волю.
Пользуйся свободой для себя,
Возвышай нас и к величью двигай,
Но, правами злоупотребя,
Не передавай в чужое иго.
Может, случай с крепостью привел
До того царя в ожесточенье,
Что виной предателя он зол
И на остальное населенье?
Но Ираклий знает, как любим
В Грузии он от низов до знати.
Почему ж он сделался другим
И переменил свои понятья?
Но как знать? Возможно, лишь ему
Видимо вполне, что краю надо.
И доступное его уму
Не открыто для простого взгляда?»

В этих мыслях к дому подскакал
Наш советник по двору и лугу
И на галерее увидал
Софью, верную свою супругу.
Выбежав навстречу до угла
И обнявшись с мужем у ограды,
На его лице она прочла
След заботы с первого же взгляда.
«Что с царем?» — она спросила, вдруг
Угадавши, чем советник болен.

«Кажется, грузинами, мой друг
Софья, наш Ираклий недоволен.
Он молчит и хмурится. Хотя
Это спорно, я такого мненья:
Он нас всех намерен не шутя
Наказать за неповиновенье.
Кажется, он русскому царю
С Грузией отдастся под защиту.
То-то будет время, посмотрю!
Вкруг грузинок — франты, волокиты!
В Петербурге чем не благодать?
В государе вы отца найдете,
В государыне — вторую мать.
Жизнь начнется в холе и почете.
Роскошь, просвещенная среда,
Развлеченья, пышные палаты
Вас забыть заставят без труда
Лязг оружья, войны и утраты.
Рядом будут люди вам под стать.
И средь образованного барства
Кто опять захочет увидать
Грузии истерзанное царство?»

«Пусть умру я раньше, чем пойду
Домогаться счастья на чужбину.
Изменив родимому гнезду,
Я вдали иссохну от кручины.
Можно ли к немилому жилью
Душу привязать отделкой редкой?
Голая свобода соловью
Всё ж милей, чем золотая клетка.
Стоят ли богатство и почет,
Чтоб лишаться ради них свободы?!
Дома загрустится от забот —
Есть с кем обсудить свои невзгоды.
Разве так заманчивы места
У царя чужого и царицы?
И у нас есть царская чета —
Ею следовало бы гордиться».

Думал ли советник, что средь бед
Будет сердце женское так твердо?

Крепко обнял он жену в ответ,
Радуясь ее словам и гордый.
Женщины былого, слава вам!
Отчего, святые героини,
Ни одна из женщин больше нам
Вас напомнить не способна ныне!
Стынет в женщинах душевный пыл.
Без него теплей в столичной шубе.
Ветер севера оледенил
В жилах их следы отчизнолюбья.
Что им там до братьев, до сестер?
Им бы только жизнью наслаждаться.
Грузия? Грузины? Что за вздор!
Разве важно, как им называться?

Царь стоял и слезы проливал
Над тбилисской страшною картиной.
Он нашел обломки стен, развал,
Дым пожарищ, кругозор пустынный,
Он нигде не встретил ни души,
Лишь, как горький ропот, то и дело
Раздавался плеск Куры в тиши.
Лишь она от персов уцелела.
Вновь в Тбилиси двинулся народ,
Услыхав, что царь опять в столице.
Частью вновь отстроясь, в свой черед
Город уж не мог восстановиться.
Мирно годы отдыха прошли.
Вновь Ираклий ощутил желанье
Вынуть меч за горести земли,
Персам и лезгинам в воздаянье.
Было в старости ему дано
На османов вновь обрушить силы,
Но всё было раньше решено,
Ибо сердце царское давно
Твердо судьбы Грузии решило.

1839
Тбилиси

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ

Вахтанг Вахтангович Джамбакур-Орбелиани родился 5 (12) апреля 1812 года в Тбилиси. Отец его, полковник русской армии, был убит за два месяца до рождения сына, мать Тэкле, дочь царя Ираклия II, сама воспитывала сына до тринадцати лет, и под ее влиянием складывалось его мировоззрение.

Мальчик был определен в Тбилисское благородное училище, а в 1825 году — отправлен в Петербург, в Пажеский корпус. Но петербургский климат оказался вредным для юноши, он заболел и через два года был вынужден вернуться на родину.

Вахтанг Орбелиани усиленно занимался самообразованием, изучением русского и французского языков. Он основательно познакомился с выдающимися произведениями русской и западноевропейской литературы — с Пушкиным, влияние которого несомненно отразилось на произведениях поэта, с Шекспиром, Гёте, Шиллером, Гюго.

Вращаясь в кругу передовой грузинской молодежи, он особенно сблизился с публицистом и философом С. Додашвили, оказавшим большое влияние на поэта.

Вахтанг Орбелиани — один из главных участников заговора 1832 года. Следствие зачислило его в первый разряд преступников и приговорило к смертной казни, замененной высылкой в Калугу.

Четыре года спустя, в 1837 году, он был амнистирован и вернулся в Грузию. Здесь он поступил на военную службу. В 1838 году он прапорщик, в 1858 — полковник, в 1860 — генерал-майор.

На военной службе В. Орбелиани пробыл до 1881 года, занимал ряд важных постов (управляющий Кубанской областью, начальник Терского края и т. д.) и общественно-выборных должностей: был членом крестьянского присутствия, мировым посредником.

Умер В. Орбелиани в 1890 году. С большим почетом он был похоронен в Тбилиси, в Сионском храме.

145. ПРОЩАНИЕ

Прощайте, долины, любимые мною долины,
Холмы и ущелья, сиянье зеленых полей,
И гордые горы, вознесшие к тучам вершины,
И вод серебро, потоков алмазных светлей.

Отчизна, твоею я выкормлен силой,
Прощай, тебя оставляю с заветной мечтой...
Отважных бойцов обагренная кровью могила,
Где бы я ни был и кем бы я ни был, — я твой.

⟨1834⟩

146. ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

Плачет изгнанный далеко в чуждом, сумрачном краю
И горюет, что улыбку не встречает он твою.

Как терзаюсь, как наказан пребыванием вдали —
Мог бы высказать всевышний, но уста бы не смогли.

Сушит грустного пришельца новоселья мрачный вид,
В полночь — месяц не ласкает, в полдень — солнце не живит.

В этой тягостной разлуке чувства скорбью обвиты.
Так без солнца умирают прежде времени цветы.

Если нет росы небесной, чей язык задаст вопрос:
«Почему росток хиреет и засох, а не возрос?»

И скиталец на чужбине сердцем, тающим вконец,
Жаждет родственного взора, как сияния — слепец,

Как изгнанник — сладких песен, песен родины своей,
Как сожженный солнцем странник — охлаждающих ветвей.

Между 1834 и 1837

147. К АРАГВЕ

Возвращен я вновь на брега твои.
Как во сне звучит плеск родной струи.
Но не внятен мне твой приветный шум —
Не разгонит он одиноких дум.

Зелен берег твой. Под крутым холмом
Спит любовь моя. Спит могильным сном.
И в лучах зари, и в лучах луны
Бледен лик ее и уста бледны.

Ни слеза моя, ни твоя волна
Не прервут ее неживого сна.
О река моя! Что журчишь, зачем?
Пощади меня. Я и глух и нем.

Между 1837 и 1839

148

Как светило, встающее из-за склона восточного,
Вдруг разгонит сиянием мрак тумана полночного
И украсит вселенную разноцветной одеждою,
Так и сердцу бесплодному юность светит надеждою.
Пусть светило закатится, канет в бездну подводную,
Пусть природа оденется в ризу ночи холодную, —
Утром небо засветится, солнце встанет над тучами,
Отогреет вселенную поцелуями жгучими.
За надеждою взорами, как за солнцем, я следую.
Знаю, утро воротится; завтра с милой беседую,
Завтра сердцу усталому радость тайная встретится,
Истомленное бурями новым светом засветится.

Я к тебе иду,
Мозг в огне, в бреду.
Ты его гнетешь,
А как речь начнешь —
Мысль твоя чиста.
На мои ж уста
Налегла печать,
Но легко молчать.
Тает в сердце след
Прежних черных лет,
Властью нежных слов
Снят с него покров.
Так в засуху лес
Ждет росы с небес.
Так и странник ждет,

Что звезда взойдет
Над речной косой.
Сердцу будь росой,
Бремя облегчи,
Будь звездой в ночи!

1840—1849

149. СОЛОВЕЙ

В тишине, недоступная взглядам,
Роза нежно цвела близ ручья,
И, сокрытая зеленью, рядом
Вечным смехом звенела струя.
День лишь новый вдали занимался,
Ворон с карканьем к розе спускался,
А вблизи средь безлистых ветвей
Тихо бедный стонал соловей,
И оплакивал розы позор он,
И смотрел, как терзал ее ворон.

Злой властитель, исполненный гнева,
На несчастного каркал певца:
«Как несносны мне эти напевы!
Слух столь нежный возлюбленной девы
Как ты смеешь терзать без конца?»
Но опять и опять соловей
Пел о страсти погибшей своей.

Что поведаю? Ворон тот смелый,
Чья душа не белее, чем тело,
Скоро страсти наскучил усладой:
Розу с карканьем стиснув в когтях,
Растерзал и умчался из сада.
Та, увянув, упала во прах.
Соловей же без устали нежно
Пел о страсти своей безнадежной.

⟨1850⟩

Вахтанг Орбелиани

150. ДМАНИСИ

От отцов моих и дедов ты достался мне, Дманиси!
Но чего я жду, Дманиси, от твоей бесплодной выси?
Высока скала крутая, грозный каменный отвес,
Не цветет кругом долина, не бежит на склоны лес,
Плуг не бродит неустанно по хребтам твоим бесплодным,
Ты не радуешь владельца голубым ручьем холодным,
Нет здесь лоз, чтоб щедрым сбором утолил я скорбь свою.
Чтоб, вином твоим согретый, стал причастен забытью.
Человек ступать не смеет по глухим твоим дорогам.
Если не был ты доселе благосклонно узрен богом,
Если нынче ты, Дманиси, непригоден ни к чему, —
Отчего ж ты, бесполезный, дорог сердцу моему?
Но ведь замок — тот, что скалы обнимает здесь сурово —
Башня крепости могучей, храм, прибежище отцово,
Древле — гордые твердыни, ныне — тишина и прах, —
Это всё — страницы книги, предком писанной в веках.
Пред тобой стою, Дманиси, твой владелец и потомок,
Как и ты, последыш славы, зданья мощного обломок,
Пред тобой стою поникший, горькой памятью томим, —
И живет, цветет волшебно всё, что мнилось мне былым.
Но зачем так сладко сердцу вспоминать о том, что было,
Что ушло и не вернется, что томительно и мило,
Что терзает мысль и душу, надрывает стоном грудь?
Полно, сердце! Сон минувший, смутный сон скорей забудь!
О, исчезни, мой Дманиси! Сгинь навек, скала седая!
Ты не стой перед очами, грудь мне памятью терзая!

1866

151. НАДЕЖДА

1

Кто ты, молви, о дивная дева безвестная?
К нам из края какого явилась, прелестная?
Кто красою твоей любовался дотоле?
В небесах ли цвела ты, в земной ли юдоли?
Кто воспел тебя — ангелы в горней обители
Иль пределов земных пораженные жители?
Или ангел сама ты, что, жалобам внемля,
Из заоблачной выси сошел к нам на землю?
Или ад сатану высылает к нам злобного,
Искусителя, прелестью деве подобного?
Если ж вправду ты дева и к смертным причастна,
Если сердце в груди твоей бьется прекрасной,
Так поведай, кто волей создал всемогущею
Совершенство, гармонию, прелесть цветущую?
Кто в тиши тебя нежно взлелеял, счастливый,
И тобою чей взор опьянялся ревнивый?
Средь цветов не Восток ли взрастил тебя солнечный,
Иль пришла ты из края угрюмого полночи?
Наш привет, о прелестная, шлем тебе чистый.
Так Иверии с лаской в ответ улыбнись ты,
Где природа, подобная зодчему некому,
Словно замки, возводит утесы над реками,
Где приподняли горы края небосклона,
Где цветами земли украшается лоно,
Где смеются потоки сквозь рощи зеленые,
Где и днем соловьи распевают влюбленные,
Блещут розы и лето и зиму красою,
Ночью — ветром ласкаемы, утром — росою,

Где под небом прозрачным живительно дышится,
Где напевы бессмертного Бесики слышатся,
Где Давида народ не забыл и Тамары
И стихов Руставели не умерли чары.
Здесь наш край — и, коль жить тебе с нами
понравится,
Мы ковром наше сердце расстелем, красавица;
Древней Грузии будь упованием юным,
Будь звездою небесной, сиянием лунным.

2

Но нередко заметит твой взор опечаленный
След былого — чертогов и замков развалины.
На утесах повисшие замков твердыни
Смотрят в бездну, развалины голые ныне.
Меж камнями святые могилы забытые
В запустении глохнут, лесами покрытые;
Но никто по усопшим обедни не служит,
Только ветер порой над могилами кружит.
Что за горе Иверию, спросишь, постигнуло?
Что за памятник скорбный судьба ей воздвигнула?
То прошедшее наше и путь наш суровый.
Упование наше, венец наш терновый.
На святыне следами кровавыми выжжена
Злая повесть о родине нашей униженной.
Хочешь знать, отчего наша родина плачет?
Крест святой и Иверия — слово то значит.
Наших славных отцов ополчение братское
В их защиту сражалось с ордой азиатскою,
Дланью левой дворцы воздвигая и храмы,
Дланью правой булат свой сжимая упрямо.
«Иль врага победим, иль погибнем со славою».
Вся земля оросилась рекою кровавою.
Но душа твоя добрая, вижу, трепещет,
Жемчуг слез на ресницах опущенных блещет.
Что осталось от славных? Могилы безвестные
Да врагом разоренные долы окрестные.
Нам лишь крест этот дорог — то клад наш единый,
Для него не щадят своей жизни грузины.
Стала родина наша героев гробницею,
Стала жатвы кровавой печальною жницею.

8

Сердце стонет, и всё мне на свете постыло,
Лишь о горе задумаюсь Грузии милой,
Лишь припомню, что слышал от матери в детстве я
Про отчизны страдающей тяжкие бедствия.
Молвил храбрый Ираклий, наш Маленький Кахи:
«Край грузинский покинут неверные в страхе».
Бьется в долах, в горах, за отчизны пределами,
И от самой Куры с ополченьями смелыми
Бьется, глаз не смыкая, отважно и долго...
Не захватит в могилу он родине долга.
Не пора ль отказаться от боя неравного?
Не устал ли Ираклий от подвига славного?
Город весь обступили неверных знамена.
Как? Устал? Но отчизны, Христом просвещенной,
Не захочет отдать он без кровопролития!
Или вздумал без боя врагам уступить ее,
Перед персом склониться, чье иго он свергнул?
И светлы его взоры и ум не померкнул?
Смерть ему не отрадней ли счастья презренного
Стать наместником льстивым у шаха надменного?
Разве подданных смелых собрать он не может,
Что без страха за родину голову сложат?
Или те, что Шамхор и Аспиндзу прославили,
Все погибли, потомков своих не оставили?
Нет! Три тысячи делят с ним подвиг геройский!
Что ж! Три тысячи храбрых — немалое войско!
То дворяне идут и князья благородные,
С нами, внуками, доблестью древней не сходные.
Городские врата защищают надежно.
«Все поляжем», — решение их непреложно.
Гуралидзе из пушек в противника целится:
Иль падет он, иль поле врагами устелется.
Юным оком врагов мерит царь престарелый.
Бой готовит им завтра, по-дедовски смелый.
Но на подданных взглянет ли — сердце не радуют!
Слезы жаркие наземь из глаз его падают.
Ты за подданных братьев тревогой охвачен?
Не печалься, высокий удел им назначен!
За метехским крестом гаснет солнце закатное,
Завтра войску победу сулит, благодатное.
День великий светает, для повести трудный.

Вы, грузины, внемлите той повести чудной.
Здесь три тысячи, мощью полны необъятною,
С вражьей силою встретятся двадцатикратною.
Вот взгляните, сколь доблести в войске грузинском!
Как сражается с войском врага исполинским!
Но к чему ж моя речь?! Нашу душу угасшую,
Наше сердце, в пустом равнодушье погрязшее,
Не наполнит печалью былого преданье.
Слез не вызовут тяжкие предков страданья.
Мы не помним, как нас обязали несчастные.
Слепы мы, наши взоры темны безучастные.
Лишь бы век пировать нам, наследство растратив,
Клеветой очернять наших ближних и братьев.
Лишь бы солнце сияло, грозой не мрачилося.
Нам ли ведать, что встарь в Саганлуках случилося!
Был бы светел наш лик и чиста наша совесть,
Мы Куры и Арагвы постигли бы повесть.

4

Вам, Кура и Арагва, минувшему верные,
Шлю привет поутру и порою вечернею.
Ваша повесть кровавым расшита узором.
Но иное любезно детей ваших взорам.
Мы довольны природы дарами богатыми.
Чистый воздух вдыхаем, что полн ароматами,
Наслаждаемся шумом потока в ущелье,
На лазурное небо взираем в веселье,
А того не постигнем душой безмятежною,
Что́ за землю стопой попираем небрежною.
И не вспомним, сколь тяжкою мукой томился
Тот герой, как в отчизне своей усомнился...
Лишь тогда он покоя достигнул желанного,
Как в Телави мы зрели его, бездыханного.
Жизнь Ираклия долгая — бой непрестанный.
Передашь ли, расскажешь ли подвиг сей бранный!
Христиане-соседи, вы что не вступилися,
Как близ вас мы во славу Спасителя билися?
Вы с улыбкой Ираклию слали приветы,
Расточали хвалы, подавали советы,
Вы владыкам служили с покорностью рабскою,

Преклонялися в Риме пред святостью папскою,
Торговали в чертогах властителей честью,
Осыпали наложниц их царственных лестью!
Не надейтесь, пятно не сотрется позорное.
Ваши дети печатью отмечены черною!
Кровь святая прославленных ждет искупленья,
И падет на потомков злосчастных отмщенье.

5

Мысль безумствует, сердце неистово гневное.
Веру чистую скорбь побеждает душевная.
И вопрос святотатственный сердце волнует:
«Вправду ль верите, други, что бог существует?»
Если рук его дело — земли сотворение;
Если то не пустое глупцов измышление;
Если небо, и звезды, и долы, и недра
Одаряет он жаром живительным щедро;
Если создал он нас, дал язык, разумение;
Если дал он полям и долинам цветение,
И из хаоса создал и море и сушу,
И вдохнул в нас живую бессмертную душу;
Если жизнь он дарует и свет справедливости;
Если может народы из бедствий он вывести, —
То почто наша Грузия ныне во прахе?!
Не роптала ль душа твоя, Маленький Кахи,
Как взглянул с Авлабара на город утраченный,
Словно факел пылавший, пожаром охваченный?
Что лицо отвратила, прелестная дева?
Иль на речи кощунства исполнилась гнева?

6

Но, несчастный, хулой оскорбить дерзновенною
Как осмелюсь того, кто царит над вселенною?!
Смертный, создан из праха, Адамово племя,
Снова в землю паду я, греховное семя.
Смерть настигнет — напрасно сокрыться пытаюся,
Не останусь и в смерти — с землею смешаюся.
А постигнуть дерзаю божественный разум,
Быть хочу я всевышнего воле указом.

Мерю силою слабою мощь провидения,
Свет небесный увидеть хочу в ослеплении!
Боже правый! Прости заблудившейся твари,
Не подвергни безумца злосчастного каре.
Что мне делать? Душа моя мечется грешная,
Как припомнится Грузия мне безутешная:
Даже камни во прах превратятся, — быть может,
Славных имя и память века уничтожат!

7

Тут приблизилась кроткая дева прекрасная.
Дивным блеском лицо озарилося ясное.
«Верь, деяния предков в забвенье не канут,
Верь, развалины эти к величью восстанут.
Мудрый бог православных рукою всесильною
Осенит вас и жизнь вам дарует обильную.
Новым блеском оденется край пострадавший,
Возродится народ, за Спасителя павший.
Дружбой чистою связана с вами отныне я,
Буду верною гостьей в минуту уныния».

8

Пред небесною девой колени склоняю.
«Кто ты, дивная?» — прах ее ног я лобзаю.
Хоть ответом прелестная не удостоила,
Но наполнила радостью и успокоила.

Между 1859 и 1879

152. ГЕЛАТИ

Есть уголок — я не видел чудеснее края,
Прелесть его уподоблю я прелести рая,
В мире ничто не сравнится с его красотою,
Тяжко расстаться с его тишиною святою.
Взглядом простишься, но сердцем ты с ним
не простишься,
Сердцем взволнованным вечно к нему ты стремишься.
Летом он дышит эфиром, исполненным света,
Грудь его ласковым солнцем зимою согрета.
Ночью светила сияют ему с небосвода,
Жарко пылая на всем протяжении года.
Радует ярким цветеньем и негою чудной
Южного солнца возлюбленный — край изумрудный.

Там возвышаются на темноглавой вершине
Стены замшелые тысячелетней твердыни.
Здание прочно стоит, величаво, могуче,
Мнится, что внемлют ему и ущелья и кручи:
«В горном лесу одиноко смотрю на долины,
Ваш полновластный хозяин, властитель единый!»
Спросите: «Что тут за зданье?» — ответ неизменный
Сами дадут эти тысячелетние стены.
Камни, чья стойкая мощь нерушима поныне, —
Это бессмертная летопись древней твердыни.

Зданье гласит: «Я воздвигнуто мощной десницей,
Десять веков надо мной были громом, зарницей.
Десять веков на меня ополчались метели,
Горы и долы от вихрей свирепых гудели.

Град меня мучил и молнии жгли меня гневно,
Гибелью, уничтоженьем грозя каждодневно.
Но посмотрите: как прежде, живу я на свете,
Хоть мои камни замшели за десять столетий!
Я на вершине да небо в томительном бденье
Видели Грузии славу, а после — паденье.
В лоне своем я гробницу храню солнцеликой,
Дивной Тамары, царицы прекрасной, великой.
В сердце народа и в песнях бессмертна царица —
Светлая гордость, любовь и восторг иберийца.
Рядом с Тамарой почиет Давид в благодати.
Я стерегу их останки. Но кто я? — Гелати!»

1879

153. ДВА СНОВИДЕНЬЯ

(Посвящается Васо Абашидзе)

Мне снилось — я достиг горы великой той,
Где славит господа хор ангелов святой.
Моя прекрасная Иверия родная
Открылась предо мной от края и до края.
Но бездыханною и мертвой возлегла
И пламенем земным, как прежде, не цвела.
От солнечных лучей, над ней сиявших щедро,
Не ожили во льдах закованные недра,
Потоки и ручьи остановили бег,
Цветы долинные покрыл тяжелый снег,
Не зыбил ветерок ни дере́ва, ни воды,
И замерли черты угаснувшей природы.
Я видел множество соборов и домов,
Но был разрушен их великолепный кров.
Так мне Иверия предстала бездыханна,
Но даже мертвою она была желанна.
Так деву чистую мы предаем земле —
И руки скрещены, и бледность на челе.
Ее не оживит сверкающая радость,
Но светится в чертах как бы живая сладость.

Мне снилось — я опять достиг вершины той,
Где славит господа хор ангелов святой,
И вновь Иверия моим открылась взорам,
Но жизнь теперь текла по радостным просторам.
Впивая теплоту от солнечных лучей,

Ущелья горные дышали горячей,
Потоки с грохотом неслись путем скалистым,
И реки быстрые руслом сверкали чистым.
В долинах запестрел сквозь изумруд лугов
Вновь благовоньями вздыхающий покров.
Соборы и дворцы как бы волшебным словом
Восстали из руин в великолепье новом.
Кругом колокола, и заступ, и кирка
Звучали весело в горах издалека.
Сыны Иверии могучими руками
Украсили страну роскошными домами,
Сияли небеса чудесной синевой,
И на земле народ счастливый, трудовой
Проснулся...

1879

154. КАХЕТИЯ

Кто роком придавлен, чья жизнь безутешна и сира,
Кто радостных дней на печальной земле не обрел,
Чье скорбное сердце навеки замкнулось для мира,
Кто жизнь называет сцепленьем бессмысленных зол,
Пусть тот, для кого вся природа нема и сурова,
Мне руку подаст! На вершину взберемся мы с ним:
Там сердце его для желаний пробудится снова,
Погаснувший взор оживится сверканьем былым.
Постигнет он снова отрады и скорби земные,
Минувшего счастья познает ликующий свет,
И грудь его снова стеснится, как будто впервые
Священной любовью он страстно и нежно согрет.
На небо и землю он глянет воскреснувшим оком,
Едва перед ним развернется, безбрежно цветя,
Наш солнечный край, зеленеющий в круге широком, —
Прекрасный эдем, первозданное божье дитя.
Едва он увидит снега, что синеют по кручам
Подоблачно-гордых, лесистых, взмывающих гор,
Увидит наш дол с многоводным потоком могучим —
То бурным средь скал, то струящимся в тихий простор, —
Вновь жизнь воскресит он, несбыточной радостью мучим,
Для нового счастья раскроются сердце и взор.
Когда же и я, о Кахетия наша родная,
С вершины Гомбори взгляну на равнину твою?
Когда, о, когда, созерцаньем свой взор насыщая,
Наполненный кубок во здравье твое изопью?

1880

155. ВОСПОМИНАНИЕ

Я вдаль унесен был судьбы колесницей,
Но к родине юное сердце стремится,
И взору туманным видением снится
Прекрасная наша страна-чаровница.
Далеко скитаясь, я сердцем был с нею,
Нигде виноградника нет зеленее;
Я бедную хижину помнил всегда,
Где мирным теченьем струились года,
Любимые горы, родные долины,
Где воды гремели прозрачной стремниной,
Под ласковым небом блаженные дни,
Веселье и песни в зеленой тени.
И девушки Грузии — жемчуг бесценный,
Чернее их глаз не найти во вселенной,
И как одиноко восходит луна —
Светлее, чем звезды, блистала одна,
Как нежный трепещущий голубь.

. . . .

И сердце мое истомилось в тоске,
Но сладкой надеждой я жил вдалеке,
Я к дому стремился, к жемчужине милой,
Чтоб сердце наполнилось новою силой.
С прекрасною родиной свиделся снова
Под чистым покровом шатра голубого,
Под теми же звездами встретил мой взор
На тучных долинах цветочный узор.
В побегах кустарника, в поросли свежей —
Родные места красотою всё те же,

И с тем же весельем поющий народ,
И радость, из рода текущая в род!
И та, кого ждал я с таким нетерпеньем...
Но сердце ее уж не знало волненья.
От здешнего мира она отошла,
Но так же прекрасна была и светла.

1881

156. СИРОТА

1

Сиротская участь — расти одному.
И отроку в мире ничто не светило.
Но вот провиденье склонилось к нему
И милость свою на него обратило.
И слышал он зов: «Благодатью моей
Священное пламя воспримешь ты кровью.
Бестрепетный разум и сердце имей,
Да к людям твой дух возгорится любовью.
И пламенем слово сойдет с языка,
И слава да будет твоею наградой,
Чтоб имя твое пронеслось сквозь века,
Народам отчизны блистая лампадой».

2

И вот сирота одиноко растет,
Он брат только небу, вершинам и морю,
Он с ними беседует, с ними живет
И делит свое одинокое горе.
Глядит он на небо в полуденный блеск,
На сонные звезды в мерцании ночи,
На чашу огромную темных небес,
Где молнии блещут и громы рокочут.

Он видит — вершинам сродни небеса,
Там снежные троны блистают от века,
В ущельях густые восходят леса
И бездны следят за ногой человека.

3

Прошел сирота по лесам и горам,
Идет вдоль реки по прибрежному склону.
Там море припало вдали к берегам,
Как никнет дитя к материнскому лону.
Пред отроком — сладкие сны наяву:
Уснувшее море чуть плещет, сверкая,
И солнце ласкает его синеву,
Играет и блещет равнина морская.
Но падает солнце в могучую гладь,
И отрока вечер спокойный окутал.
То время светилам полночным блистать,
И в море глядится сверкающий купол.
Вселенная в зеркале отражена —
Там звезды мерцают и светит луна!

4

И отрок услышал таинственный грохот,
Как гибель вселенной, идущей ко дну, —
То море проснулось от тяжкого вздоха
И гневно валы загремели, сверкнув.
И море покрылось волной боевою,
Как всадник кольчугой и шлемом стальным.
Дракон извивался, блестя чешуею,
И голос ревел по просторам земным.
Гремит и бушует и пеною гнева
Он лодки ломает и гнет корабли,
Кольчугою водной бездонное чрево
Стучит в побережье, в ворота земли.
Но, прянув обратно, вздыхает и стонет,
И, вновь набирая сильнее волну,
Ревет и на приступ стремительно гонит,
На стены, держащие море в плену.

На родине дев богоравных Колхида
Глядит, как пред ней отступает волна.
Подножью Эльбруса не страшны обиды,
Великой стране золотого руна.
И отрок создателя видит стремленье,
Но как разгадать ему тайну творенья?

5

Отечество Зевса, героев земля,
Страданий твоих преисполнилась мера,
Ты мудрость хранила, меж всеми деля,
Великая родина старца Гомера!
Как сын сирота у тебя на груди,
И вот, озаренный ученьем Эллады,
По глади морской он плывет и глядит
На снежные в небе далеком громады.
Глядит и не может он взор оторвать,
Родную страну его сердце встречает.
Причалил — и землю спешит целовать,
И слышит, как сердцу земля отвечает!

6

И путь ему снова река указала.
Он видит родное приволье долин.
Здесь новой дорогой прорезаны скалы
И древние храмы встают из руин.
Здесь горных ручьев перекопано ложе,
Там строятся башни, там стены встают,
Потоком стремительным путь загорожен —
Мосты через реки к жилищам ведут.
И молот уж слышен в горах, и лопата,
И взрывы грохочут, и песня растет,
И юноша видит, что жизнью богатой
Любимая родина снова цветет.
И юноша смелый предстал пред очами
Тамары, чей образ прекраснее сна.
Улыбкою нежной, как солнце лучами,
Горам и долинам сияет она.

И юноше время настало стихами
Излить свой высокий и мудрый рассказ,
Как воды ручья, как небесное пламя,
Как жемчуг чистейший, как горный алмаз!

7

С глубокою думой царица глядит
На свиток развернутый в пальцах точеных,
И сердце волнуется в белой груди.
Затихло собранье вельмож и ученых.
Вельможи Тамару прекрасную чтут,
Ждут мудрого слова, улыбки весенней.
И молвит она: «Я увидеть хочу,
Кто создал стихи, жемчугов драгоценней».
Прекрасного юношу к ней подвели.
В глазах его благость струится лучами,
Спокойствие духа и мудрость любви,
Свободы и братства высокое пламя.
И, встретивши взором очей огневых,
Красавица имя его не спросила
И только сказала: «Откуда твой стих,
Его непонятная жгучая сила?»
— «Царица великая! В этих стихах
Твоя красота несказанная дышит!»
Но голос послышался в нежных устах:
«Твое вдохновенье даровано свыше!
Будь славен! Хочу, чтоб писанья твои
В короне моей жемчугами горели!»
Но кто же был юноша, чьей он семьи?
То Шота — великий певец Руставели!

1881

157. ЕЩЕ РАЗ КАХЕТИИ

Не дождусь я дня, о Кахетия дорогая,
Когда вновь взгляну с Гомборской горы на тебя я,
Вниз спущусь, обойду твои рощи зеленые,
Тенью, свежестью и прохладою напоенные.

Не дождусь, когда пиром душу свою успокою,
Чтобы песни твои услаждали слух одна за другою,
«Мравалжамиер» милые звуки чтоб долго не гасли,
Двухголосое чтоб звучало: «Здравствуй, будь счастлив!»
Не дождусь, когда снова увижу дев сладкогласных,
Цветущих, как ты, и, как ты, таких же прекрасных,
Услышу их речи и вспомню всё, что, бывало,
Мучило сердце, и всё, что его услаждало.
Неужель умру, неужели сойду в могилу
И не увижу своей я Кахетии милой!
И не увижу того, чего жаждут очи,
Что мерещится мне в свете дня и в сумерках ночи!
Кахетия, вечно с тобой я, к тебе влекомый,
Слышу и здесь Алазани плеск знакомый,
Мысленно я на Гомборской горе изумрудной
Любуюсь красою долин, расцветающих чудно,
Сок твоих лоз зажигает мне кровь, полный коварства.
«Мравалжамиер! — я пою. — Будь счастлив!
Здравствуй!»

1882

158. ЦАРИЦА

Прекрасная дева стояла, грустна,
Пред юным царем. Кто с ней в мире сравнится?
На мрамор груди голова склонена,
И слезы как жемчуг на черных ресницах.
Царь смотрит в глаза ей. И сердце его
Неведомое взволновало страданье,
Он вздрагивает. Всё его существо
Как бы растворилось в прекрасном созданье.
Он молвит: «Что хочешь? Вот — слава моя,
Сокровища — всё тебе брошу под ноги.
Дворец удивительный выстрою я,
Садами и златом украшу чертоги.
В шелк Персии и в жемчуга красоту
Твою облачу я, на зависть ровесниц.
Уснуть ли на пышную ляжешь тахту,
Проснешься ль — всех лир стерегут тебя песни.
О, только меня пощади, одаря
Любовью! Не мучь, исцели от недуга!
Ни братьев, ни матери нет у царя.
Подумай, как жить властелину без друга».

Но дева, храня опечаленный вид,
Склонившаяся, безответно стоит.

«Чего же ты хочешь? Откликнись, открой!
Надеть мне кольчугу и шлем? О, поведай —
Тебя прославляя, мне броситься в бой,
Вернуться героем с добытой победой.»

Но дева склонилась, молчит. И слеза
Прекрасные ей застилает глаза.

«Ответь! Существо твое сопряжено
С моим. Образ твой позабыть нету силы.
Лицо твое — в сердце иконой оно,
Я в сердце его сберегу до могилы.
Меня ты не знаешь, но как мне не знать
Тебя, за которой следил я так много?
Ты в храме. С тобою небес благодать.
Ты в небе. С тобою сияние бога.
Над люлькой ты в хижине, темной как склеп,
Поешь сироте. Сладко стелются звуки.
В затерянной улице сиротам хлеб
Твои разделяют хрустальные руки.
Довольно! Мой скипетр, порфира и трон,
И власть, и народ — всё тобой озарится.
В короне нет лучшего камня. И он
Не ты ли, моя госпожа и царица?»
Но дева спокойно сказала в ответ:
«К чему мне сокровищ запас драгоценный?
Моей чистоты не смутят они, нет.
Ее не купить всем богатствам вселенной.
Иные мне песни над люлькою мать
Певала. И пел мой отец по-иному.
Ничто мне на троне с царем восседать,
Коль благ ты не даришь народу родному.
Царицей мне стать! Дай народу сперва
Ты волю. Чиновников алчность и злоба
Народ угнетают. Умерь их права.
Царь вместе с народом — пусть царствуют оба.
Себе не желай ты народных трудов.
Царь добрый богатства народа не ищет,
Но, милостивый, обездоленных вдов
Разрушенные обновляет жилища.
И к сердцу прижми ты голодных сирот,
Плачь с ними. И деве, отброшенной в бездну,
Лишившейся света, подай от щедрот
Своих и рукою своею железной
Ее из пучины ты выведи в высь,
К творцу, ободряя надеждой живою.
Народ за тобою следит. Торопись,
Пока еще сердце народа с тобою.
И подданных заново ты оживи.
Тогда я твой трон разделю как супруга.

О царь, я сама не скрываю любви,
И оба мы издавна знаем друг друга!»

И царь поражен. Голос девы умолк.
Царь чист еще, молод. Он понял — корона
Дарована богом, как бремя и долг.
Он понял, в чем блеск и величие трона.
И чистые слезы скатились из глаз,
И бог эти светлые слезы заметил.

Вот лето и осень прошли. Пронеслась
Зима, будто сон. Мир ликующий встретил
Весну, обновившую сердце страны.
Долины звенят. Соловьиного пенья
Днем майским сквозь ветер раскаты слышны.
Волнуется в городе всё населенье.
На троне роскошном царица с царем
Сидит, всех бесценных сокровищ ценнее.
Царь смотрит в глаза ей. И мечется в нем
Влюбленное сердце. И входит он с нею
В богатую опочивальню. Шелка,
Цветы и парча развлекают их взоры.
Легла на плечо ему девы рука,
И царь совлекает с невесты уборы
И стан обнимает хрустальный. Она
Вся отдана чувствам небесным и нежным.
Глаза затуманены, утомлена
И тонет, как в море, в блаженстве безбрежном,
Дрожит на плече у царя, как листок.
С ее красотой кто сравниться бы мог?

Рассвет. Ветерок. Соловьиный напев.
Блистанье росы на цветах. В царском парке
Царица сидит поутру, побледнев.
Сама — как цветок упоительно яркий.
Семью свою — вдов и сирот — собрала
И кормит пришедших к ней с горем и плачем.
Царь вместе с народом решает дела,
Но вечера ждет он в восторге горячем.

1882

159. КЛЕТКА

Друг, не преследуй скворца ты и не сажай его в клетку:
Крылья даны, чтоб летал он, с ветки порхая на ветку.

Не заключай ты и гордых, вольнолюбивых орлов:
Улицей служит им небо, скалы — их радостный кров.

Не заключай и красавиц, сердцем свободных, как море:
Пусть за любимых выходят — чтоб не увяли от горя.

Девушка дышит любовью, это ее существо;
Сердце дано ей — и больше ей не дано ничего.

Не заключай ты и мысли, предосудительной даже:
Пусть человек ее громко и безбоязненно скажет.

Мы рождены для свободы. Будем же вольными впредь.
Чем угасать за решеткой — мы предпочтем умереть.

1882

160. СТАРОМУ ДРУГУ

> Бороду старость покрыла мою сединою,
> Меня разлюбила жена, дети расстались со мною.

Состарился я, друг. Я не могу в долины
Спускаться за козой. Взобравшись на вершины,
Оттуда с высоты не брошу жадный взор
На землю, свадебный надевшую убор.
Мне кажется: помчит меня мой конь ретивый,
Едва вскочу в седло, через поля и нивы, —
Увы! не годен я, как некогда в былом,
Ни для утех любви, ни для боев с врагом.
Идет красавица, нежна и непорочна,
Проходит, подлая, не замечает точно.
И это я терплю: что делать старикам!
Ведь в жизни претерпеть пришлось немало нам.
Одно с тобой нам, друг, осталось утешенье,
Что не угас огонь святого вдохновенья,
О лучших временах еще жива мечта
И взоры радует природы красота.
Но я совсем один, и сердце не согрето
Ни нежной лаской, ни дружеским приветом.
Ведь рядом — путь стальной. Так приезжай сюда,
Раскроем вместе мы великого Шота,
Мы душу усладим бессмертными стихами,
И Гёте, и Шекспир в беседу вступят с нами;
Великую тетрадь истории возьмем,
О славных подвигах сказанья перечтем;
Мы к небу родины свои подымем взоры
Следить пути светил, бессчетных звезд узоры.

Промчится лето, друг, потом зима придет,
Падет туман в горах, повалит снег, и вот
Веселый огонек уже трещит в камине,
Шашлык румянится, шипя на углях синих,
Накрыт ковер. Сидим. Струит вино в кулах...
Куда занесся я в своих пустых мечтах?!

1883

161. ИРАКЛИЙ И КОХТА

1

Слышу слово Ираклия: «Кахетинец! Врага встречай!
Враг с нагорий спускается, чтобы ринуться невзначай...
Но Похлити поднимется, Сацхениси с кадорцами
Бранной песней и мышцею выйдут меряться с горцами.
Старый Кохта врага ведет, кахетинцев моих кляня;
Черной злобой пылает он, ненавидит давно меня.
Так вставай же, Кахетия! Выходите на гул войны
Вы, вскормленные славою, иверийских полей сыны!»

2

Солнце село на западе. Ночь в долинах и на горе.
Ночь тревожная, черная. Тучи стелются по заре.
Нет ни звездочки на небе. В избах пастырей — темнота.
Точно в саван, в ночной туман Алазань внизу повита.
Точно саван, сырой туман оплеснул ее изумруд...
Так бывает, когда уснут. Так бывает — когда умрут.

3

Но светлеет Кахетия. Совлекает с лица чадру,
Небесами лазурными покрывается поутру.
Облака на вершинах гор зажигает рассвет огнем,
Солнце ясное по заре разгорается мирным днем.
Мать-страна! Ты сняла чадру. Звезды меркнут. Грядет рассвет.
Ранним утром еще нежней нив твоих плодоносный цвет.
О, любуйтесь Кахетией в эти утренние часы,
Небом гор и долинами в благовонном дыму росы!

4

Повторю ли вновь без затей: «Ты прекрасна, Кахетия!»?
Чем прославлю, око страны, синь твою на рассвете я?
Други-братья! Когда умру, тризну справите надо мной,
Тело бренное схоронив в кахетинской земле родной.
Пусть за бедным моим холмом Алазани струи журчат,
Пусть напевы орпирских дев надо мною тихо звучат,
Пусть мой вечный сон сторожат отдаленные цепи гор,
Освежает могилу пусть ветерком зеленый Гомбор,
Пусть страдалец мирно уснет не вдали от прискорбных
мест,
Где повит Тамары моей виноградной лозою крест.
Я был молод. Она тогда восходящей звездою плыла;
В той земле я хочу лежать, где она на покой легла.
А уста кахетинских дев пусть лепечут слова молитв.
«Был певцом, — прошепчут они, — в этом мире злобы и
битв,
Верил в равенство, братство пел, сладко нашу пел
красоту
. . . .
И Кахетию он любил, как ребенок мать да отца.
Он грешил. Не взыщи с него, проницающий нам сердца!»

5

Рассвело. Голосами труб по селеньям льется набат.
Кахетинцы! Внемлите все, как в горах и в долах трубят!
Слышат Пшави набатный звон, и Тушетия и Сигнах,
Он в Кварели, в Греми звучит, он звенит во всех
сторонах,
На пронзительный этот вопль отозвалися цепи гор:
«О Кахетия, враг идет! Выходи на кровавый спор!
Враг, что нужно тебе от нас? Или ты завидуешь нам —
Алазани чистой моей, отягченным ее садам?
Знай: Кахетия — это мать, кахетинцы — ее сыны.
Как десница ее, они силой правды своей сильны».
Нет, не дремлет Кахетия. Не смежил ее очи мрак.
В темных засеках ждет она, чтобы хищный нагрянул
враг.

6

Как же звать бойца,
Что, пленив сердца,
Воинство привел ночью за собой?
Впереди дружин
Кто стоит один?
Не страшит его неизбежный бой.
Он спокойно ждет,
Оком поведет —
И глаза его пламенней огня.
Он пронзает мрак,
Где таится враг;
Маленькой рукой
Горячит коня.
Ростом невелик;
Благороден лик;
Гордый взор его — точно взгляд орла.
Меж широких плеч,
Словно черный меч,
На крутую грудь
Борода легла.
Враг спешит вдали,
Враг летит в пыли,
Слышен бранный клич,
Страшен бранный строй.
Он же впереди,
Точно посреди
Мирного дворца — маленький герой,
Вот он ждет верхом
На коне лихом.
Верный Шахсеван — так зовется конь,
Славен конь его:
В жилах у него
Аравийских стран
Золотой огонь.
Грянул грозный бой.
Воплями, пальбой
Смущена небес голубая твердь.
Всё кругом кипит.
Кто же победит?
Суждены кому и позор и смерть?

Тигром между скал
Кто там проскакал?
Кто гранитных гор разрывает круг?
Он зовет с собой
Кахетинца в бой,
Вызывает с ним встретиться сам-друг...
То не тигра рев,
То не ярый лев, —
Люди то сошлись, давние враги.
Схватку двух зверей,
Битву двух царей
Вдохновенно петь, муза, помоги!
Чтобы с губ моих
Лился грозный стих,
Чтобы он гремел гулом прошлых сеч,
Чтобы жег сердца,
Чтобы звал бойца
Наголо держать кахетинский меч!
Страшен этот миг:
В два прыжка настиг,
Налетел и смял — удержись в седле!
Поднялась рука,
Свищет сталь клинка...
Кохта! Ты простерт мертвым на земле.
Кахетинцы — вы
Ринулись, как львы,
Обнажить мечи, дать врагу отпор.
Гордый враг дрожит,
Сильный враг бежит
В дикие леса, в щели дальних гор...

7

Так, бывало, сражались мы за родную нашу страну,
Так потоками кровь лилась за прекрасную родину.
О Кахетия! Мирный плуг ты одной водила рукой,
Самых дерзких своих врагов отражала мощно другой.
Ты под новым солнцем цветешь, Алазани плещет волна,
А душа Ираклия — там, над тобой витает она!

1883

162. ИРАКЛИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Править нашей землею,
Утомленной войною,
Небом послан Ираклий. И вот,
Охраняя владенья,
День и ночь он в бореньe,
Трудный долг пред отчизной несет.

Ради веры христовой
Выступает, готовый
Все народы рукою достать.
Хоть враги нападали,
Меч из блещущей стали
Не отнимет коварная рать.

Бьется он с Дагестаном,
Бой ведет с Азат-ханом,
Запер путь он, пройдя на Евфрат,
Слева персам, а справа
Туркам. «Смелому слава», —
Так в Европе о нем говорят.

Но велением рока
Испытуем жестоко
Край родной. Неужели теперь
Ты падешь под ударом,
О Иверия? Даром
Столько жертв мы несли и потерь?

Горы, разве довольно
Слушать звон колокольный?
Клич муллы вам заменит его?
Смолкнут храмы христовы,
Их священные зовы,
Гимнов благостное торжество?

Есть дорога Стефана
Цминда. Слуги Корана
Там решили занять перевал —
Турки, персы, лезгины.
С высоты той в низины
Меч, грозящий Христу, засверкал.

О Иверии слава!
Храмов древние главы —
Им, поруганным, на землю пасть?
Им, священным и гордым,
Наступающим ордам
Иноверных достаться во власть?

Гор грузинских верховья
Орошаются кровью,
В долах — кровь. И редеет народ.
Смерть. Неверные ближе.
Гибнет войско. Кто выжил,
Снова в руки оружье берет.

Бьются всюду упрямо —
В скалах, в долах, у храма,
На порогах родимых домов.
«За отчизну, о братья!
В бой с кощунственной ратью!»
На войне и в домах — тот же зов.

Но враждебная сила
Крепнет, многих скосила.
И в груди у Ираклия — стон.
Видит крови потоки —
И удел свой жестокий,
И рождения день проклял он.

Доблесть тут не защита.
Кровь напрасно пролита.
Враг, Ираклия к стенам тесня,
Рвется в город. Охрана
Где найдется? Багряно
Город вспыхнул в объятьях огня.

Что ж? Ираклий решенье
Принимает: «В сраженье
Не погиб я, дышу я пока.
Мне предать невозможно
Свой народ. Значит, в ножны
До конца меч не вложит рука.

Я умру, — нет героя,
Кто бы принял средь боя
Из руки моей выпавший меч».
Всё окинул он взглядом —
«Нет наследника рядом,
Только я мог оружье беречь».

И на Север рукою
Указал он, такое
Слово молвил: «У этой страны
Вы, нуждаясь в защите,
Помощь, братья, ищите,
С тем народом вы слиться должны».

Слабнет ратника сила.
Что осталось? Могила —
Два аршина тяжелой земли.
Но добился он цели,
Свет христов и доселе
Сохранить мы над нами смогли.

Спас он нас. И об этом
Вам расскажут с приветом
Алазань, и Аракс, и Евфрат,
Крепость вышняя — Гори,
Как о нашей опоре
Все о подвиге том говорят.

Говорят о герое
И Арагва с Курою,
И долины, и горная круть,
И Ганджа с Эриванью,
И проносит сказанье
Вдоль Евфрата простершийся путь.

Всех спросите вы сами,
Всюду перед глазами,
В каждом месте следы его дел.
Все родные поселки
Повествуют о долге,
Что Ираклий исполнить сумел.

То же скажут гробницы
Те, в которых хранится
Наших дедов и прадедов прах,
Что с Ираклием вместе
Ради веры и чести
Погибали с мечами в руках.

Но каким же отличьем
Ты почтила величье
Этой жизни, родная страна?
Вот могила героя —
Только ветхой парчою
Да простым кирпичом убрана.

1884

163. ГОРСКАЯ ДЕВУШКА И ПУТНИК

Девушка

Напрасно зовешь меня, путник, с собой в долину.
Я землю свою, родной свой край не покину.

Путник

Что край тебе этот — горы, пропасти, кручи?
Что край тебе этот — простор туманов холодных,
Где солнце бессильно рассеять мглистые тучи,
Где рощ кудрявых не видно на склонах бесплодных?
Утесов толпа, тебя обступая, теснится,
И ты меж утесов томишься одна, как в темнице.
А там твой взор насладился бы светлым простором
Зеленых долин, что цветов покрыты узором.
Там солнце в волнах омывается с каждым восходом,
И море и берег, слиясь в кругозоре бескрайном,
Беседу, мнится, ведут на наречии тайном.
И теплый ветер по синим проносится водам;
Легко тебе было б дышать под тем небосводом.

Девушка

Что, путник, мне солнце ваше, и светлые волны,
И воздух ласкающий ваш, ароматами полный?
И ветер морской мне навеет ли теплую негу,
Коль буду вдали от гор, от чистого снега?
Взгляни, как играют вершины в искрах несметных,
Блистают державным венцом из камней самоцветных,
Дороже любимые горы мне долов зеленых,
И ветров, над морем веющих, благовонных,

И светлого неба, и волн, лучами согретых,
И звезд, и луны, и лугов, цветами одетых.

Путник

Дворец большой я над морем воздвиг на утесе.
Оазис цветов живительной сенью разросся.
Волна, шелестя и зыблясь, бежит у подножья,
Под шелест ее дремала б ты сладко на ложе,
Когда бы царицей дворца и супругой была мне,
Жемчужиной, что не затмят самоцветные камни.

Девушка

Простая лачуга милее мне, чем палаты,
Чем в ваших садах роскошных цветов ароматы.
До смерти страну свою не покину родную,
Под этим утесом себе могилу найду я.

Путник

Твой взор насладился б изменчивым морем впервые:
То яростно гребни оно вздымает седые,
То мирно у берега спит в ночном обаянье,
И звезд и луны на волнах не колеблет сиянья,
И, в теплой мгле расстилаясь дорогою млечной,
Расплавленным блещет сребром в дали бесконечной;
А днем корабли в синеве парусами белеют
И гордо их крылья, над морем простертые, реют.
Просторные строим в нашем краю города мы —
Палаты, дворцы высокие, пышные храмы.
Ты зрелища в жизни своей не видала чудесней,
Там сердце твое усладили бы игры и песни.

Девушка

Взгляни на вершину, едва доступную взору:
Когда восхожу я на эту высокую гору,
Вся Грузия, вижу, лежит вдали предо мною,
Какая природа, отрадою дышит какою!
Гляжу на лучами разубранный край наш безбрежный,
Иверия, мнится, в красе возрождается прежней.
Кахетию и Карталинию взгляд мой единый
Окинет, а там Имеретии видит долины.
Гляжу, как мирно трудятся все, и легко мне,
Но сердце убитое стонет, как прошлое вспомню.

В чем радость найду вдали от родимых селений,
Коль в храме нашем я пасть не смогу на колени,
В слезах перед девой святой не утишу тревогу,
И сердце за край наш родной не помолится богу,
И крепость Тамары на той не увижу вершине,
И образ ее, что в соборе хранится поныне.
Мне музыка ваша и песни тронут ли душу,
Когда не услышу напева свирели пастушьей?
Взгляни на родник, что брызжет с вершины скалистой
И в темную бездну росой уносится чистой,
Как будто сыплет господь жемчуга с небосвода...
Стократ мне милей он, чем моря неверные воды.

Путник

Народ просвещенный и мудрый увидишь в краю том,
В великой стране, что искусству служит приютом.
Лишенный света, твой разум в глуши закоснеет.
Лишь там божественный луч твою душу согреет.

Девушка

Отец мой на горы поднялся из дольнего края,
Дитя этих гор, у груди их с рожденья росла я,
Родным моим знанья на долю досталося мало,
Но речь их простая глубоко мне в душу запала;
Немного познаний отец мне оставил в наследство,
А мать напоила ученьем божественным с детства:
Долг женщины — верной стезей идти без упрека,
Спокойствие сердца хранить, не ведать порока,
Жить в братстве с крестьянами, близкой быть горести вдовьей,
Чтить землю родную, беречь очаг свой с любовью,
Покорной во всем старикам, что в трудах поседели,
И в памяти сладкий лелеять язык Руставели.
Научена этому я, чего же мне боле?
В иную страну не мани меня лучшею долей.
Как горный цветок, с землею расставшись своею,
Печальною гостьей я в чуждом краю захирею.

Путник

Тебя повстречал я случайно дорогою этой,
Но близость милой мой взор услаждают приметы.

Вдали от тебя бороться с горем нет силы,
И мысль о разлуке зияет разверстой могилой.

Девушка

Ты думаешь так, но недолго печалиться будешь.
Покинешь горы, в долине меня позабудешь.
А я... но полно... прощай... будь счастлив с другою.
Меня же, как брат сестру, вспоминай лишь порою.

1887

164. КОЛХИДА

О, скажи мне, открой мне, Колхида,
Как могла быть людьми ты забыта?
Не тебя ль псалмопевцы воспели?
Плыл Язон за руном не к тебе ли?
Дикой прелестью и красотою
Кто, Колхида, сравнится с тобою?
Как могло твое славное имя
Быть забыто сынами твоими?

Волны Понта тебя омывают.
Небеса синевою блистают.
От земли до краев небосклона
Гор твоих огневая корона,
Как сиянье, встает над тобою.
Фазис бьет златоносной струею.
Ты на лоне цветущем лелеешь
Дочерей несравненных Медеи.
О руно золотое, Колхида —
Иверийцев краса и защита,
Как могло твое славное имя
Быть забыто сынами твоими?

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены в русских переводах лучшие и наиболее характерные произведения четырех поэтов, виднейших представителей грузинского романтизма: Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Николоза Бараташвили, Вахтанга Орбелиани.[1]

Отдельные произведения представленных в данном сборнике поэтов были переведены на русский язык еще в XIX столетии. В 1889 г. в Тбилиси вышел сборник «Грузинские поэты в образцах» (2-е, доп. изд. — в 1897 г.), подготовленный и составленный И. Ф. Тхоржевским и его женой (писали под псевд. Иван-да-Марья), известными переводчиками стихов Беранже на русский язык. В этом сборнике в их переводах были представлены некоторые стихотворения грузинских романтиков, в том числе А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани. В 1905 г. в Тбилиси вышел на русском языке так называемый «Баратовский томик», то есть «Критико-биографический очерк поэта кн. Н. М. Бараташвили и избранные стихотворения с портретом автора». В 1914 г. была издана книга Н. Реулло «Из грузинских поэтов», также содержащая несколько переводов поэтов-романтиков.

В советское время сочинения выдающихся поэтов-романтиков Грузии привлекли внимание крупнейших советских ученых и поэтов-переводчиков.

В 1938 г. в Москве в переводе на русский язык под ред. В. Гольцева и С. Чиковани вышли произведения Н. Бараташвили. В 1939 г. в Тбилиси вышел сборник стихотворений Г. Орбелиани в переводе на русский язык Р. Ивнева. В 1940 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» было предпринято издание «Грузинские романтики. А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, В. Орбелиани» в переводах русских поэтов, под ред. Н. С. Тихонова и Ю. Н. Тынянова, при участии М. Л. Лозинского. Вступительную статью к сборнику написали А. Г. Островский и А. В. Федоров. В качестве переводчиков в нем принимали участие А. Оношкович-Яцына, А. Островский, В. Рождественский, С. Спасский, С. Шервинский и др., а консультации по вопросам передачи грузинского оригинала осуществлялись

---

[1] История изданий названных авторов на родном языке кратко излагается в преамбуле к примечаниям, сопровождающим произведения каждого поэта.

В. Н. Дондуа. Итоги и основные направления переводческой работы были рассмотрены в статье А. В. Федорова «О путях и средствах передачи грузинского стиха».

Это издание явилось важным этапом на пути воссоздания великолепных образцов грузинской романтической поэзии на русском языке.

В следующем, 1941 г., это издание (в сокращенном виде— исключены переводы из В. Орбелиани) было повторено в Малой серии «Библиотеки поэта».

В 1940—1950-х гг. переводческая работа продолжалась. В 1946 г. в переводе Б. Пастернака вышли произведения Н. Бараташвили (ответственный редактор А. А. Сурков), неоднократно затем переиздававшиеся в Москве и Тбилиси. В 1972 г. и 1974 г. в Ленинграде и Тбилиси произведения Н. Бараташвили вышли в переводе М. А. Дудина. В 1947 г. в Тбилиси, а в 1949 г. в Москве — Ленинграде вышли сочинения Г. Орбелиани в переводе на русский язык Н. Заболоцкого (под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани), также затем неоднократно переиздававшиеся. В 1957 г. в Тбилиси в русском переводе вышли стихотворения А. Чавчавадзе и воспоминания о нем под редакцией и с предисловием акад. И. Г. Гришашвили, которому, безусловно, принадлежит первое место по выявлению и публикации ранее неизвестных произведений и созданию первой научной биографии поэта. Сочинения В. Орбелиани отдельным изданием на русском языке не выходили. Они, так же как образцы поэзии других грузинских поэтов, входили в состав антологий на русском языке.

В настоящем издании произведения Н. Бараташвили и Г. Орбелиани представлены в переводах Б. Пастернака (кроме «Мерани», переведенного М. Л. Лозинским) и Н. Заболоцкого. Сочинения А. Чавчавадзе и В. Орбелиани переведены несколькими поэтами.

Сборник содержит, таким образом, почти все поэтическое наследие Г. Орбелиани (исключая, естественно, переводы и несколько стихотворений, принадлежность которых поэту окончательно не доказана), наиболее полное собрание стихотворений А. Чавчавадзе, переведенных на русский язык, полное собрание стихотворений Н. Бараташвили и избранное В. Орбелиани. Произведения Н. Бараташвили переводились на языки народов СССР, они переведены и изданы во многих странах мира. Из изданий Г. Орбелиани на иностранных языках заслуживают внимания немецкие переводы Артура Лайста в его книге «Georgische Dichter» (Leipzig, 1900), содержащей 19 стихотворений Г. Орбелиани, а также переводы на английский язык, выполненные Венерой Урушадзе в книге «Antology of Georgian Poetry» (Tbilisi, 1948).

Структура сборника следующая. В четырех разделах размещены сочинения А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, В. Орбелиани. Каждый раздел открывается биографической справкой, в которой сжато излагаются основные сведения о жизненном и творческом пути каждого поэта. Затем в хронологическом порядке располагаются тексты (сначала стихотворения, затем, у двух авторов — Г. Орбелиани и Н. Бараташвили, — поэмы). Стихотворения А. Чавчавадзе датировке поддаются с огромным трудом и весьма приблизительно. Поэтому, следуя традиции всех других изданий поэта (как на родном, так и на русском языках), в настоящем сборнике они

расположены в установившемся порядке без указания даты написания. Произведения других поэтов датированы с разной степенью точности. Даты приблизительные сопровождаются вопросом; год, не позднее которого создано то или иное произведение, заключается в угловые скобки. Две даты, отделенные тире, означают, что данное стихотворение создавалось на протяжении ряда лет.

В примечаниях сообщаются необходимые историко-литературные сведения, объясняются оставленные без перевода грузинские слова, бытовые и прочие реалии.

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ

А. Чавчавадзе не довелось увидеть свои стихотворения напечатанными. Они стали публиковаться лишь после его смерти, если не считать одного его перевода из Пушкина («Пробуждение»), напечатанного в 1830 г. без подписи переводчика.

Первый сборник поэта на грузинском языке вышел в 1881 г., а второй, более полный, лишь в 1940 г. (под ред. акад. И. Гришашвили).

1. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1846 г., относится, безусловно, к раннему периоду творчества поэта; образец его гражданской лирики.

2. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. В форме любовного послания выражена вера в лучшее будущее родины. Относится к первому периоду творчества А. Чавчавадзе.

3. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1846 г. Одно из самых популярных стихотворений поэта. *Мухамбази* — по-арабски пятистишие; строфическая форма со строго определенной рифмовкой. В грузинской поэзии претерпела значительные изменения и в количестве строк, и в системе рифмовки. Этот вид стиха имел у грузин песенный характер и выступал в качестве застольной песни. Переведено на немецкий язык Артуром Лайстом. На русский язык переводилось неоднократно. Для данного издания выбран перевод И. Тхоржевского, опубликованный впервые в 1885 г. в тбилисской газете «Новое обозрение», а затем в сборниках «Грузинские поэты в образцах», несмотря на то, что, как отмечала тогдашняя критика (И. Мачабели), на переводе лежит явный отпечаток песен Беранже (И. Тхоржевский и его жена, писавшие под псевдонимом Иван-да-Марья, были известными переводчиками Беранже). Между прочим, в драме А. И. Сумбатова-Южина «Измена» отрывок из этого стихотворения поется в следующей редакции:

Вот опять вино играет,
Ночь весельем озаряет;
С Арарата лишь спустился
Ной — немедленно напился!
Лишь вино удалый пьет,
Воду тянет всякий скот!

4. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1877 г. *Мустазади* — форма, аналогичная мухамбази (см. примеч. 3). В грузинской поэзии также претерпела изменения.

5. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Вошло в народный песенный репертуар.

6. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1859 г. Несмотря на упоминание Марса, навеяно восточной поэзией. *Кахетинцы* — жители Кахетии, восточной части Грузии. *Картвельцы* — здесь: жители Карталинии (область Восточной Грузии по среднему течению р. Куры).

7. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

8. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Один из образцов интимной лирики поэта.

9. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г.

10. Впервые опубликовано в 1940 г. акад. И. Гришашвили в издании сочинений А. Чавчавадзе на грузинском языке.

11. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. *Маджама* — омонимическая рифма. *Баяти* (перс. — бейти) — стихотворная форма, каждая строфа которой состоит из четырех строк, по семь слогов в каждой.

12. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1881 г. в первом авторском сборнике. Одно из ранних политических стихотворений А. Чавчавадзе. *Дворец Павла Первого* — Михайловский замок (1797—1800) в Петербурге. Русский император (1796—1801) Павел I проводил политику жестокой реакции. В ночь на 12 марта 1801 г. был убит в Михайловском замке в результате заговора, о котором был извещен его наследник, будущий император Александр I. Идеализация Павла I А. Чавчавадзе в какой-то степени объясняется, по-видимому, тем, что в его царствование было подготовлено, а в 1801 г. произошло присоединение Грузии к России.

13. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

14. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1877 г.

15. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1871 г. Пронизанное жгучим социальным протестом, стихотворение в этом отношении стоит особняком во всей грузинской романтической поэзии.

16. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1877 г.

17. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Название стихотворения передано в переводе не совсем верно. Более точно его следовало бы назвать «Времена жизни человеческой».

18. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1871 г. Вопрос, во время какого ареста поэта создано стихотворение (1804 или 1832 г.), до сих пор окончательно не решен. Акад. И. Гришашвили склоняется к первой дате, хотя еще Илья Чавчавадзе высказался за вторую.

19. Впервые напечатано одновременно с предыдущим стихотворением. Вопрос о дате его написания также не решен.

20. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

21. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1881 г. в первом авторском сборнике.

22. Впервые на грузинском языке — там же, где предшествующее стихотворение.

23. Впервые на грузинском языке опубликовано там же, где № 21, 22.

24. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

25—29. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1881 г. в первом авторском сборнике.

30. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1881 г. в первом авторском сборнике. По мнению акад. И. Гришашвили, в первой публикации были ошибочно слиты воедино два разных стихотворения (это и след.). Эта мысль представляется правильной. Поэтому каждое стихотворение печатается в данном издании отдельно.

31. Впервые на грузинском языке опубликовано в первом авторском сборнике поэта (1881). См. также примеч. к предыдущему стихотворению.

32. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. в журнале И. Чавчавадзе «Вестник Грузии». Весьма популярное в народе стихотворение. *Газела* — лирическое стихотворение, имеющее, как правило, семь или более двустиший с определенной системой рифмовки.

33. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Некоторые исследователи сомневаются в принадлежности этого стихотворения А. Чавчавадзе, однако и по сегодняшний день оно включается во все его сборники.

34. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Есть глухое указание П. Иоселиани на то, что вторая строфа стихотворения переведена поэтом с французского.

35. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Одно из программных стихотворений поэта. *Понтийские волны* — то есть

волны Черного моря. *Голиаф* (библ.) — великан, побежденный Давидом (см. примеч. 50). *Цицишвили* П. Д. (1754—1806) — генерал русской армии; во время русско-иранской войны в 1804—1805 гг. руководил отражением нападения иранских войск. Путем переговоров добился присоединения к России Имеретии и Мегрелии.

36—38. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1852 г.

39. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г.

40. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

41. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1878 г. в «Альманахе» № 1.

42. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Весьма популярное стихотворение в грузинских литературных кругах XIX в.

43. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1858 г.

44. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. *Гокча* — озеро Севан в Армении. Знаменитое стихотворение поэта, вершина его романтического творчества.

45. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1881 г. в первом авторском сборнике. Очень популярная песня. Композитор И. Каргеретели создал романс на основе этого стихотворения.

46—49. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1881 г. в первом авторском сборнике.

50—52. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1881 г. в первом авторском сборнике. *Солнце, войди в наш дом* — припев грузинской колыбельной песни. *Давид* (библ.) — легендарный царь Иудеи, создатель псалмов.

53. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

54. Впервые на грузинском языке опубликовал акад. И. Гришашвили в издании сочинений поэта на грузинском языке в 1940 г.

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ

Произведения Г. Орбелиани при жизни автора выходили на грузинском языке отдельными изданиями несколько раз.

Впервые в 1873 г. П. Умикашвили издал сборник стихотворений поэта (до этого отдельной книжкой издавалась поэма «Заздравный тост», 1871), затем З. Чичинадзе в 1879 г. переиздал этот сборник, пополнив его новыми стихотворениями поэта. Третье издание вышло через год после смерти автора, в 1884 г., с добавлением пяти новых стихотворений. Издатель (З. Чичинадзе) отмечал, что данное издание осуществлено с экземпляра предыдущего, правленного самим

Г. Орбелиани. Поэтому данное издание можно считать прижизненным и оно занимает особое место, как исправленное самим автором.

Главные издания произведений Г. Орбелиани в советское время следующие: издание 1928 г.; издание 1935 г. под ред. М. Зандукели; издание 1940 г. под ред. А. Гацерелиа; издание 1948 г. под ред. А. Гацерелиа; издание 1951 г. под ред. А. Гацерелиа (академическое) и ряд других.

55. Впервые на грузинском языке опубликовано в издании 1884 г. Посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

56. Впервые на грузинском языке опубликовано в издании 1873 г. Стихотворение посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

57. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. *Екатерина Ча(вчава)дзе* (1816—1882) — младшая дочь поэта Александра Чавчавадзе, отличавшаяся исключительной красотой. Сестра Нины Грибоедовой (см. примеч. 59). В нее был влюблен и посвящал ей свои стихи Н. Бараташвили. В 1839 г. она вышла замуж за владетельного князя Мингрелии (Самегрело) Давида Дадиани. *Цинандали* — имение Александра Чавчавадзе в Кахетии (Восточной Грузии).

58. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. Полагают, что стихотворение посвящено другу поэта, *Антону* Егоровичу Орбелиани, служившему в 30-х годах офицером 14-го грузинского гренадерского полка.

59. Впервые на грузинском языке напечатано в 1861 г. Посвящено старшей дочери Александра Чавчавадзе — *Нине* (1812—1857), лишившейся в семнадцатилетнем возрасте своего мужа А. С. Грибоедова. Ей же посвящен ряд других стихотворений Г. Орбелиани. Поэт был безнадежно влюблен в нее.

60. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. *Мухамбази* — см. примеч. 3.

61. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. с подзаголовком «Из Жуковского».

62. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. Посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

63. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. Адресат стихотворения неизвестен.

64. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г. Стихотворение посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

65. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г. Должно быть, посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

66. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г. Стихотворение является частью перевода-переделки «Исповеди Наливайки» из поэмы К. Ф. Рылеева «Наливайко» (1824—1825). Г. Орбелиани изменил местный колорит, историческое содержание, конкретные реалии произведения, целиком приспособив его к родной действительности и полностью сохранив вольнолюбивый пафос поэмы Рылеева. Стихотворение было весьма популярным в кругах грузинских заговорщиков 1832 г. (см. вступ. ст., с. 7). Русский текст Н. Заболоцкого является любопытным примером «обратного» перевода на русский язык отрывка из Рылеева, переведенного и переделанного в свое время с русского же языка. *Кистины* — ингуши. *Османы* — турки.

67—70. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1928 г.

71. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1858 г. Одно из популярнейших стихотворений поэта. Посвящено *Ярали* Шаншиашвили, последнему придворному поэту грузинских царей, с которым Г. Орбелиани познакомился в Петербурге, где тот жил с высланным из Грузии царевичем Парнаозом. *Коджорские высоты* (Коджори) — живописная дачная местность недалеко от Тбилиси. *Иверийцы* (иберийцы) — грузины (Иверия — древнее название Восточной Грузии). *Картвелы* — грузины (Картли — древняя область Грузии). *Александровский сад* — ныне Сад коммунаров. *Джирити* — конно-спортивные состязания. *Царь Ираклий* — см. примеч. 107. *Азарпеша* — ковш для вина с длинной ручкой.

72. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1926 г.

73. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. По предположению некоторых исследователей, стихотворение посвящено Софье Орбелиани, нареченной невесте поэта. Свадьба эта не состоялась: С. Орбелиани вышла замуж за Н. П. Безака — крупного русского чиновника.

74. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г.

75. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. *Мирзаджан* Мадатов — друг поэта, известный в 30-х годах тбилисский кутила, обычно исполнял роль тамады, то есть руководителя застолья. Служил переводчиком в штабе генерала А. П. Ермолова. «Эпитафия» носила шуточный характер.

76. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г. По предположению исследователей, стихотворение посвящено Софье Орбелиани (см. примеч. 73).

77. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г.

78. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. По предположению исследователей, адресатом стихотворения могла быть Софья Орбелиани (см. примеч. 73).

79. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1928 г. Незавершенный фрагмент стихотворения. *Руставели* Шота — великий грузинский поэт XII в., автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Г. Орбелиани был председателем комиссии по установлению точного текста поэмы.

80. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. Является подражанием стихотворению Пушкина «Веселый пир» (1819):

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель.
Где до утра слово *пей*!
Заглушает крики песен.
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Азарпеша — см. примеч. 71.

81—84. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1873 г.

85. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1873 г. Написано во время заключения поэта в Авлабарских казармах (в Тбилиси) в связи с раскрытием заговора 1832 г. (см. вступ. ст., с. 7). *Мухамбази* — см. примеч. 3. Стихотворение носит шутливый характер. *Саломэ* — жена поэта Александра Чавчавадзе. *Бежан* — тбилисский портной по фамилии Умиков. *Пусть мятежная знать нарвалась на капкан* — намек на провал заговора 1832 г.

86. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. *Саят-Нова* — псевдоним известного тбилисского поэта-ашуга XVIII в. *Арутина*, состоявшего одно время при дворе царя Ираклия II. Армянин по национальности, он слагал свои песни на грузинском, армянском и азербайджанском языках. Убит в 1795 г., при вторжении в Тбилиси полчищ персидского шаха Ага-Магомет-хана. Имел некоторое влияние на грузинских поэтов конца XVIII и начала XIX в. *Чианури* — восточный четырехструнный смычковый инструмент, напоминающий скрипку. *Хинико, хинкико* — рефрен, подражание звучанию чианури.

87. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Шуточное стихотворение, написанное поэтом на рождение третьей дочери Александра Чавчавадзе — Софии, впоследствии баронессы Николаи. *Бежан* — см. примеч. 85. *Саломэ* — см. примеч. 85.

88. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1873 г. Посвящено Софье Орбелиани (см. примеч. 73).

89. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1858 г. Одно из лучших стихотворений поэта. *Евфимия* (Ефемия) — старшая сестра Г. Орбелиани, мать Николоза Бараташвили. Поводом к созданию

стихотворения явилась смерть матери поэта (1833). Написано в ссылке.

90. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. *Азарпеша* — см. примеч. 71. *Алаверда* — прозвище тбилисского народного певца и поэта. Дословно «алаверда» означает: «господь с тобою» (застольное приглашение осушить чашу с вином). *Тари* — восточный струнный музыкальный инструмент, пяти-, иногда шестиструнный. *Димплипито* — народный музыкальный инструмент, напоминающий литавры. *Тамада* — руководитель пиршественного стола.

91. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

92. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. Адресат стихотворения — супруга графа А. К. Оппермана, в 1837—1840 гг. командира 14-го грузинского гренадерского полка, где служил офицером поэт.

93. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1873 г. Адресат неизвестен.

94. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. Одно из самых знаменитых и популярных стихотворений поэта. *Дэв* — исполинское злое чудовище в грузинском фольклоре.

95. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1873 г.

96. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Эпиграф — первая строка пушкинского стихотворения — написан автором на русском языке.

97. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1859 г. Посвящено Н. А. Грибоедовой (см. примеч. 59).

98. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. *Димитрий Он⟨икашвил⟩и* — приятель поэта. Эпиграф взят из популярной грузинской песни *Саят-Нова* (см. примеч. 86). *Пируют в бане до рассвета.* В то время кутежи нередко устраивались в знаменитых тбилисских банях, описанных А. С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». *Ортачалы* (Ортачала) — юго-восточное предместье Тбилиси, славилось садами, служило местом для загородных пиров. *Коджори* — см. примеч. 71.

99. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. *Мухамбази* — см. примеч. 3. Эпиграф — из популярной тогда песни тбилисского ашуга второй половины XIX в. *Чамчи-Мелко. Ортачалы* — см. примеч. 98. *Тамада* — см. примеч. 90. *Коджори* — см. примеч. 71. Стихотворение мыслится как монолог *Лопиана*, тбилисского рыбака, кулачного бойца, прозванного «адъютантом Орбелиани».

100. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1885 г. *Кинто* — особая разновидность тбилисских уличных разносчиков, имевших своеобразные культурно-бытовые традиции.

101. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1885 г. *Азарпеша* — см. примеч. 71.

102. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1877 г. *Бетанийская церковь* — старинный храм недалеко от Тбилиси, замечательный памятник древнегрузинского зодчества. Славится знаменитыми фресками *царицы Тамары* (см. примеч. 107), ее отца Георгия III и ее сына Георгия-лаша. *Ленг-Тимур* (Тамерлан, 1336—1405) — среднеазиатский полководец. Большую государственную деятельность по объединению Средней Азии сочетал с грабительскими походами в Иран, Закавказье и другие страны, отличавшимися необычайной жестокостью по отношению к населению.

103. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1879 г. *Муша* — работник, рабочий. *Саят-Нова* — см. примеч. 86. Написанное в виде монолога трудящегося человека, стихотворение ярко свидетельствует о демократических симпатиях поэта.

104. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1885 г.

105. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1879 г.

106. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1885 г. Последнее стихотворение поэта.

107. Впервые на грузинском языке поэма была опубликована в первом номере журнала «Кребули» за 1871 г. Отдельное ее издание вышло в том же году. Работа над ней началась в 1827 г., окончательная редакция относится к 1870 г. Поэма написана под воздействием «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского. *Иверия* — см. примеч. 35. *Фарнаоз* — первый грузинский царь (III в. до н. э.). Летопись приписывает ему составление грузинской азбуки. *Мириан* — царь Картли (древней области Грузии), боровшийся против захватнической политики Ирана. Ок. 337 г. принял христианство и сделал его государственной религией. *Вахтанг* I (ум. 502) — царь Картли, выдающийся государственный деятель второй половины V в., активно боролся против агрессии Ирана и за централизацию государственной власти. Свою столицу перенес из Мцхеты в Тбилиси, превратив его в большой укрепленный город. Персами был прозван Горгасаром (в грузинском произношении — Горгасал), то есть «волчьей головой» («горг» по-персидски волк, «сар» — голова), из-за того, что его шлем украшало изображение волчьей головы. В древнегрузинских летописях содержится повествование о том, что, завидев в бою царя Вахтанга, персы кричали: «Берегись Горга-сара!» *Кизилбаши* (красноголовые) — распространенное в Грузии прозвище иранцев (отряды иранских войск носили красные шапки). *Давид Строитель* (Давид IV Георгиевич; ок. 1073—1125) — грузинский царь (с 1089) из династии Багратионов. Крупный государственный деятель, способствовавший объединению грузинских княжеств в единое централизованное государство. Восстановил независимость Грузии. В 1122 г., взяв г. Тбилиси, перенес туда столицу из Кутаиси. В его правление большое внимание уделялось строительству городов,

дорог, мостов и т. п. Содействовал развитию просвещения, основал в Гелати (см. примеч. 152) академию. *Ширван* — бывшее Ширванское ханство, занимавшее большую часть нынешнего Азербайджана. *Дербент* (по-грузински Дарубанди) — город на побережье Каспийского моря. В 1167 г. был взят грузинскими войсками. Крепость Дербент возникла в V в. *Ани* — замок и крепость на правом берегу р. Ахурян в Армении. В V—VIII вв. — владение грузинской царской династии Багратидов. *Шемаха* — город в Азербайджане. *Тамара* (Тамар, 1184—1212) — грузинская царица; во время ее правления феодальная Грузия достигла наивысшей политической мощи и культурного расцвета. *Чкондидели* — архиепископы Чкондидские, сыграли видную роль в истории Грузии. В данном случае речь идет об Антонии Чкондидели. *Мхаргрдзели* (Долгорукие) — род владетельных грузинских князей. В поэме Г. Орбелиани «Заздравный тост» повествуется о Захарии Мхаргрдзели — главнокомандующем войсками царицы Тамар. *Гамрекели* — род владетельных князей Южной Грузии (Месхетии). В поэме Г. Орбелиани «Заздравный тост» упоминается Гамрекели — военачальник царицы Тамар. *Кахетинец* — см. примеч. 6. *Тушины* — грузины-горцы, жители Хевсуретии, расположенной в бассейне Хевсурской Арагвы и по северному склону Большого Кавказского хребта. *Хевсуры* — грузины-горцы. *Пшавы* — грузины-горцы, жители Пшаветии (Пшави), расположенной по берегам Пшавской Арагвы и в верховьях реки Иори. *Карталинец* — см. примеч. 6. *Имеретин* — житель западной части Грузии (Имеретии). *Месх* — житель южной части Грузии (Месхетии). *Мегрел* — житель Мегрелии, княжества в Западной Грузии. *Авчалы* — пос. около Тбилиси. *Паскевич* И. В. (1782—1856) — русский военный деятель. Участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. и Отечественной войне 1812 г. С 1826 г. командовал войсками в Закавказье, с 1827 г. — наместник на Кавказе. Командовал русскими войсками во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. на Кавказе. *Миана* — населенный пункт в Персии. *Казвин* — город в Персии. *Кетевана* (Кетеван) — царица Кахетии, мать Теймураза I (1589—1663), мужественно боровшаяся с иранскими захватчиками. Попав в плен, отказалась принять мусульманство, была подвергнута мучительным пыткам и в 1624 г. казнена по приказу шаха Ирана Аббаса I. Грузинская церковь причислила ее к лику святых. *Марабдинская битва* произошла 24 июня 1624 г. В кровопролитном сражении грузинское войско во главе с Георгием Саакадзе было разбито вследствие подавляющего численного перевеса войск шаха Ирана Аббаса. *Вахтанг* VI (1675—1737) — наместник, затем царь Картли (1703—1724), грузинский писатель, ученый и политический деятель. Был свергнут с престола вследствие происков Ирана и Турции, после чего эмигрировал в Россию. В области внешней политики ориентировался на Россию. Союзник Петра I. Много сделал для развития просвещения в Грузии: при нем была основана (1709) первая грузинская типография, где кроме церковных печатались светские книги, с его примечаниями в 1712 г. вышло первое печатное издание поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». По его указанию был составлен свод законов Грузии, вследствие чего он был прозван Законодателем. *Ираклий* II (1720—1798) — грузинский царь из династии кахетских Багратионов, госу-

дарственный деятель, дипломат. С 1744 г. — царь Кахетии, с 1762 г. — Картли-Кахетского царства, то есть Восточной Грузии. Стремился к объединению разрозненных грузинских владений в централизованное государство, свободное от ирано-турецкого господства. Проводил политику сближения с Россией. В 1783 г. заключил Георгиевский трактат о покровительстве России над Восточной Грузией. В поэме говорится о победном походе Ираклия II на Ереван в 1751 г. против иранцев. Намеченная им программа возрождения Грузии не была выполнена из-за отсутствия материальных средств и внутреннего единства страны, а также из-за противодействия феодальной реакции. За свой небольшой рост был прозван Патара Кахи — «Маленький Кахетинец». Похоронен в Мцхета, в соборе Свети Цховели. *Орбелиани* — Джамбакур-Орбелиани Александр Вахтангович (1800—1869) — консервативный грузинский литератор, идеализировавший феодально-дворянское прошлое Грузии; автор исторических драм, статей и мемуаров. Из бесед с ним поэт почерпнул ряд сведений по истории Грузии и посвятил ему написанный впоследствии пролог к «Заздравному тосту». *Кварели* — крепость в Кахетии на левом берегу Алазани, игравшая большую роль в истории Грузии. В 1755 г. крепость героически устояла против многочисленных отрядов хунзахского владетеля Нурсал-бека благодаря искусным военным действиям Ираклия II. *Кизихский моурави.* Кизикия — часть Восточной Грузии. Моурави (груз. — опекун, управляющий) — административная должность в феодальной Грузии. В начале XIX в. после введения в Грузии русского управления институт моурави был постепенно ликвидирован. *Аспиндзская битва* состоялась 20 апреля 1770 г. у с. Аспиндза в Грузии. Грузинское войско Ираклия II разгромило сначала турецкий отряд в 1,5 тыс. человек, затем — турецко-лезгинский отряд в 4 тыс. человек. Эта победа способствовала успешной борьбе Грузии против порабощения султанской Турцией. *Азат*-хан — владетель Тавриза, афганский хан, претендент на шахский трон в Иране. В 1751 г. был разбит Ираклием II неподалеку от Еревана. *Душети* — город в Грузии. *Крцаниси* — местность близ Тбилиси. 11 сентября 1795 г. небольшое грузинское войско доблестно сражалось с огромной армией шаха Ирана Ага-Магомета, мстившего Грузии за ее союз с Россией. Отряд грузин-горцев, прикрывавший отступление небольшого числа уцелевших воинов Ираклия II и состоявший из трехсот человек, героически погиб весь, не отступив ни на шаг. *Форштат* — передовое укрепление.

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

При жизни Н. Бараташвили не было напечатано ни одной его строчки. Стихи его распространялись лишь в немногочисленных автографах и списках. Поэт был известен только в узком кругу почитателей.

Грузинские шестидесятники во главе с Ильей Чавчавадзе подняли на щит Н. Бараташвили, объявив его великим национальным поэтом Грузии и своим предшественником. С этого времени началась необыкновенная слава поэта, достигшая сейчас мирового масштаба.

Впервые несколько стихотворений Н. Бараташвили были опубликованы лишь семь лет спустя после его смерти, в 1852 г., в грузин-

ском журнале «Цискари». Первое издание сборника его стихов на грузинском языке осуществилось в Тбилиси в 1876 г. и с тех пор переиздавалось бесчисленное множество раз. После Руставели Н. Бараташвили — самый популярный поэт в Грузии.

Стихи Н. Бараташвили неоднократно переводились на русский язык и на все языки народов СССР. Они переведены и изданы во многих странах мира.

108. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г. Одно из ранних стихотворений поэта, написанное еще под влиянием так называемой «восточной поэзии».

109. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1872 г. По преданию, стихотворение посвящено знакомой поэта *Кетеване* Эристави (1823—1905). *Чонгури* — трех- или четырехструнный грузинский музыкальный инструмент. *Амилбар* — военачальник; в данном случае — мужское имя.

110. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Одно из первых стихотворений поэта, отмеченных подлинным романтическим вдохновением и своеобразной поэтической мудростью. *Мтацминда* («Святая гора») возвышается над Тбилиси. Там похоронен поэт. Там же находится Пантеон выдающихся грузинских деятелей, а также могила А. С. Грибоедова.

111. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г.

112. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. Посвящено Григолу Орбелиани, который в это время был выслан из Грузии в связи с раскрытием заговора 1832 г. (см. вступ. ст., с. 7).

113. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. *Кабахи* — площадь и сад в старом Тбилиси, место гуляний и празднеств в те годы. *Коджор* (Коджори) — см. примеч. 71.

114. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. Одно из лучших философских стихотворений поэта.

115. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. *Чонгури* — см. примеч. 109.

116. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г.

117. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г.

118. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. Посвящено *Екатерине* Александровне Чавчавадзе (см. примеч. 57).

119. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. *Екатерина Чавчавадзе* — см. примеч. 57.

120—122. Впервые на грузинском языке опубликованы в 1860 г.

123. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

124. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

125. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

126. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

127. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1882 г. Одно из самых знаменитых стихотворений поэта. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

128. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1916 г. Это стихотворение было написано на чаше *Марты* Эристави-Сологашвили, известной красавицы.

129. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. Стихотворение перекликается с пушкинскими «Друзьям» и «К Каверину».

130. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

131. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. *Давидовы псалмы* — см. примеч. 50. *Кимвал* — древневосточный музыкальный инструмент.

132. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. *Мерани* — крылатый вороной конь; популярный образ грузинской мифологии и древней поэзии, близкий античному Пегасу. Одно из самых знаменитых стихотворений Н. Бараташвили.

133. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1861 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

134. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г. В стихотворении символически изображена судьба родины поэта.

135. Впервые на грузинском языке опубликовано в первом авторском сборнике поэта в 1876 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

136. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

137. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1860 г. *Царь Ираклий* — см. примеч. 107. Стихотворение посвящено князю Михаилу Петровичу *Баратаеву*, дальнему родственнику поэта. М. П. Баратаев (Бараташвили, 1784—1856) был сыном симбирского помещика, переселившегося в Россию из Грузии в XVIII в. Получил блестящее

образование, служил в Павлоградском гусарском полку, участвовал в сражениях против Наполеона и, израненный в боях, вернулся в 1815 г. в Симбирск, где в течение 20 лет состоял вначале уездным, а затем губернским предводителем дворянства. Привлекался к следствию по делу декабристов, был масоном. В 1839—1844 гг. находился в Грузии, служил в Закавказском таможенном округе, изучал историю и культуру Грузии, дружил с Н. Бараташвили. Автор замечательного исследования «Нумизматические факты грузинского царства», вышедшего тогда на русском, грузинском и французском языках и принесшего автору большую известность. *Могила царя Ираклия* II находится в Мцхетском соборе Свети Цховели близ Тбилиси.

138. Впервые на грузинском языке опубликовано в издании 1876 г. *Азарпеша* — см. примеч. 71. *Баратаев* — см. предыдущее примеч.

139. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1852 г.

140. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1858 г. Посвящено Е. А. Чавчавадзе (см. примеч. 57).

141. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1862 г.

142. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1873 г.

143. Впервые на грузинском языке опубликовано в 1863 г.

144. Впервые на грузинском языке поэма была опубликована в 1858 г. В основе сюжета этой исторической поэмы — *Крцанисское* сражение и его последствия. Это была последняя большая битва независимой Грузии, битва с полчищами *Ага*-Магомет-хана (см. примеч. 107) на подступах к Тбилиси. Поражение в ней решило судьбы Грузии. См. также примеч. 107. *С ним давно уже у нас союз.* Речь идет о Георгиевском трактате 1783 г., оформившем протекторат России над Восточно-Грузинским царством.

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ

При жизни поэта отдельные его стихотворения печатались в различных грузинских периодических изданиях. Источники и даты первой публикации ряда произведений В. Орбелиани до сих пор не установлены. Первый полный сборник произведений В. Орбелиани увидел свет лишь после его смерти, в 1894 г. Он был издан по инициативе Ильи Чавчавадзе при участии П. Умикашвили. «Краткую биографию» поэта написал сам И. Чавчавадзе.

После этого до советского периода стихи В. Орбелиани не переиздавались. В 1928 г. был издан сборник его стихотворений, повторенный в 1949 г. В 1960 г. в 6-м томе издания «Наша сокровищница» напечатано несколько стихотворений поэта.

145. Стихотворение не датировано, по ряду соображений его относят к 1834 г. — году высылки поэта из Тбилиси в Калугу.

146. Стихотворение датируется периодом ссылки поэта в Калугу — 1834—1837 гг.

147. Написано после возвращения поэта на родину (1837), но не позднее 1839 г. *Арагва* — река в Восточной Грузии, приток Куры.

148. Датируется приблизительно.

149. Первое стихотворение поэта, появившееся в печати (в журнале «Цискари» за 1857 г.). Датируется приблизительно.

150. *Дманиси* — родовая вотчина Орбелиани, крупный город древности в Юго-Восточной Грузии.

151. Впервые опубликовано в 1879 г., вызвало восторженный отзыв современников. *Иверия* — см. примеч. 35. *Бесики* — Виссарион Габашвили (1751—1791), выдающийся грузинский поэт XVIII столетия. *Давид* — Давид Строитель (см. примеч. 107). *Тамара* — царица Тамар (см. примеч. 107). *Руставели* — см. примеч. 79. *Ираклий* — см. примеч. 107. *Шамхор* — местность, где произошло в эпоху царствования Тамар историческое сражение с персами и турками, окончившееся победой грузинских войск. *Аспиндзи* — см. примеч. 107. *Метехский крест.* Метехи — старинная крепость и храм на левом берегу Куры в Тбилиси. *Саганлуки* — предместье Тбилиси. *Телави* — город в Восточной Грузии, бывшая столица Кахетии, где скончался Ираклий II. *Авлабар* — район старого Тбилиси, по левую сторону Куры. Остальная часть города была уже тогда в руках врагов.

152. *Гелати* — храм, воздвигнутый в XII столетии в Западной Грузии близ г. Кутаиси. Крупнейший памятник средневековой грузинской архитектуры и живописи. *Тамара* — см. примеч. 107. В стихотворении использована одна из легенд, утверждающих, что гробница Тамар находится в Гелати. В действительности место захоронения царицы до сих пор остается неизвестным. *Ибериец* — см. примеч. 71. *Давид* Строитель (см. примеч. 107) похоронен в Гелати.

153. *Васо Абашидзе* (1852—1923) — выдающийся грузинский актер. *Иверия* — см. примеч. 35.

154. *Кахетия* — см. примеч. 6 и 107. *Гомбори* — перевал по пути в Кахетию, откуда открывается чудесный вид на Кавказские горы и Алазанскую долину.

155. Поэт вспоминает свое возвращение на родину из ссылки.

156. В стихотворении воссоздана народная легенда о великом грузинском поэте XII столетия Шота Руставели.

157. *Гомборская гора* — см. примеч. 154. *«Мравалжамиер»* («многая лета») — грузинская застольная песня. *Алазань* — река в Кахетии (см. примеч. 6, 107).

160. Стихотворение посвящено известному грузинскому общественному деятелю Димитрию Кипиани. *Кулах* — сосуд для вина.

161. «Действительный исторический факт», — пишет автор в примечании к стихотворению. *Ираклий* — царь Ираклий II (см. примеч. 107). *Похлити* (Похли), *Сацхениси* — села в Кахетии (см. примеч. 6, 107). *Кадорцы.* Кадор — перевал на пути из Кахетии в Дагестан. *Алазань* — река в Кахетии. *Гомбор* — см. примеч. 154. *Тамар* — см. примеч. 107. *Пшави, Тушетия* (Тушети) — области горной Грузии. *Сигнах*, Сигнахские высоты — плоскогорье на юге Кахетии, где расположен город Сигнахи. *Кварели* — крепость и город в Кахетии. *Греми* — село в Кахетии, до XVI в. столица Кахетии, где находился царский дворец.

162. *Азат-хан* — см. текст и примеч. 107. *Дорога Стефана Цминда* — Военно-Грузинская дорога. *Гори* — город к западу от Тбилиси. *Ганджа* — город в Азербайджане (ныне Кировабад).

163. *Иверия* — см. примеч. 35. *Кахетия* — см. примеч. 6, 107. *Карталиния* — см. примеч. 6. *Имеретия* — см. примеч. 107.

164. Дата написания стихотворения не установлена. *Язон* — герой древнегреческого мифа, приплывший из Греции в Колхиду за золотым руном. *Понт* — древнегреческое название Черного моря. *Фазис* — древнегреческое название реки Рион. *Медея* — героиня мифа о золотом руне.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 112 и 113.* Портрет Александра Чавчавадзе. Государственный Литературный музей Грузии.
2. *Между с. 144 и 145.* Портрет Григола Орбелиани. Государственный Литературный музей Грузии.
3. *Между с. 240 и 241.* Портрет Николоза Бараташвили работы народного художника СССР Ладо Гудиашвили.
4. *С. 243.* Автограф начальных строф стихотворения Николоза Бараташвили «Мерани». Институт рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Гр. ССР.
5. *Между с. 272 и 273.* Портрет Вахтанга Орбелиани. Государственный Литературный музей Грузии.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Переводы Б. Пастернака

Перевод М. Лозинского

Переводы Б. Пастернака

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ

ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1978, 336 стр. План выпуска 1978 г. № 381.
Редактор *Л. С. Гейро*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *И. Г. Клейнер*.
ИБ № 1390
Сдано в набор 05.07.78. Подписано к печати 13.10.78. М 18678. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 18.06. Уч.-изд. л. 12,29. Тираж 40 000 экз. Заказ № 608. Цена 1 р. 30 к.
Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

1р.30 к.